

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**КЫРГЫЗСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени ЖУСУПА БАЛАСАГЫНА**

**На правах рукописи
УДК: 343.19 (575.2) (043.3)**

Темирбекова Аида Абдрахмановна

**СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная
деятельность

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

**Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Сманалиев Кынатбек Мойнокович**

Бишкек – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	
1.1. Понятие и виды судебного контроля на досудебных стадиях.....	13
1.2. Предмет и пределы судебного контроля на досудебных стадиях.....	25
ГЛАВА 2. МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ	
2.1. Объект и предмет исследования.....	50
2.2. Методы исследования.....	54
ГЛАВА 3. РЕАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	
3.1. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения мер пресечения	60
3.2. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения иных мер обеспечения уголовного судопроизводства.....	89
3.3. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий.....	107
3.4. Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих досудебное производство.....	121
3.5. Утверждение процессуального соглашения о признании вины в порядке судебного контроля.....	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	160
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	178

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации. Закрепление принципа разделения властей, признание судебной власти самостоятельной ветвью государственной власти со всеми свойственными ей атрибутами расширило сферу ее функционального воздействия на общественные отношения далеко за пределы только осуществления правосудия и повлекло изменения полномочий судебной власти.

В настоящее время функционирование института судебного контроля в новом уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики - одна из актуальных проблем юридической науки и правоприменительной деятельности. Приоритет в правовой защите конституционных прав и свобод граждан, распространяется в полной мере и на досудебные стадии уголовного судопроизводства. Лица, вовлекаемые в уголовное судопроизводство, должны быть гарантированы от необоснованного подозрения, обвинения, осуждения, ограничения прав, свобод и законных интересов.

В статье 23 Конституции Кыргызской Республики провозглашается: «1. Права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Они признаются в качестве абсолютных, неотчуждаемых и защищаемых законом и судом от посягательств со стороны кого бы то ни было. Права и свободы человека относятся к высшим ценностям Кыргызской Республики. Они действуют непосредственно, определяют смысл и содержание деятельности всех государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц»[1].

Провозгласив фундаментальный принцип гражданского общества и правового государства, Конституция Кыргызской Республики одновременно определила и закрепила наиболее важные слагаемые правового механизма обеспечения и охраны названных ценностей. Особая роль в этом механизме принадлежит судебной власти, ее органам и институтам. До недавнего времени на досудебных стадиях предпочтение отдавалось прокурорскому надзору и в

определенной мере процессуальному контролю начальника следственного отдела при практически полном отстранении судов от выполнения такой миссии. Вводя контрольные полномочия суда в досудебные стадии, законодатель, несомненно, исходил из того, что судебная власть станет непреодолимым барьером на пути произвола органов уголовного преследования.

В статье 9 Декларации прав и свобод человека и гражданина закреплено положение о неприкосновенности частной жизни, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. В ч.3 ст. 29 Конституции Кыргызской Республики не просто воспроизведены эти положения, но и подчеркнуто, что «каждый имеет право на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных, электронных и иных сообщений. Ограничение этих прав допускается только в соответствии с законом и на основании судебного решения». Кроме этого, ч.3 ст. 59 Конституции Кыргызской Республики содержит такие конституционные гарантии, как «Никто не может быть задержан, заключен под стражу, лишен свободы иначе как по решению суда и только на основаниях и в порядке, установленных законом».

Значит, в условиях функционирования состязательной модели уголовного судопроизводства приоритетное значение имеет обеспечение конституционных прав и свобод граждан, вовлеченных в производство по уголовному делу. Именно в этих целях в уголовное судопроизводство, а в частности в досудебные стадии был внедрен судебный контроль, практическая реализация которого возложено на следственного судью. Надлежащий судебный контроль должен послужить некой гарантией обеспечения строго соблюдения режима законности органами и должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, в особенности при применении мер обеспечения уголовного судопроизводства, а также проведения следственных, специальных следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы участников процесса.

Необходимо отметить, что в уголовно-процессуальной науке и юридической практике до сих пор существует проблема законодательного совершенствования механизма исследуемого в работе института судебного контроля в досудебном производстве. Система судебного контроля в нашей стране находится еще в стадии своего формирования и поэтому ее глубокое исследование является объективно необходимым.

Тем не менее, в стране сложилась определенная судебная практика, и показатели удовлетворения следственными судьями ходатайств по разным направлениям судебного-контрольного производства, с момента введения в действие УПК КР в новой редакции остаются высокими. Так, по Кыргызской Республике с 2019 г. по первое полугодие 2023 г., всего следственными судьями санкционировано: 24693 - мер пресечения в виде заключения под стражу; 3064 - домашних арестов; 503 - временных отстранений от должности; 4152 - наложения ареста на имущество; на производство эксгумации – 60; осмотра жилища – 784; производства выемки и обыска – 30420; проведение специальных следственных действий – 53249; удовлетворение жалоб на действия и решения органов дознания, следователя и прокурора – 1284; утверждено - 875 соглашений о признании вины.

При этом важно выявить возможности использования положительных элементов практики судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса по действующему уголовно-процессуальному законодательству отдельных стран.

Связь темы диссертации с приоритетными научными направлениями, крупными научными программами (проектами), основными научно-исследовательскими работами, проводимыми образовательными и научными учреждениями. Представленное диссертационное исследование является инициативной работой автора, которое тесно связано с научно-исследовательскими направлениями, проводимыми в Кыргызстане.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования, является комплексное рассмотрение сущности и механизма реализации

института судебного контроля, а также изучение проблемы осуществления судебного контроля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Задачи исследования:

1. изучить правовую природу и сформулировать определение понятия судебного контроля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства;

2. определить предмет и предел осуществления судебного контроля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства;

3. рассмотреть и проанализировать судебный контроль за применением мер пресечения в досудебных стадиях уголовного судопроизводства;

4. определить формы реализации судебного контроля при применении иных мер обеспечения уголовного судопроизводства;

5. исследовать процессуальный порядок и выявить возможные формы судебного контроля за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности;

6. рассмотреть порядок законодательного регулирования судебной деятельности по проверке жалоб на действия (бездействие) и решения государственных органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам;

7. проанализировать законодательное регламентирование процессуального порядка заключения соглашения о признании вины и его утверждения в порядке судебного контроля;

8. разработка предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Научная новизна полученных результатов заключается в комплексном исследовании актуальных вопросов судебного контроля в досудебном уголовном судопроизводстве в Кыргызской Республики, и в определении на этой основе путей совершенствования современной отечественной практики осуществления судебного контроля.

Диссертация представляет собой комплексное исследование судебного контроля как института уголовно- процессуального права, обеспечивающего защиту прав и свобод человека и гражданина в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В ней освещаются такие проблемы, как понятие и формы судебного контроля, виды судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса, а также разрешаются такие дискуссионные вопросы механизма реализации и перспективы развития судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса.

Научная значимость диссертации заключается в самом подходе к исследованию поставленной проблемы как комплексной и многоплановой, а также в предлагаемых решениях ряда конкретных вопросов, нашедших выражение в основных положениях, выносимых на защиту.

Практическая значимость полученных результатов определяется результатами, сформулированными в выводах и практических рекомендациях, направленных на совершенствование осуществления судебного контроля в досудебном производстве на основе нового уголовно-процессуального законодательства Кыргызской Республики. Основные результаты исследования (научные выводы и практические рекомендации) могут быть использованы в работе правоохранительных органов при проведении досудебного производства, а также следственных судей в контрольной деятельности за действиями и решениями органов, осуществляющих расследование уголовных дел.

Основные рекомендации и предложения, разработанные по результатам исследования, могут стать основой для подготовки учебной литературы по курсу «Уголовно-процессуальное право», «Судебный контроль» и другим специальным дисциплинам.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Судебный контроль - это регламентированная уголовно-процессуальным законом деятельность следственного судьи, направленная на защиту конституционных прав, свобод и законных интересов граждан, посредством

санкционирования или проверки законности, обоснованности проведенных следственных, специальных следственных и иных процессуальных действий государственными органами, а также должностными лицами, ведущими досудебное производство по уголовным делам.

2. Предметом судебного контроля является регламентированный уголовно-процессуальным законом, круг проводимых следственных, специальных следственных и процессуальных действий органами, ведущими досудебное производство по судебному решению.

Под пределом судебного контроля понимается в двух аспектах: 1) правовом; 2) фактическом. В правовом аспекте предел судебного контроля определяется нормами уголовно-процессуального законодательства содержащие полномочия следственного судьи по реализации данной функции. В фактическом аспекте предел судебного контроля устанавливается представленными фактическими данными и иными материалами уголовного дела, обосновывающих необходимость проведения подконтрольного следственному судье, следственных, специальных следственных и иных процессуальных действий ограничивающих конституционные права и свободы лиц, вовлеченных в уголовное дело.

3. Рассматривая ходатайство о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, следственный судья должен:

- убедиться, что в производстве органов следствия действительно имеется уголовное дело в отношении лица, подлежащего заключению под стражу;

- проверить, уполномоченным ли на то лицом вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, надлежащим ли образом оно оформлено, установить его обоснованность и законность;

- удостовериться, что преступление, в котором обвиняется лицо, предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок свыше 5 лет, при этом учтены данные о личности обвиняемого, то есть его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства и при этом

применение иной, более мягкой, меры пресечения невозможно по тем или иным причинам;

- следственный судья в обязательном порядке проверяет наличие всех необходимых подписей, наличие всех необходимых документов;

- следственному судье следует проверить, соблюдение сроков следствия.

4. Сущность и назначение судебного контроля при применении иных мер процессуального обеспечения проявляется в следующем: во-первых, в обеспечении законности и обоснованности применения иных мер обеспечения уголовного судопроизводства; во-вторых, в усилении механизмов защиты прав и законных интересов личности при применении иных мер обеспечения уголовного судопроизводства.

5. Судебный контроль за законностью и обоснованностью проведения следственных действий выражается в судебном санкционировании, то есть в принятии решений (даче санкций) на проведение следственных, специальных следственных действий, ограничивающих конституционные права личности. Судебное санкционирование осуществляется в целях охраны, прав и законных интересов личности и обеспечения законности и обоснованности действий и решений органов, осуществляющих уголовное преследование.

6. Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих досудебное производство представляет собой особый, самостоятельный, установленный уголовно-процессуальным законом порядок рассмотрения и разрешения судом жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, по проверке законности и обоснованности обжалуемых действий и решений с целью восстановления нарушенных или ограниченных конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства, предотвращения ограничения гражданам доступа к правосудию, а также устранения и нейтрализации вредных последствий нарушений закона.

7. Назначением института соглашения о признании вины является урегулирование уголовно-правового конфликта посредством достижения компромисса между стороной обвинения и стороной защиты путем заключения письменного соглашения, утверждаемого следственным судьей.

Сущность процессуального соглашения о признании вины состоит в заключении между сторонами обвинения и защиты двустороннего уголовно-процессуального договора, предметом которого являются признание обвиняемым своей вины в совершенном преступлении, на условиях проведения упрощенного судебного разбирательства и смягчения уголовного наказания.

8. Для повышения эффективности осуществления судебного контроля и совершенствования уголовно-процессуального законодательства вносятся следующие предложения по изменению и дополнению Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики:

- В связи с отсутствием определения понятия «Судебный контроль» в УПК КР, предлагается дополнить ст. 5 УПК КР пунктом 58-1 и изложить в следующей редакции: «58-1) Судебный контроль - регламентированная уголовно-процессуальным законом деятельность следственного судьи, направленная на защиту конституционных прав, свобод и законных интересов граждан, посредством санкционирования или проверки законности, обоснованности проведенных следственных, специальных следственных и иных процессуальных действий государственными органами, а также должностными лицами, ведущими досудебное производство по уголовным делам»;

- С целью обеспечения защиты прав личности при применении иных мер обеспечения в ч. 5 ст. 121 УПК КР изложить в следующей редакции: «Ходатайство должно содержать краткую фабулу преступления, квалификацию, данные о подозреваемом, обвиняемом или лице, несущем ответственность за вред, причиненный преступлением, характер и размер материального ущерба и (или) морального вреда, причиненного преступлением, перечень и стоимость имущества, на которое предлагается

наложить арест, его месте нахождения и выводы о необходимости наложения ареста на имущество **с учетом соразмерности причиненного ущерба;**

Ч. 10 ст.121 УПК КР изложить в следующей редакции: «При наложении ареста на принадлежащие подозреваемому, обвиняемому денежные средства и иные ценности, находящиеся на счете, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях, операции по данному счету прекращаются полностью или частично в пределах денежных средств и иных ценностей, на которые наложен арест. Руководители банков и иных кредитных организаций обязаны предоставить информацию об этих денежных средствах и иных ценностях на основании постановления следственного судьи, судьи, определения суда, в том числе в форме электронного подписанного документа. **Запрещается обращение взыскания имущества, на которое в установленном законом порядке наложен арест»;**

Дополнить ст. 121 УПК КР частью 18 и изложить в следующей редакции: «О произведенном аресте имущества судебный исполнитель составляет опись, копия которой вручается лицу, на имущество которого наложен арест, о чем делается соответствующая отметка, а опись направляется судье, принявшему решение о наложении ареста на имущество».

- Ч.2 ст. 271 УПК КР, дополнить п. 3 и изложить в следующей редакции:

3) о возвращении жалобы заявителю для устранения недостатков, препятствующих ее рассмотрению, с указанием в постановлении причин принятия такого решения и разъяснением права вновь обратиться в суд».

- ч.4 ст. 500 УПК КР дополнить пунктом 3 и изложить в следующей редакции: «при отсутствии подписи адвоката на ходатайстве о заключении соглашения о признании вины»;

- внести изменения в ч.2 ст. 501 УПК КР и изложить в следующей редакции: «Решение прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении соглашения о признании вины может быть обжаловано обвиняемым, его адвокатом, а также следователем вышестоящему прокурору».

Личный вклад соискателя состоит в том, что основные научные результаты диссертационного исследования получены лично автором. Положения, выносимые на защиту, разработаны автором единолично.

Апробация результатов диссертации. Основные положения диссертации подготовлены на кафедре уголовного процесса и судебной экспертизы юридического факультета КНУ им. Ж. Баласагына.

Результаты диссертационного исследования осуществлены путем публикаций в научных статьях, опубликованных диссертантом в различных изданиях и сборниках материалов международных и региональных научно – теоретических и научно – практических конференций.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. Основные выводы и предложения, полученные в результате диссертационного исследования, нашли свое отражение в десяти опубликованных научных статьях. Они также получили апробацию в выступлениях автора на научных и научно–практических конференциях.

Структура и объём диссертации. Структура и объём диссертации соответствуют требованиям, предъявляемым НАК Кыргызской Республики. Структура определена целью и задачами научного исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, включающих в себя 9 разделов, заключения, списка использованной литературы и приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

1.1. Понятие и виды судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Вновь принятый Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики [2] по своему содержанию нацелено на соблюдение Конституции Кыргызской Республики, международных стандартов в области обеспечения прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство и их эффективную защиту. Множество изменений произошло в досудебном производстве, где одним из главных ролей принадлежит суду. Кроме универсальной функции правосудия, на суд возложена арбитражная функция в досудебном производстве, выраженная в осуществлении судебного контроля за законностью и обоснованностью проведения следственных и иных процессуальных действий следователем и органом дознания.

Судебная власть как одна из основных атрибутов правового, демократического государства не ограничивается лишь рассмотрением и разрешением уголовных дел, так как до поступления завершенного уголовного дела суды могут воздействовать на действия и решения органов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу.

Рассматривая вопросы механизмов охраны системы конституционных прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве, наука уголовного процесса прибегает к изучению сущности такого нового института как судебный контроль.

Отправным положением для исследования сущности, назначения место и роли судебного контроля служит утверждение о тесной взаимосвязи и

взаимообусловленности судебной власти с таким элементом правового государства и гражданского общества, как теория разделения властей [3, с.13-18]. На современном этапе имеется достаточное количество разнообразных теоретических позиций о месте и роли судебной власти в системе сдержек и противовесов при разделении властей.

Проблема рационального устройства государственной власти и ее органов существует столько, сколько и государство. С целью отыскания совершенного государственного устройства, так называемого правового государства, исследования велись еще древнегреческими философами. Так, Аристотель в любом государстве различал три части: «законосовещательный» орган (народное собрание), административный или правительственный орган (магистратуры) и судебные органы [4, с.514]. Эти идеи, основанные на разделении функций государственных органов, предвосхитили взгляды буржуазных философов о разделении властей и системе «сдержек и противовесов».

Согласно доминирующему взгляду, основоположниками классической теории разделения властей являются политические мыслители Джон Локк (1632-1709), Шарль Луи Монтескье (1689-1775) и Жан-Жак Руссо (1712-1778). Ими создано совершенно новое учение о разделении властей, которое получило и получает воплощение в конституционном законодательстве и практике государственного строительства всех стран мира.

Существенные аспекты доктрины разделения властей и их роль в системе судебной власти были рассмотрены Ш.Л. Монтескье, он отмечал: «Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении ... были соединены эти три власти: создавать законы, приводить в исполнение общеобязательные постановления и судить преступления и тяжбы частных лиц, ... подумайте о положении, в которое может быть поставлен гражданин этих республик» [5, с.156].

Но идеи Монтескье не были популярны среди советских государствоведов [6, с.83; 7, с.87; 8, с.63; 9, с.48]. Дореволюционные юристы, в условиях жестких

рамок абсолютной монархии и с учетом практики государственно-правового строительства больше разделяли взгляды Ж.-Ж. Руссо о единстве верховной власти, принадлежащей народу и проявляющейся в трех различных формах - законодательной, исполнительной и судебной властях [10, с. 159]. Так, И.Я. Фойницкий писал: «В системе Монтескье отдельные виды государственной власти не имеют объединяющего их элемента и представляются не органическими частями целого, а силами, враждебными друг другу и постоянно борющимися за свою независимость» [10, с.160]. По мнению Н.Н. Полянского, «верховная власть неделима ... в сущности это все одна и та же государственная власть, но проявляющаяся в законодательстве, управлении и суде» [11, с.16].

Русские юристы, отмечая единство государственной власти, имеющей три самостоятельные ветви, рассматривали разделение властей весьма ограниченно. Профессор Н.Н. Розин, к примеру, указывал, что отдельные власти являются только различными функциями, различными компетенциями [12, с. 70]. Подобное видение теории разделения властей господствовало и в советское время [13, с.66].

Отторгнув теорию разделения властей, советская юриспруденция практически не исследовала всего комплекса функций судебной власти, ее места в системе государственного и социального управления. К сожалению, эта проблема в полном объеме не осознана, а потому досконально не разработана отечественной юридической наукой. Известный процессуалист профессор А.Д. Бойков в своем научном докладе, посвященном опасности негативного правотворчества, отмечает, что перед наукой давно назрела проблема уяснения новой социальной роли судебной власти, ее отношения к формированию и проведению уголовно-правовой политики государства. Он также подчеркивает, что нет сомнения в том, что рождение судебной власти существенно меняет назначение и функции судебной системы, ибо суды ныне не ограничиваются осуществлением правосудия по гражданским и уголовным делам, их возможности в формировании и проведении уголовно-правовой политики существенно расширены [14, с. 8].

Вместе с тем, невозможно создать эффективно действующую, демократическую «третью власть» не зная, какие же функции должны быть на нее возложены. Но прежде, чем говорить о функциях судебной власти и формах ее реализации, следует определить точное значение исходных понятий. Как правильно отмечает В.А. Лазарева, в научной литературе нет ясности не только по вопросу, о том какие функции выполняет судебная власть, и в каких формах она реализуется, но и отсутствуют четкие критерии, позволяющие относить определенные виды судебной деятельности к категории функции или формы [15, с.31].

Так, В.В. Скитович некоторые из видов судебной деятельности - правосудие, юрисдикционный контроль, формирование судейского корпуса и руководство судебной практикой относит к функциям судебной власти [16, с.150]. По мнению В.П. Божьева, функцией судебной власти является правосудие, а судебный контроль, формирование судейского корпуса, руководство судебной практикой является полномочиями судебной власти, видами ее реализации [17, с.42].

В.А. Ржевский и Н.М. Чепурнова называют «правосудие, надзор за судебной деятельностью нижестоящих судов со стороны вышестоящих, судебное управление, судебный контроль в области исполнительной власти, судебный конституционный контроль» формами осуществления судебной власти [18, с. 96].

На наш взгляд, имеющиеся в науке терминологические расхождения в определении функций и форм реализации судебной власти вызваны не только различными взглядами на эти понятия, но и различным пониманием самой судебной власти. Например, судебное управление и надзор вышестоящих судов за деятельностью нижестоящих, являются формами деятельности некоторых звеньев из судебной системы, но никак не могут рассматриваться в качестве форм осуществления самой судебной власти.

С учетом общепринятого понимания функции как основного направления деятельности или реализации какого-либо явления [19, с. 763], можно считать,

что функции судебной власти - это основные направления ее реализации, роль и назначение судебной власти в обществе. Функция выражает внутреннее содержание явления в отличие от формы, представляющей внешнее выражение содержания, способ его существования и реализации. Исходя из подобного толкования терминов, можно утверждать, что единственной функцией судебной власти как ветви государственной власти, является судебная защита прав и свобод человека и гражданина, а формой реализации судебной власти является правосудие, осуществляемое посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Анализ положений, содержащихся в ст. 61, ч.1 ст. 94 Конституции КР: права и свободы гражданина обеспечиваются правосудием, которое осуществляется только судом, можно сделать вывод о том, что государство возлагает на судебную власть осуществление функции защиты прав и свобод человека и гражданина.

Еще в дореволюционной науке уголовного процесса профессор И.Я. Фойницкий отмечал: «Государственная задача судебной власти - ограждение прав, законом дарованных, против всех нарушений их. Суд ограждает права государственные, общественные и личные. Но в основании всех прав личности лежит ее свобода. Поэтому естественно, что одной из важнейших функций судебной власти признается ограждение свободы личности, на стражу которой становится суд для устранения посягательств, направленных против нее как преступными действиями частных лиц, так и распоряжениями властей посторонних. Самостоятельной и независимой в отношении внешнем судебная власть может быть признана только там, где она в состоянии доставить действительную безопасность личной свободе против посягательств всякого рода» [10, с.183].

О.В. Химичева пишет, что к сожалению, в законе отсутствует определение судебной власти, поэтому если ограничиться сферой уголовного судопроизводства, то судебная власть, наряду с отправлением правосудия, проявляется также через осуществление контроля за законностью и

обоснованностью действий и решений органов и должностных лиц на досудебном производстве; вынесение частных определений и постановлений; судебный надзор вышестоящих судов с целью проверки правомерности решений нижестоящих судов; разъяснение действующего законодательства на основе данных судебной практики [20, с.204].

В связи с этим, считаем необходимым определить соотношение таких направлений реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве, как правосудие и судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений на досудебном производстве. В настоящее время в теории уголовно-процессуального права отсутствует единое мнение по данному вопросу. Такие авторы, как Н.А. Колоколов, А.П. Фоков, Н.А. Галузо считают, что судебный контроль правосудием не является и составляет самостоятельную судебную функцию [21,с.25;22, с.14; 23, с.12].

Например, Т.А. Савельева отрицает какие-либо иные направления реализации судебной власти, кроме правосудия. Она отмечает, что судебная власть реализуется в правосудии и иначе осуществляться не может [24, с.85]. А Н.Н. Ковтун считает судебный контроль особой формой отправления правосудия или особым уголовно-процессуальным институтом [25, с.27].

Подобное разнообразие высказанных суждений обусловлено отсутствием в законе и теории уголовного процесса четкого определения правосудия - доминирующего направления реализации судебной власти. Так, К.Ф. Гуценко, М.А. Ковалев, А.Д. Бойкова и И.И. Карпец выработали общие, наиболее важные признаки, отличающие правосудие от прочих видов государственной деятельности. К числу таких признаков они относят:

- а) осуществляется только судом;
- б) осуществляется с соблюдением особого процессуального порядка, детально регламентированного законом;
- в) завершается принятием особого судебного решения - акта правосудия, имеющего общеобязательную силу [26, с.60; 27, с.19].

Основываясь на выводе о том, что основная функция судебной власти защита прав и свобод граждан, а правосудие есть форма ее осуществления, В.А. Лазарева полагает целесообразным отнести и судебный контроль в досудебном уголовном судопроизводстве к форме осуществления указанной функции. Считает обоснованным и то, что многие авторы выделяют у судебного контроля признаки, идентичные правосудию [28, с.51], так как данные формы имеют одно и тоже назначение - защиту конституционных прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, судебный контроль на досудебных стадиях, а правосудие в судебной стадии - разрешая дело по существу. И если рассматривать правосудие в широком смысле, а не только как деятельность суда, связанную с разбирательством по уголовному делу, то вполне можно судебный контроль в досудебном производстве, отнести к осуществлению правосудия. Кстати, такой позиции придерживается и законодатель, обозначив, что «уголовное судопроизводство - досудебное и судебное производство (п. 15 ст. 5 УПК КР). Более развернутое определение уголовного судопроизводства давалось УПК КР от 2017 г., где в п. 51 под ним подразумевалось «совокупность процессуальных действий и решений, осуществляемых по конкретному уголовному делу и (или) делу о проступке в ходе его досудебного производства, судебного разбирательства и исполнения постановления следственного судьи, решения суда» [29].

Анкетирование, проведенное среди судей, прокуроров, следователей и адвокатов показало, что 81,8% считают судебный контроль частью функции правосудия, а 18,2 указали на самостоятельность функции судебного контроля (См.: прил. №1).

Рассматривая судебный контроль на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, с одной стороны, как самостоятельную форму реализации судебной власти, а с другой стороны, как осуществление правосудия на досудебном этапе, обозначим понятие этой деятельности.

В настоящее время в литературе не выработано единого понятия судебного контроля в ходе досудебного производства. Одни авторы вовсе не уделяют этой

проблеме внимания, другие дают необоснованно узкие определения. Так, В.Н. Галузо считает, что судебный контроль - «это самостоятельная уголовно-процессуальная функция суда, состоящая в проверке законности и обоснованности решений о задержании, аресте и продлении срока содержания под стражей и применении мер к устранению неправомерного лишения свободы подозреваемых и обвиняемых» [23, с. 15]. Видимо подобное определение вытекает из специфики его научного исследования, но в любом случае, сводить судебный контроль лишь к проверке законности и обоснованности решений о задержании и аресте необоснованно.

Другое определение судебного контроля за проведением следственных действий и решениями прокурора и органа расследования, ограничивающими конституционные права и свободы граждан, предложено А.В. Солодиловым: это - специфическая уголовно-процессуальная деятельность, направленная на обеспечение соблюдения в уголовном процессе конституционных прав и свобод участников процесса, недопущение их нарушения, восстановление незаконно и (или) необоснованно нарушенных конституционных прав [30, с.22].

На наш взгляд, автором в указанном определении не отражен существенный момент - принадлежность судебного контроля к судебной власти, что повышает статус этой формы контроля на досудебном производстве и служит одним из отличий от других форм процессуального контроля и надзора.

Довольно кратко, но в принципе обоснованно, определил судебный контроль Н.А. Колоколов, обозначив его как судебный порядок защиты прав и законных интересов граждан, который возможен в любом случае, какие бы органы государства их не нарушали [31, с, 50].

Мы же хотим предложить следующее определение судебного контроля в досудебном уголовном судопроизводстве - форма реализации судебной власти, система предусмотренных процессуальным законом средств, направленная на недопущение незаконного ограничения конституционных прав личности в уголовном процессе, а также ее восстановление в этих правах.

Юридическая природа судебной-контрольной деятельности в досудебном производстве детерминирована необходимостью урегулировать, решить конфликт, проявившийся в ограничении основных конституционных прав и свобод человека и гражданина, несогласии и оспаривании по установленным законом основаниям и в предусмотренном им порядке законности и обоснованности процессуально-значимых решений и действий органов дознания, следователей и прокуроров участниками судопроизводства. Основу юридической природы судебного контроля в досудебном производстве составляют конституционные и процессуально-правовые регламентации, предписывающие органам судебной власти рассматривать и разрешать конфликты, возникшие на данном этапе уголовного процесса.

Можно согласиться с Н.А. Колоколовым и Н.Н. Ковтуном которые констатируют, что по своей сущности судебный контроль есть способ урегулирования (разрешения) процессуально-правовых конфликтов, посредством самостоятельного познания судом в рамках установленной уголовно-процессуальным законом процедуры, тех или иных фактических обстоятельств дела (спора сторон) в целях законного и обоснованного его разрешения и обеспечения на этой основе прав и законных интересов личности в уголовном процессе [31, с.49; 25, с. 67].

Следует отметить, что при анкетировании 57,6 % опрошенных следователей, прокуроров, адвокатов и судей роль судебного контроля сводят к обеспечению законности и обоснованности расследования уголовных дел, 30,6% считают главным предназначением судебного контроля защиту прав и законных интересов участников процесса, а 10 % респондентов видят, как необходимость, вызванная реформой (См.: прил. №1).

В настоящее время в процессуальной литературе достаточно подробно разработаны вопросы о видах судебного контроля на досудебных этапах уголовного судопроизводства.

В одних случаях критерием разделения судебного контроля на виды выступают полномочия суда на досудебном производстве. К примеру, Н.А.

Лопаткина выделяет три формы судебного контроля: а) вынесение судом решений об избрании определенных мер принуждения и о разрешении производства отдельных следственных действий; б) проверка судом законности и обоснованности отдельных следственных действий; в) рассмотрение судом жалоб на действия органов следствия, дознания и прокурора [32, с.165].

В других случаях внимание акцентировано на правах и свободах, обеспечиваемых средствами судебного контроля. А.Ф. Фоков обозначает следующие направления судебного контроля на стадии следствия: охрана неприкосновенности личности, личной свободы; охрана неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны; охрана тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных отправлений; обеспечение неприкосновенности жилища; рассмотрение жалоб на действия и решения органов расследования [33, с.14].

М.А. Устимов, рассматривая судебный контроль на стадии предварительного расследования обозначает следующие его виды: 1) за законностью и обоснованностью ареста или продления срока содержания под стражей; 2) за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, на неприкосновенность жилища; 3) за законностью проведения оперативно-розыскных мероприятий; 4) за законностью и обоснованностью предусмотренных действий и решений органов дознания, предварительного следствия и прокурора [34, с.8].

Классификация судебного контроля, предлагаемая некоторыми авторами, достаточно спорна. Так, Н.А. Колоколов условно выделяет три вида такого контроля: а) статутный контроль; б) рассмотрение жалоб, когда органом расследования вынесено решение, препятствующее движению дела в суд; в) когда органами, осуществляющими ведомственный контроль и прокурорский надзор, не рассмотрены жалобы на действия и решения следователя,

дознателя в установленные сроки [34, с.18]. В своей более поздней работе он отмечает уже пять видов судебно-контрольных действий [35, с. 127].

Развернутую классификацию судебного контроля с использованием различных критериев предложил В.А. Яблоков: 1) по хронологической последовательности исполнения решений и контроля за ними - предварительный и последующий; 2) в зависимости от вида конституционного права, правомерность ограничения которого проверяется судом - неприкосновенность личности, жилища и т.д.; 3) в зависимости от характера подконтрольного акта - действия и решения; 4) по признаку обязательности - санкционирование и рассмотрение жалоб; 5) по возможности повторной проверки - разовый и периодический; 6) в зависимости от стадии - при возбуждении уголовного дела и на предварительном расследовании; 7) по виду проверяемых действий (решений) - заключение под стражу, отказ в возбуждении уголовного дела, прекращение уголовного дела и т.д. [36, с.11].

Различные процедурные правила судебного контроля были установлены в УПК КР (например, Раздел 8 полностью посвящен судебному контролю). Тем не менее, Н.Н. Ковтун выделяет три формы: а) судебный контроль за законностью и обоснованностью применения мер процессуального принуждения, ограничивающих конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства; б) судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан; в) судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений публичных процессуальных органов, ограничивающих право граждан на доступ к правосудию или иным образом ограничивающих конституционные права граждан при производстве по уголовному делу [25, с.143]. В рамках нашего исследования мы в основном разделяем мнение Н.Н. Ковтуна и придерживаемся следующей классификации судебного контроля на досудебных этапах уголовного судопроизводства:

а) судебный контроль законности и обоснованности применения мер процессуального принуждения, ограничивающих конституционные права участников уголовного судопроизводства;

б) судебный контроль законности и обоснованности производства следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан;

в) судебный контроль законности и обоснованности действий (бездействия) и решений органов следствия и прокуратуры, ограничивающих конституционные права граждан.

Выводы. Исходя из позиций ученых-процессуалистов, мы считаем необходимыми признаками уголовно-процессуального судебного контроля в досудебном производстве, как формы осуществления судебной власти, являются следующие:

1. это строго регламентированная законом уголовно-процессуальная деятельность суда, сущность которой составляет контроль (проверка и оценка) законности и обоснованности определенных действий и (или) решений органов и лиц, ведущих досудебное производство;

2. эта деятельность всецело направлена на разрешение (урегулирование) правового спора (конфликта) сторон по существу;

3. предмет контроля и пределы его разрешения судом изначально ограничены волей закона или субъективной волей сторон;

4. целью контроля является защита конституционных прав, свобод и законных интересов граждан, (возможное) восстановление названных прав по жалобе заинтересованных лиц;

5. инициатива к реализации той или иной формы судебного контроля исходит не от суда, а от заинтересованных (в разрешении спора) субъектов уголовного судопроизводства или иных граждан, вовлеченных в процесс. Вне этой инициативы подобный контроль вообще невозможен;

6. результатом контроля является внесение общеобязательного, обеспеченного принудительной силой государства судебного акта (решения), призванного к правовому разрешению спора сторон.

Таким образом, судебный контроль — это регламентированная уголовно-процессуальным законом деятельность следственного судьи, направленная на защиту конституционных прав, свобод и законных интересов граждан, посредством санкционирования или проверки законности, обоснованности проведенных следственных, специальных следственных и иных процессуальных действий государственными органами, а также должностными лицами, ведущими досудебное производство по уголовным делам.

1.2. Предмет и пределы судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства

Рассматривая предмет судебного контроля, следует отметить, что отдельные исследователи данного института даже не рассматривают этот аспект в своих работах [37, с.26]. Н.А. Колоколов указывает на то, что именно уголовно-процессуальные отношения являются объектом правового регулирования, а уголовно-процессуальная деятельность выступает в качестве предмета такого регулирования, он приходит к выводу о том, что именно «непосредственная деятельность органа дознания, следователя и прокурора, ставивших вопрос об ограничении конституционных прав граждан, принявших решение о приостановлении, прекращении дела, а равно отказ начальника органа дознания, следственного подразделения и прокурора рассмотреть жалобу по вопросам процедурного характера будут составлять предмет судебного-контрольной деятельности» [35, с. 89]. На наш взгляд, такой вывод не полностью охватывает исследуемый предмет, и указание на подобную деятельность не очерчивает конкретно предмет проверки и оценки суда в рамках реализации судебного контроля в досудебном производстве.

По мнению Н.Н. Ковтуна формально конкретное процессуальное действие или решение публичных процессуальных органов, объективированное в процессуальных документах, нарушающее (ограничивающее) конкретное

конституционное право личности служит предметом проверки и оценки суда в рамках реализации судебного контроля. Указанные документы можно разделить на два вида:

а) властно-распорядительного характера, фиксирующих процессуальные решения, принимаемые в рамках производства по делу (постановление);

б) информационно-удостоверительного характера, фиксирующих ход и результаты собирания доказательств по делу (протоколы следственных и процессуальных действий, иные документы по делу) [25, с.75].

Считаем, что реальным предметом проверки и оценки суда являются, в первую очередь, не сами процессуальные документы как материальные носители информации, а именно фактические данные, которые они фиксируют, подлежащие установлению по делу (ст. 81 УПК КР) либо служащие фактической основой принятия значимых процессуальных решений. Поэтому именно доказательства, зафиксированные в названных документах или вновь представляемые сторонами в судебное заседание в их совокупности, оцениваются и проверяются судом в рамках реализации судебного контроля. Иного мнения придерживаются правоприменители в лице следователей, прокуроров и судей. Так, 81,8 % респондентов предметом судебного контроля считают все пункты статей УПК КР указывающих на полномочия следственного судьи, 15,2 % склоняются на пункты полномочий следственного судьи предусмотренных в Разделе 8 УПК КР, остальная часть затруднились ответить на поставленный вопрос (См.: прил.№ 1.).

Настоящее понимание предмета судебного контроля требует предельной ясности в вопросе о пределах познания суда, достаточных для эффективного достижения цели контроля. Считаем необходимым рассмотреть пределы контроля в двух аспектах: а) в плане определения круга действий и решений органов и лиц, ведущих процесс, подлежащих судебному контролю; б) в плане определения пределов (границ, степени, объема) познания фактов, послуживших основанием для ограничения прав граждан в рамках оспариваемой (сторонами) процедуры или решения.

Во многом субъективные моменты лежат в основе определения (возможного) круга действий и решений публичных процессуальных органов, которые могут быть охвачены судебным контролем. В настоящее время по данному вопросу существует три точки зрения.

Приверженцами радикального подхода, которые настаивали на «беспробельности» судебного контроля, т.е. на неограниченной возможности обжаловать в суд любое действие или решение следственных органов, имевшее место на досудебном этапе производства по делу явились Ф. Багаутдинов, И.Ф. Демидов, М.А. Устимов. Авторы, в основу своей позиции они кладут конституционные положения, содержание которой трактуют расширительно: все решения и действия органов государственной власти, следовательно, дознавателя, органа дознания, следователя и прокурора могут быть обжалованы в суд [38, с.25; 39, с.75; 33, с.38]. Кажущаяся привлекательность такого подхода не соотносится с задачами уголовного судопроизводства, с реальными интересами личности, государства и общества в уголовном процессе. Нормативное закрепление такого порядка неизбежно и значительно снизит эффективность уголовного процесса на досудебном этапе. Пострадают все, ибо, с одной стороны, суды будут неизбежно втянуты в бесконечную процедуру проверки каждого действия и решения органов, ведущих досудебное производство. С другой, следователи будут тратить время на подготовку материалов, подтверждающих законность и обоснованность принятых ими решений или совершенных действий, нежели полно и всесторонне расследовать преступление. В данном случае следует, безусловно, поддержать мнение Н.А. Колоколова о том, что вопросы процедурного характера никак не могут быть предметом судебного контроля и должны разрешаться в рамках конкретного ведомства, руководящие звенья которого наделены соответствующими контрольными полномочиями [35, с.87].

Вторая точка зрения является диаметрально противоположной. Такие авторы, как С.П. Ефимичев, А.В. Солодилов предостерегают, что осуществление судом контроля в досудебной стадии не только парализует

следствие, но и подрвет авторитет правосудия как самостоятельного вида государственной деятельности, поскольку суды будут связаны своими решениями, принятыми в стадии расследования [40, с.175; 41, с.57]. А вот Э.Ф. Куцова в ходе полемики высказала такие аргументы, что при осуществлении судебного контроля суд не сможет избежать оценки доказательств, в результате чего, такая оценка неизбежно бы предрешала приговор, преждевременное разглашение информации по делу помешает установлению истины и другие [42, с.39; 43, с.62]. На наш взгляд, очевидна надуманность такого подхода, сформулированного еще до принятия положений Конституции КР. И в настоящий момент он противоречит не только им, но и ряду международно-правовых актов о правах человека, прямо предусматривающих право и возможность участников уголовного судопроизводства на независимый и эффективный контроль за действиями и решениями органов уголовного преследования, нарушающими (ограничивающими) их конституционные права и свободы.

Существует еще мнение, которое в принципе можно отнести к данной точке зрения. К примеру, А. Халиулина, В. Назаренко не отрицают полностью судебного контроля, но считают, что существующая правовая ситуация позволяет прийти к выводу о целесообразности рассмотрения вопроса о создании в УПК на базе системы следственных действий исчерпывающего перечня действий (бездействия) и решений органов дознания, следователя, прокурора, которые могут быть обжалованы заинтересованными лицами в суд. При существовании указанного перечня соответствующим лицам будет проще реализовать свои права, исключится возможность для искусственного увеличения срока расследования путем подачи необоснованных жалоб в суд на любое действие и решение вышеуказанных должностных лиц, которые обязаны обеспечить не только полное, но и быстрое расследование [44, с.25]. На наш взгляд, представляется не только неосуществимым, но и принципиально неверным стремление указать в законе исчерпывающий перечень действий и решений органов расследования, требующих судебного контроля. Любые

попытки законодательного закрепления подлежащих судебному обжалованию процессуальных актов досудебного производства способны обернуться ограничениями права на судебную защиту. В соответствии с ч.3 ст. 23 Конституции КР, «В Кыргызской Республике не должны приниматься законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Запрещается принятие подзаконных нормативных правовых актов, ограничивающих права и свободы человека и гражданина».

Мы же согласны с позицией Н.Н. Ковтуна и Н. Примова которая заключается в том, что объективно необходимо распространение процедуры судебного контроля на досудебном этапе только, на те действия и решения, которые ограничивают конституционные права личности: на неприкосновенность жилища, личности, на доступ к правосудию, на тайну переписки, телефонных и иных переговоров и т.п. [25, с.82; 45, с.47]. Обоснованной и отвечающей реальным потребностям личности, государства и общества в уголовном судопроизводстве представляется и позиция законодателя, который отказался в своих нормах от идеи «беспробельности». Суд не должен принимать и рассматривать все без исключения жалобы на действия и решения органов дознания, следователя и прокурора. При проверке в период производства следствия тех или иных процессуальных актов следственный судья не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу [46, с.87]. Многочисленные решения тактического характера, нарушения отдельных процессуальных правил, непредоставление процессуальных прав участникам тех или иных следственных действий, если они не нарушают конституционные права и свободы, не требуют немедленного вмешательства суда, Однако при рассмотрении уголовного дела они могут стать основанием для признания собранных следствием доказательств недопустимыми.

Проведенный нами анкетный опрос показал, что 97% респондентов считают, что предел осуществления судебного контроля должен определяться строго предписаниями УПК КР (См.: прил. №1.). Значит, правоприменители

берут за основу нормативные предписания, указывающие на предел полномочий следственного судьи при осуществлении судебного контроля. В этом также есть свое «зерно».

В вопросе определения пределов (границ) познания обстоятельств дела (спора сторон) в рамках непосредственной реализации полномочий того или иного вида судебного контроля тоже нет достаточной ясности.

В данном случае рассмотрение указанного вопроса следует начать с разрешения такого момента, как роль суда в состязательном уголовном судопроизводстве, которое, естественно, охватывает и досудебные стадии.

Конституционный принцип равноправия и состязательности сторон (ч.3 ст. 100 Конституции КР) как основа уголовного судопроизводства нашел свое выражение в ст. 18 УПК КР, согласно которой функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления, предоставленных им прав.

Какую же роль должен выполнять суд в состязательном процессе, должен ли суд быть активным и что понимать под активностью суда? Совместима ли активность суда с осуществлением принципа состязательности? Рассмотрение этих вопросов важно и для правильного понимания положения и роли суда на досудебных стадиях и тех пределов, которые он не смеет преступить при реализации судебного контроля.

Дискуссии по этим вопросам продолжаются. Так, некоторые авторы отрицают всякую активность суда в состязательном процессе и считают, что суд должен быть сторонним наблюдателем, решающим лишь юридические вопросы. Такая точка зрения, например, высказана Григорьевой Н., которая полагает, что «...в соответствии с принципом состязательности суд выносит решение только на основании того материала, который представили стороны,

даже если по мнению суда, он не отражает полностью всех обстоятельств дела» [47, с.40].

Так, А.Д. Бойков считает, что пассивный, не участвующий в доказывании, не стремящийся установить истину суд не нужен нашему обществу, а активность суда вовсе не противоречит принципу состязательности, что состязательность -это направляемая судом (судьей) процессуальная деятельность с целью объективного исследования обстоятельств дела в границах обвинения и предмета доказывания [48, с.66].

По нашему мнению, к позиции суда в уголовном судопроизводстве термины "пассивный" или "активный" следует применять условно, поскольку любой субъект, участвующий в уголовно-процессуальной деятельности, уже проявляет некоторую активность. Роль суда на досудебном производстве должна состоять в том, чтобы он контролировал не только законность и обоснованность применения мер уголовно-процессуального принуждения стороной обвинения, но также и о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 32 УПК КР следственный судья: «В рамках осуществления судебного контроля следственный судья рассматривает жалобы участников уголовного судопроизводства на действия (бездействие) и решения органа дознания, следователя, прокурора, руководителя следственного подразделения». На наш взгляд, данная формулировка носит настолько общий характер, что не позволяет судить об истинных пределах деятельности (активности) суда в подобном процессе.

Поэтому следовало бы Верховному суду КР разъяснить предел судебного контроля, и что именно следует понимать под законностью и обоснованностью проверяемого решения или процессуального действия. Мы считаем, под законностью вынесенного решения надо понимать соблюдение всех норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего порядок и условия применения той или иной меры процессуального обеспечения, ограничивающие конституционные права граждан. А проверка обоснованности

вынесенного решения или оспариваемого процессуального действия предполагает проверку и оценку наличия достаточных сведений, которые подтверждают необходимость и возможность применения именно названной меры процессуального обеспечения в данных конкретных условиях.

Таким образом, непосредственные пределы судебного контроля изначально предполагают проверку и оценку судом тщательного соблюдения следственными органами требований всей совокупности норм, делающих законным вынесение того или иного решения или совершение процессуального действия. В свою очередь обоснованность их вынесения или производства предусматривает проверку и оценку судом доказательственной базы, другими словами, фактической основы, таких решений или действий, так как именно доказательства составляют фактическую основу того или иного решения, делая его не только возможным, но и подтвержденным, - пишет Н.Н. Ковтун [25, с.84].

Правда положение об оценке доказательств не является общепризнанным. В теории процессуальной науки высказываются различные мнения по этому поводу. Так С. Щерба и О. Цоколова считают, что отсутствие подобной оценки ведет к выхолащиванию сути проводимой проверки и ведет к превращению ее в формальное исполнение статьи закона [49, с.45].

Противоположное мнение высказывают А. Чувилев и А. Лобанов, указывая на то, что суд должен воздерживаться от подобной оценки, чтобы сохранить свою беспристрастность [50, с.21].

Наиболее точно, на наш взгляд, в предмет оценки определил М. Селезнев, считая, что суд обязан оценить доказательства на предмет относимости, допустимости и достаточности, но никак не достоверности содержащихся в них сведений [51, с.45].

Такой подход, на наш взгляд, позволяет точно определить суть и пределы оценки доказательств и других данных, послуживших основанием для принятия процессуального решения, ограничивающего права личности в процессе. Вывод об относимости или неотносимости доказательства является

результатом сопоставления содержания рассматриваемого доказательства с обстоятельством, подлежащим доказыванию, т.е. насколько представленные сведения относятся к данному спору и, соответственно, должны ли быть приняты судом во внимание при разрешении спора. Критерий допустимости призван к проверке соблюдения процессуальных правил собирания доказательств: законности источника получения сведений, соблюдения установленной законом формы их получения и фиксации. Достаточность же отражает качественную характеристику пределов доказывания на этом этапе, дающую основания полагать о наличии или возможности наступления каких-либо обстоятельств. Суд должен оценить не достаточные основания, а достаточность доказательств для принятия решения, ограничивающего конституционные права личности. Соответственно, применительно к каждой из форм реализации судебного контроля пределы доказывания будут иметь различную степень достаточности, позволяющую принимать такие решения.

Проведенный нами анкетный опрос показал, что 42 % респондентов утверждают, что следственный судья в каждом случае должен оценивать доказательства, 27,3 % - выступают против такового, по мнению 27,3 % следственный судья оценивает доказательства при необходимости (См.: Прил. № 1.).

В данном случае мы не можем согласиться с мнением Н.А Колоколова настаивающем на том, что «судам всегда без исключения должна быть предоставлена возможность при необходимости самим определять масштаб и пределы контроля по конкретному делу» [35, с.99]. Считаем, что пределы проверки изначально строго очерчены требованиями законности и обоснованности, т.е. необходимостью проверки судом соблюдения только той совокупности норм, которая охватывает условия и порядок применения той или иной меры процессуального принуждения (производства следственного действия), а также достаточности фактических оснований для подобного ограничения прав личности. Н.Н. Ковтун отмечает, что в силу состязательности процесса, пределы изначально определены требованиями сторон, выйти за

которые суд не вправе. И если здесь возможно субъективное усмотрение судьи о пределах проверки, то лишь в плане формирования его внутреннего убеждения о достаточности фактических и правовых оснований для подобного (законного и обоснованного) ограничения прав личности либо об отсутствии такого основания [25, с.86].

Предписание ч. 2 ст. 32 УПК КР проверить законность решений и действий органов расследования, прокурора означает обязанность судьи решить вопрос о его соответствии требованиям законности. В частности, выполняя в ходе судебной деятельности свой профессиональный долг, судья обязан проверить, соблюдены ли при проведении конкретных процессуальных следственных действий требования уголовно-процессуального закона и правильно ли применен уголовный и другие материальные законы.

Выполнение данной обязанности позволяет выявить и устранить нарушения законности, обеспечить справедливое разрешение жалобы, ходатайства. Действуя в этом направлении, следственный судья в первую очередь проверяет, от надлежащего ли субъекта поступило ходатайство, жалоба, имея в виду, что закон содержит перечень лиц, имеющих право на их подачу. Жалобы, ходатайства, поданные другими субъектами, не порождают процессуальных правоотношений по возбуждению судебной контрольной процедуры и рассмотрению их по существу. В таких случаях судья, на наш взгляд, должен принять решение об оставлении жалобы без рассмотрения и прекращения судебной контрольной процедуры.

Такой регламентации УПК КР пока не содержит в связи, с чем целесообразно внести положение о том, что в случае поступления жалоб, ходатайств от ненадлежащих субъектов, судья своим постановлением отказывает в их рассмотрении и прекращает судебную контрольную процедуру в досудебной процедуре.

Многие исследователи и, мы не можем с ними не согласиться, которые отмечают необходимость строгого соблюдения формы при осуществлении судебного контроля, т.е. осуществление судебного контроля в судебной

заседании. Подобная законодательная регламентация деятельности суда и участвующих в ней субъектов представляется правильной и удачной. И в первую очередь потому, что судебное заседание - наиболее оптимальная модель деятельности судебной власти независимо от того, на каком этапе уголовного судопроизводства она осуществляет свои полномочия. Благодаря установленной законом процессуально-правовой форме судебного-контрольной деятельности созданы наиболее приемлемые условия для успешного решения задач, стоящих перед данным этапом судопроизводства, а именно защита конституционных прав, свобод и законных интересов граждан, (возможное) восстановление названных прав по жалобе заинтересованных лиц. Существующая процедура позволяет сторонам осуществлять доказывание на основе принципа состязательности и равноправия сторон, а судье как беспристрастному арбитру создает благоприятные условия для принятия законного, обоснованного и справедливого решения (вынесения судебного акта), которое обеспечено принудительной силой государства, призванного к правовому разрешению спора сторон.

Пределы реализации функции судебного контроля находятся в прямой зависимости от его предмета, т.е. круга процессуальных действий, осуществляемых по судебному решению. Рассмотрим предложенные разновидности судебного контроля с точки зрения содержания соответствующих полномочий суда.

Судебное санкционирование представляет собой форму реализации судебной власти, содержание которой составляют полномочия по рассмотрению судом ходатайств о производстве процессуальных действий, и применению мер обеспечения, в ходе которых возможно ограничение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства, и даче разрешения на их производство либо отказе в этом.

Сущность рассматриваемого вида судебного контроля заключается в том, что полномочия суда связаны с регулированием применяемых органами ведущими досудебное производство мер процессуального обеспечения, либо

процессуальных действий. В теории права регулирование деятельности посредством дачи разрешения на осуществление тех или иных юридически значимых действий либо отказа в этом принято называть санкционированием [52, с.537], что позволяет нам совокупность полномочий суда, закрепленных в ч. 2 ст. 32 УПК КР, детерминировать именно как судебное санкционирование в уголовном процессе. Отметим, что суд реализует указанные полномочия до начала производства соответствующего процессуального действия, что позволяет обозначить рассматриваемый вид судебного контроля как предупредительный.

Все действия, составляющие предмет судебного санкционирования, связаны с возможным ограничением конституционных прав и свобод граждан. В силу этого возникает вопрос о том, какие конституционные права граждан непосредственно затрагиваются в уголовном процессе.

В соответствии с ч. 1 ст. 59 Конституции КР «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность», что предполагает гарантированную государством личную безопасность и свободу, состоящую в недопущении, пресечении и наказуемости посягательств на жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, половую свободу, честь, достоинство, нравственную свободу, индивидуальную свободу человека, выражающуюся в предоставлении ему возможности располагать собой (личная безопасность) и др. [53, с.35] Рассматриваемая конституционная норма устанавливает, что «Никто не может быть задержан, заключен под стражу, лишен свободы иначе как по решению суда и только на основаниях и в порядке, установленных законом». (ч.3 ст.59 Конституции КР), что предполагает включение в предмет судебного санкционирования применения в качестве меры пресечения заключения под стражу и продления срока содержания под стражей. Вместе с тем, законодатель усматривает возможность ограничения данного конституционного права и при применении меры пресечения в виде домашнего ареста; помещения подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства судебно-медицинской или

судебно-психиатрической экспертизы; производстве личного обыска, включая все перечисленные действия в предмет судебного контроля.

Конституционное предписание, устанавливающая неприкосновенность жилища определяет, в каких именно случаях проникновение в жилище требует судебного решения (ч.2 ст. 30 Конституции КР). Как справедливо отмечает В.Т. Томин, термин «неприкосновенность» трактуется законодателем достаточно широко, выступая в качестве омонима и не согласуется с прямым лексическим значением данного слова, поскольку нормы уголовно-процессуального законодательства регламентируют в целях достижения цели уголовного процесса допустимые для правоохранительных органов и судов пределы вторжения в жилище [54, с.295], при этом сам термин «жилище» распространяется и на место постоянного жительства, и на место временного пребывания, не только в случае обладания им на праве собственности или договора найма, но и при фактическом использовании. Так, п.60 ст.5 УПК КР гласит, что «жилище – индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания».

В соответствии с уголовно-процессуальным законом предмет судебного контроля составляет законность производства осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц (п.9 ч. 1 ст. 32 УПК КР), обыска и выемки (п.10 ч.1 ст.32 УПК КР).

Аналогичным образом термин «неприкосновенность» используется и при установлении законодателем возможности ограничения конституционного права гражданина на неприкосновенность частной жизни (ст. 29 Конституции КР), а согласно ч.ч. 1,2 ст. 16 УПК КР «1. Ограничение права гражданина на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных, электронных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения. 2. Наложение ареста на почтовые, телеграфные отправления и их

выемка в учреждениях связи, контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами могут производиться только на основании судебного решения». Кроме того, в ходе досудебного производства могут быть ограничены такие конституционные права граждан, а частности ч.2 ст. 15 Конституции КР гласит: «Никто не может быть произвольно лишен своего имущества» и Изъятие имущества помимо воли собственника допускается только по решению суда в установленном законом порядке», а также «право на свободу труда, распоряжаться своими способностями к труду, на выбор профессии и рода занятий, охрану и условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены ...» (ст. 42 Конституции КР), что предопределяет включение в предмет судебного санкционирования: «о наложении ареста или снятии ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, на ценные бумаги и их сертификаты» (п.6 ч.1 ст.32 УПК КР), а также применения мер процессуального обеспечения в виде залога и временного отстранения обвиняемого от должности (п.п. 2, ч. 1, п.7 ч.1 ст. 32 УПК КР).

М.Т. Аширбекова, Ф.М. Кудин, неоднократно высказывались о расширении пределов судебного санкционирования посредством включения в его предмет иных процессуальных действий, затрагивающих конституционные права и свободы граждан, например, освидетельствования [55, с.143], Б.Б. Булатов, - получения образцов для сравнительного исследования и любых следственных действий в жилище при возражении проживающих в нем лиц [56, с.65]. Полагаем, что подобные предложения неоправданно расширяют предмет судебного контроля. В этой связи представляется достаточно аргументированной позиция, высказанная О.В. Химичевой, которая, указывая на возможность расширения пределов судебного контроля по предметному основанию до бесконечности, предлагает следующие критерии включения тех или иных процессуальных действий в его предмет: а) существенность

ограничения конституционных прав граждан; б) возможность наступления последствий, которые выходят за рамки собственно уголовно-процессуальных отношений; в) невозможность восстановления нарушенных конституционных прав в результате последующего судебного контроля либо судебного разбирательства [20, с.290].

Судебная проверка в досудебном производстве по уголовному делу представляет собой форму реализации судебной власти, содержание которой составляют полномочия по исследованию и оценке законности и обоснованности действий (бездействия) и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, а также производства следственных действий в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 32, п.п. 8-11 ч.1 ст.32 УПК КР. Непосредственный объект отношений, возникающих в ходе судебной проверки, является предметом острой дискуссии на страницах юридической печати. Анализ специальной литературы по теме позволил выделить три основных подхода к обозначенной проблеме.

Первый подход может быть назван «радикальным», поскольку его сторонники полагают, что право судебного обжалования действий и решений органов, осуществляющих уголовное преследование, не может быть ограничено. В основу приведенной позиции кладется расширительное толкование того, что все действия и решения органов государственной власти могут быть обжалованы в суд [57, с.23; 58, с.31]. Полагаем, что приведенная позиция, несмотря на кажущуюся привлекательность, не вполне соотносится с назначением уголовного судопроизводства и бесосновательно расширяет пределы судебной проверки, что в конечном итоге приведет к снижению эффективности всего досудебного производства. Законодательное закрепление возможности судебного обжалования любого решения органов следствия, на наш взгляд, приведет к тому, что суды будут втянуты в процедуру бесконечных проверок, причем возникнут не, только вопросы, связанные с обжалованием нарушения либо ограничения конституционных прав и свобод, но и вопросы

процедурного характера, решение которых относится к компетенции скорее ведомственного, нежели судебного контроля.

Второй подход диаметрально противоположен. Его сторонники полагают, что, во избежание необоснованного расширения пределов судебной проверки, необходимо законодательно закрепить исчерпывающий перечень действий и решений стороны обвинения, которые могут быть обжалованы заинтересованными лицами в суд. Это «исключит возможность искусственного увеличения срока расследования путем подачи необоснованных жалоб на любое действие и решение должностного лица, которое обязано обеспечить не только быстрое, но и полное расследование преступления» [44, с.25]. Считаем, что сторонники приведенной позиции не вполне учитывают, тот факт, что подобная законодательная регламентация предмета судебной проверки может повлечь за собой серьезное ограничение права на судебную защиту, что противоречило бы положениям ст. 61 Конституции КР.

Наиболее взвешенной представляется позиция тех процессуалистов, которые полагают, что объективно необходимо распространение процедуры судебного контроля в досудебном производстве только на те действия и решения, которые ограничивают конституционные права личности. Многочисленные решения тактического характера, нарушения отдельных процессуальных правил, непредоставление процессуальных прав участникам, если они не нарушают конституционных прав и свобод, не требуют немедленного вмешательства суда, однако, при рассмотрении уголовного дела они могут стать основанием для признания собранных стороной обвинения доказательств недопустимыми [59, с.29; 60, с.18]. Именно такой позиции придерживается и мы, так как судебному обжалованию подлежат решения и действия (бездействие) должностных лиц, принятые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства или иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены, либо могут затруднить доступ граждан к правосудию.

Содержание деятельности суда в рамках реализации полномочий по судебной проверке определено в ст. 271 УПК КР в достаточно общем виде как проверка законности и обоснованности действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя и прокурора. Под законностью вынесенного решения или процессуального действия необходимо понимать соблюдение всех норм уголовно-процессуального законодательства, проверка обоснованности предполагает оценку судом наличия достаточных сведений, которые подтверждают необходимость и возможность совершения определенного процессуального действия или принятия решения в данных конкретных условиях. При этом достаточно четко установлены пределы активности суда в рамках рассмотрения материалов уголовного дела, поскольку судья не вправе давать правовую оценку действиям подозреваемого, обвиняемого, а также собранным доказательствам относительно их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку эти вопросы подлежат разрешению в ходе расследования и судебного разбирательства уголовного дела.

Таким образом, отграничивается непосредственный предмет судебной проверки и предмет судебного разбирательства. В ходе реализации полномочий по судебной проверке судья обязан выяснить соблюдены ли при проведении конкретных процессуальных действий или принятии решений требования уголовно-процессуального закона и правильно ли применен уголовный закон. Выполнение указанной обязанности позволяет выявить и устранить нарушение законности, обеспечить справедливое разрешение жалобы и восстановить нарушенные права лица, ее подавшего.

Непосредственный предмет судебного контроля и, соответственно, его пределы в случае проверки законности и обоснованности производства процессуальных действий достаточно четко регламентированы в ст. ст. 270, 271 УПК КР. Такая проверка проводится: «В случае производства следственных или специальных следственных действий без получения постановления следственного судьи следователь в течение 24 часов с момента проведенного

следственного действия либо начала проведения специальных следственных действий уведомляет следственного судью и прокурора об их проведении. К уведомлению прилагаются ходатайства о признании законным и обоснованным проведенного следственного действия либо начатого специального следственного действия (ч.1 ст. 270 УПК КР), то есть если указанные действия проводились как неотложные и не были предметом предупредительного судебного контроля.

Все полномочия суда в рамках судебной проверки реализуются после производства соответствующего процессуального действия либо принятия процессуального решения должностным лицом, ведущим производство по уголовному делу, что позволяет обозначить рассматриваемый вид судебного контроля как последующий.

Помимо предмета судебного контроля пределы реализации соответствующей функции суда устанавливаются с учетом обеспечения реализации принципа независимости судей. В международно-правовых актах и в национальном законодательстве рассматриваемый принцип включает в себя две составляющие: институциональную независимость, т.е. самостоятельность судебных учреждений и отдельных судей по отношению к другим государственным и общественным органам и независимость судебной власти и ее носителей в содержательном значении этого термина или беспристрастность [61, с.156]. На наш взгляд, именно вторая составляющая детерминирует процессуальный статус суда при осуществлении правосудия и иных функций в уголовном судопроизводстве, в том числе и функции судебного контроля.

В научной литературе принято выделять два критерия независимости и беспристрастности суда: объективный и субъективный. Законодатель создал сложную систему гарантий, призванных обеспечить объективную беспристрастность судьи, а именно: формирование такого порядка отбора и назначения судьи, который не вызывал бы сомнений в его приверженности интересам правосудия; формирование механизма приостановления и прекращения полномочий судьи, исключающего возможность освобождения

его от должности в связи с разрешением конкретного дела; признание государством принципа неприкосновенности и безопасности судей; выделение адекватных ресурсов, обеспечивающих функционирование судебной системы; законодательное закрепление неограниченности срока полномочий судей; установление законной процедуры осуществления правосудия [62, с.228; 63, с.124; 64]. Субъективная беспристрастность предполагает отсутствие предубеждений и тенденциозности при рассмотрении судьей конкретного дела. Идея субъективной беспристрастности традиционно находит свое развитие в уголовно-процессуальном законодательстве, нормы которого детально регламентируют основания и порядок отвода судьи в случаях сомнений в его объективности или заинтересованности в исходе дела (ст. 66, 68 УПК КР). На вопрос достаточно ли в УПК КР гарантий для обеспечения независимости следственных судей, практические работники ответили следующим образом: 57,6 % - недостаточным, 27, 3 – достаточным, а остальные 15,2 % - затруднились ответить (см.: Прил. №1.).

С точки зрения непосредственного предмета диссертационного исследования именно критерий субъективной беспристрастности судьи представляет интерес с позиций установления пределов реализации функции судебного контроля в досудебном производстве. Этот вопрос, на наш взгляд, должен ставиться в ракурсе возможности осуществления правосудия по уголовным делам судьей, который принимал участие в производстве по делу, осуществляя судебный контроль на первоначальных этапах производства следствия. Позицию законодателя по поставленной проблеме можно назвать однозначной. Так, согласно ч.1 ст. 64 УПК КР, где речь идет о недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении дела говорится, что «Следственный судья, участвующий в досудебном производстве, не может участвовать в рассмотрении того же дела по существу в суде первой, апелляционной и кассационной инстанциях». Однако, в настоящее время имеются проблемы, связанные преградой для рассмотрения уголовного дела по существу судьей, ранее принимавшим решения по данному делу в порядке судебного контроля.

По результатам анкетного опроса судей, 60,6 % - считают оправданным запрет законодателя на рассмотрение дела по существу следственным судьей после осуществления судебного контроля этого же дела, 24,2 % - считают неоправданным и 15,2 % - затруднились ответить (см.: Прил №1).

А именно такая проблема, как считают И.Л. Петрухин, С.И. Клеандров, - вызвана с острой нехваткой судейских кадров и, соответственно, наличием большого количества одно - и двухсоставных судов, как на территории России, [65, с.23] так и в Кыргызской Республике. Вместе с тем в специальной литературе делается попытка обосновать беспрепятственную возможность участия судьи в разбирательстве уголовного дела в предложенной ситуации тем, что он не принимал решения по существу обвинения, а поскольку судебный контрольная деятельность не связана с собственно правосудием, то принятие правообеспечительных мер не влияет на конечное решение. Полагаем, что с подобной аргументацией достаточно сложно согласиться. Изучая материалы уголовного дела, представленные должностным лицом, ведущим производство расследования, при решении того или иного вопроса в рамках судебного контроля, судья определяет для себя комплекс требований, при соответствии которым представленные материалы будут положены в основу его внутреннего убеждения, а затем того или иного решения по делу. Достаточно сложно абстрагироваться от уже сложившегося ранее мнения при принятии окончательного решения по существу уголовного дела. Кроме того, получение обвинительных доказательств может зависеть от решения судьи о достаточности оснований для производства следственных действий, составляющих предмет судебного санкционирования. Думается, что, отказываясь давать разрешение на производство того или иного процессуального действия, судья не только обеспечивает соблюдение прав и законных интересов участников уголовного процесса, но и оказывает влияние на дальнейший ход расследования, поскольку ставит перед следователем задачу поиска иных путей для получения обвинительных доказательств. Аналогичная ситуация складывается и при реализации полномочий по судебной проверке,

когда суд, удовлетворяя жалобу участника процесса, тем самым ставит перед должностным лицом, ведущим производство по делу, вопрос о необходимости производства иного процессуального действия или принятия иного решения.

Таким образом, на наш взгляд, не возникает сомнений в том, что участие судьи в досудебном производстве опасно появлением пристрастности суда. В этой связи наиболее целесообразным вариантом решения возникшей проблемы является введение в качестве основания отвода судьи его участие в разрешении ходатайства о проведении процессуального действия или рассмотрении жалобы в досудебном производстве. В современных условиях практическая реализация данного положения, безусловно, вызовет трудности организационного характера, связанные с необходимостью существенного увеличения штатов действующих судей. На страницах специальной литературы высказывались различные предложения по решению данной проблемы, что свидетельствует, на наш взгляд, о справедливости высказанной точки зрения и актуальности решения вопроса о беспристрастности суда в предлагаемых законодателем условиях осуществления функции судебного контроля. Так, в частности И.Ф. Демидов, Н.Н. Ковтун предлагали введение института специализированных судей, осуществляющих исключительно функцию судебного контроля [58, с.31; 66, с.5].

В то же время, в УПК КР, как известно уже есть специальный субъект, осуществляющий непосредственно судебный контроль и его именуют «Следственный судья». В Кыргызской Республике 56 районных судов. В связи с этим Совет судей КР увеличил штатную численность судей на 56 единиц, то есть на следственных судей.

Хотя, специализация судей, как полагают Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина, - может привести к тому, что процесс принятия судебного решения может утратить функцию независимого судебного контроля и превратиться в «штампование действий следователя» [67, с.251].

Необходимо отметить, что идея введения института «следственных судей» была практически реализована также в УПК Украины. Однако, подход

украинского законодателя, на наш взгляд, является достаточно спорным и вызывает вопросы. Например, не удалось структурно обособить следственных судей от системы судов общей юрисдикции. Следственный судья по статусу является судьей первой инстанции и избирается на должность общим собранием судей данного суда (п. 18 ч. 1 ст. 3 УПК Украины). По замыслу законодателя следственный судья не освобождается от отправления правосудия в качестве судьи первой инстанции, а распределение нагрузки осуществляется путем автоматизированной системы документооборота суда (ст. 35 УПК Украины). Совмещение функций разрешения уголовного дела по существу и судебного контроля, на наш взгляд, ставит судью в двусмысленное процессуальное положение. Если мы анализируем объем полномочий следственного судьи в рамках судебного санкционирования, например, применения мер принуждения, то становится понятно, что указанный субъект выполняет функцию следствия. Об этом свидетельствуют положения ст. 225 УПК Украины, в соответствии с которыми на судью возлагается обязанность обеспечения доказательств на досудебном этапе расследования. Кроме того, круг мер обеспечения уголовного судопроизводства (раздел II УПК Украины), составляющих предмет судебного санкционирования вообще не ограничен, т.е. избрание любой из них находится в исключительной компетенции следственного судьи. При этом, законодатель полностью снимает с повестки дня вопрос о внутренней предрешенности вывода о виновности подозреваемого (обвиняемого), которая формируется у субъекта контроля в результате проверки юридических и фактических оснований применения мер принуждения. Следственный судья обязан оценить и проверить доказанность инкриминируемого подозрения и причастность к нему лица, в отношении которого решается вопрос о мере пресечения (ч. 2 ст. 177, п. 1 ч. 1 ст. 178, п. 2 ч. 1 ст. 196 УПК Украины). Наиболее приемлемым способом решения рассматриваемой проблемы, на наш взгляд, является все-таки прямой запрет на рассмотрение уголовного дела по существу тем судьей, который ранее

принимал участие в досудебном производстве по данному делу, реализуя полномочия в рамках функции судебного контроля.

В этой связи следует отметить, что совершенно правильно, когда судья, принимавший участие в реализации судебного контроля по уголовному делу, не может участвовать в рассмотрении данного дела в суде первой или второй инстанций или в порядке кассации. Но для этого, мало указаний в уголовно-процессуальном законодательстве, поэтому должна быть решена организационная деятельность в рамках реализации судебно-правовой реформы, которая представляет собой комплекс взаимосвязанных по ресурсам и срокам мероприятий, направленных на дальнейшее реформирование и развитие судебной системы. Президент Кыргызской Республики на заседании Совета по судебной реформе отметил: «В новых кодексах предусматривается введение новых институтов. Среди них такие институты как Единый реестр, следственный судья, цифровизация следственного кабинета и залов судебных заседаний, пробация. Успешное проведение судебно-правовой реформы будет напрямую зависеть от работы этих институтов. Вернется доверие народа к судебным органам. До сих пор судебная или правовая реформа проводилась отдельно. Особенность нашей реформы — судебно-правовая реформа проводится вместе. Потому что эти сферы находятся в тесной взаимосвязи. Невозможно рассматривать их по отдельности» [68]. Как показал, анализ результатов реализации в сфере развития судебной системы при положительной динамике отдельных показателей пока не оказали решающего позитивного влияния на доверие граждан к правосудию. Это подтверждается данными, получаемыми в ходе опросов общественного мнения (только 27% граждан Кыргызстана доверяют органам правосудия, при том, что 73% - такого доверия не испытывают).

Тем не менее, сохраняется ряд проблем, связанных с качеством правосудия, сроками судопроизводства, недостаточной информированностью граждан о деятельности судебной системы, неудовлетворительной работой судов,

неэффективным исполнением судебных актов, отсутствием необходимых условий для осуществления правосудия и др.

В сложившейся ситуации целями судебно-правовой реформы являются повышение качества осуществления правосудия, совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Достижение указанной цели предполагает решение нескольких взаимосвязанных задач: обеспечения открытости и прозрачности правосудия; повышения доверия к правосудию, в том числе и за счет повышения эффективности и качества рассмотрения дел; обеспечение независимости судей; создания необходимых условий для обеспечения доступности правосудия. Только справедливая и прозрачная работа судебной системы позволит установить в стране справедливость, укрепить доверие народа к власти.

Выводы. Таким образом, резюмируя теоретические воззрения и законодательные предписания мы пришли к выводу о том, что предметом судебного контроля служит регламентированный уголовно-процессуальным законом, круг проводимых следственных, специальных следственных и процессуальных действий, органами, ведущими досудебное производство по судебному решению.

Пределы судебного контроля изначально предполагают проверку и оценку судом соблюдения органами ведущими досудебное производство, требований всей совокупности норм, делающих законным и обоснованным вынесение того или иного решения или совершение следственного, процессуального действия.

В свою очередь обоснованность их вынесения или производства предусматривает проверку и оценку судом доказательственной базы, другими словами, фактической основы, такого решения или действия, так как именно доказательства составляют фактическое основание того или иного решения, делая его не только возможным, но и верифицируемым на предмет законности и обоснованности.

В современных условиях с учетом возрастания объема судебной работы, указанные задачи должны решаться оптимальным сочетанием таких способов

как: увеличение штатной численности судей и работников аппаратов судов, развитие рациональных методов отправления правосудия, использование в деятельности судов информационных технологий и материально-технического обеспечения.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Объект и предмет исследования

Объектом исследования является определенная совокупность свойств и отношений характеризующие судебный контроль как специфическую деятельность (функцию) независимой судебной власти осуществляемую судом (следственным судьей) в рамках досудебного производства уголовного процесса Кыргызской Республики.

Судебный контроль, являясь объектом настоящего исследования представляет собой специфическое правовое явление, которое возникло в связи с необходимостью внедрения состязательных начал в досудебных стадиях уголовного судопроизводства Кыргызской Республики.

Поскольку предмет исследования является частью объекта исследования, то настоящая диссертационная работа направлено на изучение нормативно-правовых предписаний отечественного уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих осуществление судебного контроля и выявление проблем возникающих в процессе их реализации в правоприменительной практике, а также глубокое специальное изучение свойств, видов, отличительных признаков, а также предела распространения данного правового явления в уголовном судопроизводстве.

Первоочередным, наиболее значимым, как с теоретической, так и с практической точки зрения для настоящего научного исследования явилось определение понятия, сущности судебного контроля. В связи с отсутствием законодательной регламентации понятия судебного контроля, базируясь на научно-обоснованных представлениях ученых-процессуалистов, мы предложили следующую авторскую дефиницию судебного контроля. Судебный контроль — это регламентированная уголовно-процессуальным законом деятельность следственного судьи, направленная на защиту конституционных

прав, свобод и законных интересов граждан, посредством санкционирования или проверки законности, обоснованности проведенных следственных и иных процессуальных действий государственными органами, а также должностными лицами, ведущими досудебное производство по уголовным делам.

Тем самым, из содержания определения судебного контроля вытекает сама сущность судебного контроля. Судебный контроль как молодой институт судебной власти, был создан для полной реализации принципа разделения властей. До внедрения данного института долгие годы существовал лишь прокурорский надзор, который на определенном историческом этапе успешно достигал своей цели и эффективно выполнял поставленные государством задачи. Однако с разделением власти на законодательную, исполнительную и судебные власти и внедрение системы сдержек и противовесов, как нами было упомянуто в настоящем исследовании, пришлось переосмыслить и переориентироваться на создаваемую новую модель государственно-правового строительства. Судебная власть как самостоятельная ветвь власти нацелена, прежде всего, на восстановление социальной справедливости в обществе, путем осуществления правосудия. Именно на судебную власть возлагалась защита конституционных прав и свобод граждан, населяющих страну. Как известно, Уголовное преследование осуществляется субъектами, входящими в систему исполнительной власти, а в частности органы дознания и следствия.

Органы прокуратуры, хотя и не входят ни одну из ветвей власти, выполняют несвойственные функции прокурорского надзора, уголовного преследования и поддержания государственного обвинения. В досудебном производстве прокурор осуществляет надзор за деятельностью органов дознания и следствия, а также по подследственности проводит расследование определенных категорий уголовных дел, в случаях предусмотренных уголовно-процессуальным законом. В итоге получается, подавляющее большинство полномочий прокурора направлены на реализацию обвинительной функции, иначе говоря, миссия независимого и объективного блюстителя законности потеряло свой смысл. В этой сложившейся ситуации стало крайне

необходимым внедрение субъекта с независимыми арбитражными полномочиями, отвечающего за обеспечение системы сдержек и противовесов, а также обеспечения равноправия противоборствующих сторон участвующих в производстве по уголовному делу. По замыслу законодателей такой фигурой оказался следственный судья, на которого была возложена миссия осуществления судебного контроля. Следовательно, в предмет настоящего исследования были включены также нормативные предписания уголовно-процессуального законодательства, содержанием которых являются полномочия следственного судьи, посредством которых реализуется судебный контроль.

Судебный контроль как объемное уголовно-процессуальное понятие обладает существенным свойством делимости, то есть имеет разновидности. В связи с этим, в диссертационной работе предметом исследования явились такие виды судебного контроля, как предварительный и последующий. Предварительный контроль установлен уголовно-процессуальными предписаниями в форме дачи санкций на проведение правоограничительных следственных и иных процессуальных действий. Последующий судебный контроль проводится в форме проверки законности и обоснованности уже проведенных (осуществленных) следственных и иных процессуальных действий и принятых решений.

Также предметом настоящего исследования явилось содержание понятия судебного контроля, выраженный в основных направлениях деятельности следственного судьи в досудебном производстве. Поэтому, судебный контроль как особый вид уголовно-процессуальной деятельности имеет собственный предмет и предел распространения. Исходя из нормативных предписаний уголовно-процессуального законодательства, можно констатировать, что к элементам осуществляемого судебного контроля относятся:

Санционирование следственных, специальных следственных действий ограничивающих конституционные права и свободы лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство:

1. Санкционирование мер уголовно-процессуального обеспечения;
2. Проверка законности и обоснованности проведенных следственных и иных процессуальных действий;
3. Рассмотрение и разрешение жалоб на действия и решения органов дознания, следователя прокурора;
4. Утверждение процессуального соглашения о признании вины.

Об этом свидетельствует ст.32, 130 УПК КР, а также Раздел VIII который носит название «Судебный контроль в досудебном производстве».

Что касается пределов судебного контроля как предмета настоящего исследования, то основываясь на нормативных предписаниях и проанализировав позиции ученых-процессуалистов, мы пришли к выводу о необходимости раскрытия двух аспектов данного свойства. Первый аспект связан с установлением конкретных действий и решений органов и должностных лиц, подпадающих под судебный контроль, а во втором аспекте следует рассматривать пределы судебного контроля как определение объема познания фактов.

Кроме этого, предметом диссертационного исследования явились следующие отличительные признаки судебного контроля:

1. осуществление данной судебной деятельности исключительно в досудебных стадиях уголовного судопроизводства;
2. осуществление судебного контроля исключительно следственным судьей;
3. осуществление судебного контроля лишь при обращении лиц участвующих в производстве по уголовному делу;
4. осуществление судебного контроля в рамках процедуры, установленной предписаниями уголовно-процессуального законодательства;
5. вынесение акта следственным судьей в виде постановления, немедленно вступающего в законную силу и его обязательность для исполнения.

Предметом исследования, также можно признать процессуальный порядок осуществления судебного контроля, который представляет собой специфическую модель процессуальных действий и отношений участников

уголовного судопроизводства. Поэтому в диссертационной работе мы указали, что каждое процессуальное действие, совершаемое следственным судьей в порядке судебного контроля и каждое принимаемое процессуальное решение должно быть обоснованным, мотивированным и соответствовать нормативным предписаниям уголовно-процессуального законодательства. Более того, судебный контроль направлен именно на обеспечение законности и обоснованности проведения следственных, специальных следственных действий, а также обеспечение законности и обоснованности применения мер процессуального обеспечения ограничивающих, прежде всего конституционные права и свободы лиц, вовлеченных в досудебное производство по уголовному делу.

Также в процессе написания диссертации мы акцентируем внимание на то, что следственный судья при реализации функции судебного контроля вступает в различные процессуально-правовые отношения с такими участниками процесса, как прокурор, следователь, должностные лица органов дознания, адвокат, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, законные представители участников процесса, эксперт, переводчик и др. При этом, мы указываем, что следственный судья, на которого возложена миссия судебного контроля, должен оставаться независимым, объективным и беспристрастным арбитром между состязаемыми антагонистическими сторонами обвинения и защиты.

В предмет исследования нами включено такое полномочие следственного судьи, как утверждение процессуального соглашения о признании вины которое придает легитимность данному соглашению.

2.2. Методы исследования

В науке методы классифицируются следующим образом: общие; общенаучные; частно-научные; специальные методы.

Из общих методов нашли свое применение такие методы, как обобщение, описание, сравнение, моделирование.

С помощью обобщения мы определили границы своего научного исследования, то есть обозначали объект и предмет исследования.

Метод описания нашло свое широкое применение при характеристике собственно судебного контроля, и таких его элементов, как санкционирование подлежащих производству следственных, специальных следственных действий, проверка законности и обоснованности уже проведенных следственных, специальных следственных действий, санкционирование мер пресечения и иных мер процессуального обеспечения, рассмотрение жалоб участников процесса на действия и решения органов дознания, следователя прокурора, а также утверждение следственным судьей процессуального соглашения о признании вины.

Методом сравнения, то есть путем сопоставления определений даваемых различными авторами основных, ключевых понятий института судебного контроля мы разработали собственные позиции и авторские трактовки. Кроме этого, в процессе сравнения статистических данных судебно-контрольной деятельности нами выявлена динамика и эффективность осуществления судебного контроля по исследуемым этапам.

Что касается метода моделирования, то оно присутствует как в широком, так и в узком смысле. Если вести речь о существовании судебного контроля в рамках уголовного судопроизводства, то оно является порождением, детищем состязательной модели уголовного процесса. В узком смысле процесс реализации судебного контроля представляет собой модель взаимодействия, складывающихся отношений между следственным судьей и противоборствующими сторонами – обвинения и защиты, а также другими участниками процесса для достижения цели и задач уголовного судопроизводства.

Не менее важную роль в нашем научном исследовании сыграл метод эксперимента, а в частности для уголовного судопроизводства, как судебный

контроль, так и институт следственных судей можно считать нововведением, поэтому для правоприменительной практики их внедрение стало своеобразным правовым экспериментом. Данный экспериментальный метод был использован самим законодателем. В дальнейшем будет видно, насколько удался данный эксперимент, какие позитивные и негативные плоды принес данный опыт.

Большое содействие в настоящем исследовании оказали следующие общенаучные методы познания: • диалектический метод; • логический метод; • системный метод; • функциональный метод; • системно-структурный метод

Как известно диалектика построена на законах «Единства и борьбы противоположностей», «Перехода количественных изменений в качественные», «Отрицания отрицания».

Сквозь призму закона «Единства и борьбы противоположностей» нам удастся уяснить сущность существования и необходимости Судебной власти, главное миссией которого является урегулирование социальных конфликтов. В уголовном судопроизводстве суд, судья, следственный судья рассматривают и разрешают конфликт, возникший вследствие совершения преступления. В результате данного противоречия возникают противоборствующие стороны – обвинение и защита, у которых различные процессуальные позиции и интересы. В данном случае роль судебного контроля, осуществляемого арбитром - следственным судьей заключается в обеспечении надлежащего равного интеллектуально-правового состязания, установления баланса в процессуальных правах для отстаивания участниками процесса законных интересов. Тем не менее, мы в данном исследовании указываем, что несмотря на антагонистические, различные процессуальные интересы, следственный судья, стороны и остальные участники уголовного судопроизводства руководствуются едиными нормативными предписаниями уголовно-процессуального законодательства, содержащие единые основополагающие для всех принципы.

Посредством закона «Перехода количественных изменений в качественные» нами из множества различных научно-теоретических суждений, был

осуществлен отбор, лишь тех высказываний, которые непосредственно имели отношение к нашему исследуемому объекту, а точнее судебному контролю. Тем самым, мы в процессе исследования возникшей проблемы, накопив знания, приходим к научным результатам и выводам.

Если вести речь о законе «Отрицания отрицания», то в настоящей диссертационной работе мы подчеркиваем, что под воздействием различного рода факторов уголовно-процессуальное законодательство претерпевает множество изменений, то есть оно находится в постоянном совершенствовании. Процесс обновления требует отказа от старых институтов и внедрения новых. Однако, преемственность между прошлым и настоящим в законотворчестве остается. К примеру, из прошлого не смотря на внедрение в досудебном производстве судебного контроля, прокурорский надзор за производством следствия и дознания сохранился. Более того, истории известны случаи, когда правоприменительная практика, законотворчество и доктрина после неудавшегося правового эксперимента, берутся за реанимацию, возвращению старых уголовно-процессуальных институтов.

Не менее важную роль в нашем исследовании сыграл логический метод. С помощью анализа мы изучили части и свойства исследуемого объекта (судебный контроль). После анализа частей, разновидностей и свойств получили полное представление об объекте исследования, и в этом оказал содействие синтез.

С помощью дедукции мы выводим из функции правосудия, функцию судебного контроля, последний в свою очередь является частным по отношению к правосудию. Как известно индуктивные знания всегда носят вероятностный характер, поэтому требуется проверка. Основываясь на данном методе, мы подчеркиваем, что следственный судья при принятии процессуального решения должен тщательно проверить доводы следователя, указанные в ходатайстве. К примеру, следователь при заявлении ходатайство о необходимости проведения обыска указывает на вероятность нахождения

орудия преступления в данном жилище. Однако, ни следователь, ни следственный судья не знают, есть ли они в данном жилище.

В диссертационном исследовании также повсеместно используется аналогия и тождество. Ими мы воспользовались при группировке авторов, тождественно высказывающихся по одной и той же проблеме. К примеру, высказывание А.А. Чувилева, о возможности наложения ареста на имущество других лиц, аналогично утверждению Ф.Н. Багаутдинова.

Системно-структурный метод исследования позволил изучить судебный контроль как цельную систему в иерархической структуре судебной власти, определить его место и роль в уголовном судопроизводстве.

Посредством функционального метода мы попытались объяснить (охарактеризовать) судебный контроль через выполняемые функции судебной власти. Следовательно, судебный контроль представляет собой специфическое направление (функцию) деятельности суда, направленное на обеспечение соблюдения конституционных прав граждан в досудебном производстве уголовных дел.

Из частно-научных, в настоящем диссертационном исследовании были применены исторический, социологический, статистический методы.

Не представляется возможным познание предмета или явления без исследования их истории возникновения и развития. Поэтому и в нашем исследовании для определения места и роли судебного контроля в уголовном судопроизводстве мы воспользовались историческим методом познания. А в частности, нам пришлось проанализировать исторические события, факторы, повлиявшие на формирование и развития института судебного контроля.

Социологический метод приводит нас к выводу о социальной обусловленности внедрения в уголовное судопроизводство судебного контроля. Судебный контроль является именно тем инструментом, посредством которого можно восстановить социальную справедливость, а именно путем защиты конституционных прав и свобод граждан, участвующих в производстве по

уголовному делу. Судебный контроль внедрен исходя из потребностей личности и общества.

С помощью статистического метода исследования мы обобщили количественные показатели санкционирования следственных действий, всех мер процессуального обеспечения подпадающих под юрисдикцию следственных судей по годам.

Из специальных нами был применен догматический (формально-юридический) метод познания научных определений; этапов формирования понятийного аппарата, а также обособления такой специфической юридической деятельности, как судебный контроль. Догматический метод позволил нам уяснить смысл нормативно-правовых предписаний, регламентирующих процесс осуществления следственным судьей судебного контроля в досудебном производстве. Посредством догматического метода мы познали состояние правового регулирования судебно-контрольной деятельности, описали статус следственного судьи и других участников процесса, вовлеченных в данную деятельность.

Таким образом, при написании настоящей диссертационной работы, мы руководствовались такими принципами методологии юридической науки, как историзм, объективность, методологический плюрализм и научная корректность.

ГЛАВА 3. РЕАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

3.1. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения мер пресечения

Сегодня одним из ключевых направлений судебно-правовой реформы является обеспечение прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Конституция Кыргызской Республики в ч.1 ст. 23 провозглашает следующее: «Права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Они признаются в качестве абсолютных, неотчуждаемых и защищаемых законом и судом от посягательств со стороны кого бы то ни было». Среди естественных прав человека важное место занимает свобода и личная неприкосновенность, от защищенности которого зависят все вытекающие иные права граждан. От состояния обеспечения гарантией соблюдения данных естественных прав, можно судить о степени демократических преобразований в стране, и конечно же об устоявшемся в государстве политическом режиме.

В силу ч.1 ст. 59 Конституции Кыргызской Республики «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность». Свобода и личная неприкосновенность – это есть возможность по своему усмотрению использовать время, вольно и беспрепятственно посещать желаемые места, выбирать по своему желанию место проживания и иметь гарантию от незаконного и необоснованного задержания и заключения под стражу.

Таким образом, основной закон страны, общепризнанные принципы и нормы международного права, нацелены на ограничение и запрещение каких

бы то не было неправомерных действий, сопряженных с лишением свободы и причинения разного рода физических и морально-нравственных страданий.

Однако, ч.3 ст. 56 Конституции Кыргызской Республики, в порядке исключения предусматривает следующее положение: «3. Ограничения, касающиеся физической и моральной неприкосновенности личности, допустимы только на основании закона, по приговору суда как наказание за совершенное преступление». К числу таких ограничений свободы и личной неприкосновенности можно отнести случаи применения правоограничивающих мер в процессе расследования преступлений в отношении лиц подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления, в целях решения задач уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК КР).

В этой связи следует отметить, что ч. 2 ст.6 УПК КР к числу основных задач уголовного судопроизводства относит защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Значит, обеспечение охраны прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство, является одним из главных задач не только Конституции, общепризнанных норм и принципов международного права, но и уголовного судопроизводства. Именно уголовно-процессуальный закон, во-первых, предписывает соблюдение указанных процедур, а во-вторых, требует их обоснования при применении правоограничительных мер. Все это свидетельствует о наличии четких пределов ограничения законом свободы и личной неприкосновенности.

В частности, такие влияния оказываются в уголовном судопроизводстве и на конституционные права и свободы граждан, участвующих в производстве уголовного дела.

Более того, эти специфические меры должны применяться исключительно уполномоченными законом государственными органами и должностными лицами, которые в пределах своей компетенции обладая властными полномочиями, могут применить меры принуждения [69, с.314].

Связи с этим, хотелось бы отметить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство Кыргызской Республики отказалось от такого репрессивного названия мер воздействия как «Меры процессуального принуждения». Отныне Раздел IV УПК КР именуется «Меры обеспечения уголовного судопроизводства». Однако Глава 13 УПК КР сохранило название «Меры пресечения». Именно в процессе применения мер пресечения участники процесса сталкиваются со значимыми ограничениями прав и свобод. В соответствии с ч.1 ст. 104 УПК КР «1. Мерами пресечения являются меры, применяемые к обвиняемому для предотвращения его ненадлежащего поведения в ходе досудебного производства и судебного разбирательства по уголовному делу». Соответственно, впервые УПК КР, хоть и вкратце, дало определение мерам пресечения, из которого вытекает главная цель применения мер пресечения – «предотвращение ненадлежащего поведения в ходе досудебного производства и судебного разбирательства.....» обвиняемого. А таким поведением могут случаи, когда «обвиняемый скроется от следствия или суда либо может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства, иным путем воспрепятствовать объективному ведению следствия и разбирательству дела в суде, либо будет продолжать заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора» (ч.1 ст. 105 УПК КР).

По мнению В.А. Михайлова с помощью мер пресечения реализуется принцип непосредственности, где создается возможность для обеспечения личного участия обвиняемого в производстве различных следственных и иных процессуальных действий, а в конечном итоге имеем лицо для уголовного преследования и привлечения к уголовной ответственности, а также для возмещения имущественного вреда потерпевшему [70, с.17]. Более того, обвиняемый находящийся под стражей не сможет воспрепятствовать ведению следствия или судебного разбирательства путем угрозы потерпевшему или свидетелям [71, с.12].

Анализ главы 13 УПК КР показывает, что в процедуру применения мер пресечения вовлекаются исчерпывающее число участников уголовного судопроизводства. Конечно, в их числе особое процессуальное положение занимают должностные лица, наделенные властными полномочиями по применению мер пресечения. Так, ст. 106 УПК КР указывает на такие субъекты как, прокурор и следственный судья. Следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев, за применением меры пресечения обращается следователь (ч.3 ст. 106 УПК КР), а прокурор дает свое согласие. Следственный судья в свою очередь принимает решение по заявленному ходатайству о применении мер пресечения в отношении обвиняемого (ч.5 ст. 106 УПК КР).

Следует отметить, что для вышеназванных уполномоченных должностных лиц применение мер пресечения является не только правом, но обязанностью, то есть мера возможного поведения превращается меру должного поведения. При игнорировании данной процедуры указанные лица могут понести тот или иной вид юридической ответственности.

Напротив, законодатель в целях недопущения злоупотребления со стороны субъектов, применяющих меры пресечения, а также для обеспечения прав и законных интересов участников процесса, предусмотрел ряд норм содержащих основания и условия их применения [72, с.170].

М.В. Смирнов отмечает, что под условиями избрания (применения) мер пресечения нужно понимать предписания закона, обязывающие проводить определенные активные действия, направленные на установление соответствующих обстоятельств, которые впоследствии создают возможность, компетентному должностному лицу руководствуясь предусмотренными законом основаниями обосновать правомерность правоограничения путем применения той или иной меры пресечения [73, с.24]. Совершенно верно, автором отмечено параллельное существование прав и обязанностей в применении меры пресечения.

Существование в уголовном судопроизводстве целой системы мер пресечения создает условия для их альтернативы, но нужно учесть какое

преступление по тяжести лицо совершило, личностную характеристику обвиняемого и есть сведения, указывающие на ненадлежащее его поведение. Согласно ч.2 ст. 104 УПК КР имеются следующие виды мер пресечения: 1) подписка о невыезде; 2) передача под наблюдение командования воинской части; 3) передача несовершеннолетнего под присмотр родителей или лиц и организаций, их заменяющих; 4) залог; 5) домашний арест; 6) заключение под стражу.

Появление института судебного контроля в досудебном производстве позволяет нам утверждать о тенденции развития уголовного процесса в сторону обеспечения законности и обоснованности производства следствия, соблюдения конституционных прав и свобод граждан, участвующих в производстве по уголовному делу, а самое главное недопущение злоупотребления и произвола должностных лиц, осуществляющих расследование преступления.

Самыми строгими видами мер пресечения, то есть максимально ограничивающими права и свободы личности в уголовном судопроизводстве являются домашний арест и заключение под стражу, которые непременно и исключительно, применяются с санкции следственного судьи (ч.2 ст. 113, ч.1 ст.114 УПК КР).

Именно мера пресечения в виде заключения под стражей наводит страх у граждан, вступивших в конфликт с уголовным законом. Согласно данным судебной статистики, заключение под стражу из всех санкционируемых следственным судьей мер пресечения, по количественным показателям занимает лидирующее положение. Так, с 2019 г. по первое полугодие 2023 г., всего следственным судьей, санкционировано 24693 мер пресечения в виде заключения под стражу (См: Прил. №2.). Именно при заключении под стражей обвиняемый в наибольшей мере ограничивается в конституционных правах и свободах.

С момента содержания под стражей обвиняемый лишается личной свободы путем водворения в места предварительного заключения (СИЗО) для

нейтрализации активных действий, и чтобы предотвратить возможные последствия, указанные в ст. 105 УПК КР. Однако ни в коем случае, нельзя заключение под стражу воспринимать, как начальную стадию наказания, оказание морального или иного давления, унижение достоинства или причинения физического страдания. Поэтому в уголовно-процессуальном кодексе закреплён такой принцип уголовного судопроизводства, как «уважение чести и достоинства личности» в котором содержатся следующие положения:

«1. Уважение чести и достоинства личности обязательно для всех органов и лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

2. Недопустимо применение угроз, насилия и иных незаконных мер при проведении следственных, судебных и иных процессуальных действий.

3. Содержание лица, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лица, задержанного по подозрению в совершении преступления должно осуществляться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью.

4. Никто из участвующих в деле лиц не может подвергаться насилию, пыткам и другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению и наказанию» (ст. 11 УПК КР).

К вопросам сущности заключения под стражу обращались многие ученые-процессуалисты. Так, по мнению Э.К. Кутуева суть заключения под стражей заключается в ограничении свободы подозреваемого, обвиняемого, вина которого еще не установлена вступившим в законную силу приговором суда, а целью является противодействие преступному акту, пресечение бегства, также любые неправомерные действия, оказывающие влияние на нормальный ход расследования, рассмотрения уголовного дела, а также обеспечение исполнения приговора [74, с.9].

О.И. Цоколова считает, что при заключении под стражу подозреваемый, обвиняемый помещается в изолированное специальное учреждение в целях обеспечения нормального хода расследования и судебного разбирательства

уголовных дел, а в конечном итоге обеспечение исполнения приговора [75, с.16].

Как и любая другая мера пресечения, заключение под стражу, применяется после процедуры предъявления обвинения. Такое положение вытекает из ч.1 ст. 104 УПК КР, где сказано, что «Мерами пресечения являются меры, применяемые к обвиняемому .....». Соответственно, мера пресечения в виде заключения под стражу избирается в отношении обвиняемого.

В связи с признанием заключения под стражу наиболее строгой мерой пресечения, ограничивающей конституционные права и свободы граждан, уголовно-процессуальное законодательство Кыргызской Республики четко определила пределы ее применения. Так, согласно ч.1 ст. 114 УПК КР, «Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 5 лет. При применении меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении следственного судьи, суда, определении суда должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья, суд принял такое решение. Такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания либо представленные в нарушение требований настоящего Кодекса».

Итак, данная мера пресечения применяется в отношении лиц обвиняемых в совершении тяжкого или особо-тяжкого преступления. Однако в УПК КР имеется следующее нормативное предписание: «В исключительных случаях эта мера пресечения может быть применена в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет, при наличии одного из следующих обстоятельств:

- 1) обвиняемый не имеет постоянного или временного места жительства на территории Кыргызской Республики;

- 2) его личность не установлена;
- 3) им нарушена ранее примененная мера пресечения;
- 4) он скрылся от органа, осуществляющего производство следствия, или суда» (ст.114 УПК КР).

Законодатель, определив условия, подчеркивает об их исчерпывающем перечне, что может послужить гарантией для недопущения произвола и нарушения прав граждан в уголовном судопроизводстве. Тем не менее, вышеприведенные условия являются лишь правовой предпосылкой, но никак не основаниями для применения меры пресечения для последних необходимы установленные обстоятельства.

Следственный судья, применяет меру пресечения при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый:

1. скроется от следствия или суда;
2. может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства;
3. уничтожить доказательства, а также воспрепятствовать иными способами всестороннему, полному и объективному расследованию и судебному разбирательству;
4. снова встанет на преступный путь.

А в конечном итоге, требуется обеспечение исполнения приговора.

Для применения меры пресечения в виде заключения под стражей необходимы сведения, указывающие на совершение конкретным лицом конкретного общественно-опасного, противоправного, виновного и уголовно-наказуемого деяния. А эти сведения должны быть указаны в мотивированном постановлении следователя о привлечении лица в качестве обвиняемого.

В.А. Михайлов утверждает о том, что при наличии оснований нужно в обязательном порядке применить меру пресечения и другого варианта не должно и быть [76, с. 52].

По мнению И.Л. Петрухина, кроме оснований применения мер пресечения необходимо наличие фактических данных (доказательств), посредством

которых можно установить прокурору, суду факт законного и обоснованного принятия процессуального решения следователем [77, с.107].

Есть авторы, которые считают нужным при применении мер пресечения устанавливать факт ненадлежащего поведения обвиняемого. Поэтому, следователь должен ссылаться на конкретные случаи неправомерных действий обвиняемого, а не заявлять о возможности таких действий со стороны последнего. В итоге оно может ограничить его в конституционных правах [78, с.24]. Если таковое не подтвердится, то подобное субъективное мнение следователя может привести к следственным ошибкам [79, с.13].

С подобной позицией мы можем и не согласиться, поскольку мера пресечения также считается профилактической, превентивной мерой, и прежде всего ставится цель недопущения продолжения обвиняемым преступной деятельности. С точки зрения Л.В. Брусницина меры пресечения подлежат применению с учетом вероятности совершения обвиняемым противозаконных действий, направленных на воспрепятствование проведению следствия и судебного разбирательства [80, с.256].

Так, Л.М. Карнеева и Г.М. Миньковский отмечают, что специфика избрания меры пресечения и принятия по нему решения заключается в том, что здесь важно иметь в наличии сведения, констатирующие о возможности наступления определенных уголовно-процессуальным законом последствий. Соответственно, в процессе проведения следствия вероятностные должны перейти в достоверные факты [81, с.90].

В уголовно-процессуальном законодательстве не говорится об доказывании оснований применения меры пресечения. Однако, в соответствии с ч.2 ст. 130 УПК КР, «Следственный судья проверяет законность и обоснованность постановлений, а равно иных решений и действий (бездействия) прокурора, следователя, о чем выносит решение ....».

Более того, в ч. 1 ст. 114 УПК КР прямо предусмотрено, что «При применении меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении следственного судьи, судьи, определении суда должны быть указаны

конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение. Такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания либо представленные в нарушение требований настоящего Кодекса». В данном случае, законодатель обращает внимание на «конкретные фактические обстоятельства». В теории и на практике таковыми являются: место, время, действия обвиняемого. Получается, что обычное повествование события преступления не внушит доверия, пока не будет подтверждения доказательствами. Поэтому, поневоле при осуществлении судебного контроля, следственный судья вынужден будет обратить внимание на доказанность предъявленного обвинения, то есть изучение описательно-мотивировочной части постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Следователь заведомо должен приложить свои усилия для обоснования заявленного ходатайства о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом, должны быть использованы, как средства, так и способы доказывания [82, с.72].

В целях защиты конституционных прав и свобод лиц, подлежащих заключению под стражей, законодатель усложнил процедуру получения разрешения, внедрив судебный контроль. Вместе с тем, прокурор, дающий согласие на применение меры пресечения в виде заключения под стражей, а потом следственный судья, осуществляющий контроль за следствием должны обратить внимание на наличие фактических и правовых оснований. Выводы следователя должны подтверждаться сведениями, а не «дежурными» формулировками списанными из статей УПК.

О сложности прохождения процедуры избрания меры заключения в виде заключения под стражей пишет также Е.Б. Мизулина. По мнению автора, такой шаг законодателя направлен, прежде всего, на повышение ответственности должностных лиц, принимающих решение о принудительном ограничении свободы [83, с.15].

В соответствии с ч. 1. ст. 107 УПК КР указаны следующие обстоятельства, учитываемые при применении меры пресечения предусматривается следующее

положение: «1. При разрешении вопроса о необходимости применения меры пресечения, об определении ее вида при наличии оснований, предусмотренных статьей 105 настоящего Кодекса, следственный судья, суд учитывает обоснованность обвинения, сведения о личности обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства», то есть здесь следователь, прокурор самое главное должны обосновать необходимость применения выдвигаемого вида меры пресечения.

Если следственный судья должен учитывать обоснованность обвинения, то речь идет именно об обосновании полученными следователем доказательствами. Проведенный нами анкетный опрос следователей, прокуроров, судей и адвокатов показал, что 22% считают правильным передачу судье всего материала уголовного дела, 50% - поддерживают позицию передачи лишь материалов подтверждающих вину обвиняемого в инкриминируемом ему деянии, остальная часть затруднились ответить указав, что это зависит от конкретного случая (См.: Прил. №1.).

Так, ч. 4 ст. 106 УПК КР содержит следующее положение: «Копия постановления о возбуждении ходатайства о применении меры пресечения с приложенными документами, подтверждающими обоснованность ходатайства, вручается следователем обвиняемому, его адвокату не позднее, чем за 3 часа до подачи его следственному судье». Можно лишь предположить, что копии таких же документов будут у следственного судьи.

Хотя, ч.3 ст. 264 УПК КР позволяет следующее: «Следственный судья вправе знакомиться со всеми материалами досудебного производства, истребовать при необходимости дополнительные материалы».

По поводу вопроса об оценке судом представленных материалов среди ученых достаточно противоречивых позиций. При применении меры пресечения в виде заключения под стражей, следственный судья однозначно должен выяснить следующие вопросы:

- 1 кем возбуждено уголовное дело и кем принято к своему производству;

2 применяется ли мера пресечения в отношении обвиняемого (наличие постановления о привлечении в качестве обвиняемого);

3 правомочен ли рассматривать следственный судья ходатайство о применении меры пресечения (подсудно ли);

4 наличие оснований, указанных в ст. ст. 105 и 114 УПК КР для применения указанной в ходатайстве меры пресечения.

В уголовно-процессуальной науке полемику среди ученых вызывает вопрос об оценке судьей законности и обоснованности предъявленного обвинения, а также оценки уличающих обвиняемого доказательств. По данному вопросу существуют два полярных мнения ученых.

Первая группа придерживается позиции полной проверки и оценки материалов уголовного дела начиная от постановления о привлечении в качестве обвиняемого и других процессуальных документов, содержащих сведения о фактических обстоятельствах происшедшего, а также применение уголовного закона) [85, с.45].

С точки зрения других авторов, суд должен исследовать лишь основания избрания меры пресечения, предусмотренные прямо в УПК и никоим образом не вторгаться в критерии оценки доказательств, подтверждающих предъявленное обвинение [86, с.171]. Также они считают, существенным при решении вопроса о мерах пресечения тщательную проверку их оснований указанных в ходатайстве следователя, а оценка обвинительной доказательственной базы это полномочия суда первой инстанции рассматривающего дело по существу, где в конечном итоге решается вопрос виновности или невиновности обвиняемого [87, с.190].

Можно и согласиться с подобной позицией, так как следственный судья не должен выходить за рамки заявленного следователем ходатайства об избрании того или иного вида из мер пресечения. К.М. Сманалиев отмечает, что «Указанные полномочия следственного судьи подтверждают, что он является арбитром, но при этом не рассматривает споры, в отличие от судей местных судов, осуществляющих правосудие и разрешающих уголовные дела» [88].

О вынужденности судьи, рассматривать вопросы обоснования предъявленного обвинения при избрании меры пресечения пишет также и Г.Н. Козырев [89, с.18].

Приведенные полярные мнения побуждают ученых к длительной полемике. Первое мнение предостерегает нас от превращения судебного контроля за законностью и обоснованностью применения мер пресечения в пустую формальность. С другой стороны, законодатель предписывает следственному судье не вторгаться в обсуждение вопросов виновности или невиновности обвиняемого в досудебном производстве по уголовным делам.

С. Щерба и О. Цоколова считают выяснение вопроса виновности главным условием проверки законности и обоснованности заключения под стражей, в противном случае контроль станет формальным исследованием правильного применения статей следователем [90, с.45; 91, с.19].

Для прояснения вопроса попытаемся проанализировать регламентации данного вопроса в действующем уголовно-процессуальном законодательстве страны. Так, ч.4 ст.32 УПК КР гласит, что «Следственный судья не должен предрешать вопросы, которые в соответствии с настоящим Кодексом могут быть предметом судебного рассмотрения при разрешении дела по существу, давать указания о направлении расследования и проведении следственных действий, совершать действия и принимать решения вместо лиц, осуществляющих досудебное производство, и надзирающего прокурора». Но в тоже время, ч.3 ст. 264 УПК КР указывает, на то, что «Следственный судья вправе знакомиться со всеми материалами досудебного производства, истребовать при необходимости дополнительные материалы».

Так, в ч.1 ст. 114 УПК КР предусмотрено, что «Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения в отношении лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 5 лет. При применении меры пресечения в виде заключения под стражу

в постановлении следственного судьи, судьи, определении суда должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение. Такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания либо представленные в нарушение требований настоящего Кодекса».

Мы считаем, что логически будет правильно исходить из статуса лица в отношении, которого избирается мера пресечения. В нашем случае мера пресечения, а в частности заключение под стражу избирается исключительно в отношении обвиняемого, то есть к лицу, которому в установленном законом порядке вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого и соответственно ему это предъявлено. По сути, у следственного судьи нет механизмов для полноценной проверки и оценки собранного следователем доказательственной базы. Ему доступны лишь материалы, имеющиеся на тот момент в уголовном деле. Ведь для проверки какого-либо доказательства, свидетельствующего о совершении обвиняемым конкретного преступления ему, придется проводить сопоставление с иными источниками доказательств, к примеру, провести очную ставку. А это уже прерогатива суда, рассматривающего уголовное дело по существу. Главным для следственного судьи, как нам кажется, является изучение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, так как в данном процессуальном документе следователь описывает и мотивирует факт совершения данным лицом конкретного состава преступления и чем оно подтверждается. Иначе говоря, ознакомится с объемом доказательств. Если следователь в ходатайстве в качестве правового основания избрания меры пресечения в виде заключения под стражей приводит совершение данным лицом тяжкого преступления, то следственный судья должен проверить правильность квалификации инкриминируемого деяния. В любом случае, судебный контроль как проверочная судебная деятельность должна быть направлена на проверку обоснованности принятых следователем процессуальных решений. Более того, объем доказательственной базы в досудебном производстве будет отличаться

от той базы, которая будет исследована в ходе рассмотрения уголовного дела судом по существу [92, с.45].

Анализ позиция Европейского Суда по правам человека, показывает, что для применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого, а не обвиняемого, как в нашем случае, не требуется вся полнота доказательственной базы и установления обстоятельств очевидной виновности. Что касается «Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.)», то здесь также говорится, что для взятия лица под арест требуется установления факта совершения преступления и возможная причастность лица к совершенному преступлению (ст.5) [93, с.53].

Возвращаясь к истории уголовного судопроизводства, хотелось бы отметить, что в редакции УПК КР 1999 г. согласно ст. 110 УПК КР, где говорится о содержании постановления суда об избрании в качестве меры пресечения в виде заключения под стражей, не упоминается о ссылке на соответствующие сведения, подтверждающие предъявленное обвинение, а также необходимость применения именно данной меры пресечения.

Подобная регламентация настораживала многих процессуалистов, так как на практике многие постановления судей не имели свойства мотивированности, так отсутствовала ссылка на уличающие доказательства, указывающие на совершение данным лицом, именно той категории преступлений, по которой требуется применения меры пресечения в виде заключения под стражей. [94, с.43; 95, с.13].

Что касается процессуального порядка рассмотрения ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, то законодатель в ст. 266 УПК КР указал следующее: «1. Меры пресечения применяются следственным судьей по ходатайству следователя в открытом судебном заседании с участием обвиняемого, следователя, прокурора, адвоката по месту проведения следствия либо по месту задержания обвиняемого в течение 5 часов с момента поступления ходатайства в суд. В судебном заседании обязан участвовать законный представитель обвиняемого ребенка». Мы видим здесь

признаки состязания сторон, а также представляется возможность стороне защиты отстаивать свои законные интересы и позиции по законности и обоснованности применения меры пресечения.

Согласно ч. 4 этой же статьи «В начале судебного заседания следственный судья объявляет, какое ходатайство подлежит рассмотрению, разъясняет явившимся в судебное заседание лицам их права и обязанности. Затем следователь обосновывает его, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица».

Так, ч.5 этой же статьи указал на два вида постановления следственного судьи выносимого по итогам рассмотрения соответствующего ходатайства:

- 1) о применении в отношении обвиняемого меры пресечения;
- 2) об отказе в удовлетворении ходатайства о применении заявленной меры пресечения и применении другой меры пресечения, не ухудшающей положение обвиняемого.

Так, в силу ч.3 ст. 106 УПК КР «Если ходатайство возбуждается в отношении обвиняемого, задержанного в порядке, установленном статьями 96 и 97 настоящего Кодекса, то указанные материалы должны быть представлены следователем следственному судье до истечения 45 часов с момента фактического задержания, а в отношении ребенка – 21 часа с момента фактического задержания».

Копия постановления следственного судьи вручается следователю, прокурору, обвиняемому, адвокату и подлежит немедленному исполнению (ч.6 ст.266 УПК КР).

Кроме этого, согласно ч.1 ст. 266 УПК КР «Меры пресечения применяются следственным судьей по ходатайству следователя в открытом судебном заседании с участием обвиняемого, следователя, прокурора, адвоката по месту проведения следствия либо по месту задержания обвиняемого в течение 5 часов с момента поступления ходатайства в суд. В судебном заседании обязан участвовать законный представитель обвиняемого ребенка». Значит, судебное заседание должно проводиться открыто.

Рассмотрение ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу должно проводиться в открытом судебном заседании, за исключением следующих случаев:

- «когда это может привести к разглашению сведений, составляющих государственную и иную, охраняемую законом тайну»;
- «по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности и других преступлениях в целях неразглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц либо сведений, унижающих их честь и достоинство»;
- в случае рассмотрения уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими возраста 16 лет;
- в случаях, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности участников процесса, их близких родственников, супруга (супруги)» (ч.2 ст. 291 УПК КР).

Во всех этих случаях следственный судья должен вынести мотивированное постановление (ч.2 ст. 291 УПК КР). Разбирательство дела в открытом судебном заседании осуществляется с соблюдением всех правил судопроизводства. Если учесть, то обстоятельство, что по уголовному делу, где рассматривается ходатайство о применении меры пресечения, следствие продолжается, то как нам кажется, тайна следствия должна распространяться на все процедуры. Если форма судебного заседания открытая, то о какой следственной тайне можно вести речь.

Данное ходатайство должно рассматриваться в соответствии с рекомендациями Европейского Суда по правам человека, о разумном сроке содержания лиц под стражей [96, с.60]. Предъявленное обвинение не может быть постоянным и единственным основанием для продления сроков содержания под стражей. Среди обстоятельств, на которую больше всего ссылаются правоприменительные органы это вероятность: продолжения занятия преступной деятельностью, покушения на побег, сокрытия уличающих доказательств, совершение действий направленных на изменение показаний

свидетелями или потепевшими. Опрошенные нами представители правоохранительных органов, на вопрос «Какие из указанных обстоятельств являются для Вас ключевыми при санкционировании мер пресечения» – 48,5% ответили: неустановление личности обвиняемого; 24,2 % - подозреваемый, обвиняемый не имеет постоянного или временного места жительства; 21,2 % - считают ключевым обстоятельством, то, что обвиняемый может скрыться от следствия и суда (См.: прил.№1).

Ходатайство следователя, прокурора, о продлении срока содержания обвиняемого под стражей, будет, проходит уже в иных условиях, так как за 2 месяца следователь имел возможность собрать дополнительную обвинительную доказательственную массу и тем самым уверенно обосновать предъявленное обвинение следственному судье. Следователь не должен банально копировать прежнее ходатайства изменив лишь его название [25, с.168].

Таким образом, для следственного судьи, принимающего решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу важны, как фактические, так и юридические основания для избрания подобной меры обеспечения.

Следующий вид мер пресечения — это домашний арест, который по строгости следует за заключением под стражей. Позитивным моментом в этой мере пресечения можно отметить содействие в разгрузке мест предварительного заключения (СИЗО). Данные судебной статистики показывают, что с 2019 г. по 1 полугодие 2023 г. в целом по Кыргызстану всего следственными судьями санкционировано – 3064 домашних арестов. Получается, домашний арест по количеству санкционирования занимает 2 место после заключения под стражей (См.: прил.№2.).

Домашний арест также входит в число мер обеспечения существенно ограничивающих конституционные права и свободы граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство. В связи с этим, законодатель за его применением установил режим судебного контроля. Перед тем как приступить к раскрытию

судебного санкционирования избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, мы предпочли остановиться на вопросе его сущности.

Домашний арест, по существу, признается разновидностью изоляции обвиняемого от социума, но не связанного с помещением специализированного места, предназначенного для предварительного заключения [97, с.491; 76, с.53]. Подобная характеристика домашнему аресту дана в УПК Беларуси (ч. 1 ст. 125), в УПК Казахстана [98] (ст. 150 УПК РК), ст. 163 УПК Азербайджана [99].

Так или иначе, домашний арест ограничивает свободу обвиняемого. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 113 УПК КР домашний арест заключается также в запрете:

1. общаться с определенными лицами;
2. получать и отправлять корреспонденцию;
3. покидать жилище круглосуточно или в определенное время суток
4. общаться с определенными лицами, получать и отправлять корреспонденцию
5. выезжать за пределы административной территории без разрешения суда
6. использовать информационно-телекоммуникационную связь.

Викисловаре говорится, что домашний арест - эта «мера пресечения, заключающаяся в заключении в пределах помещения, где проживает заключённый, и ряде других запретов» [184]. Домашний арест — значит постоянно пребывать дома и не покидать его. «Домашний» значит постоянное или временное пребывание по месту жительства. Также «дом» связан с такими понятиями, как очаг, семья, собственный быт [100, с.169] Получается, что домашний арест — это лишение обвиняемого свободы в виде изолированного, постоянного пребывания дома.

Так, ч. 1 ст. 113 УПК КР, не раскрывает и не дает четкого определения понятию «домашний арест», а это уже отсутствие единообразного понимания среди, как ученых, так и практиков. В этой связи возникают такие вопросы, как необходимость постоянного места жительства (прописка по конкретному адресу) дом, номер квартиры, временное проживание в общежитии, гостинице,

даче, аренда жилья; допускается ли покидать место жительства; дозволено ли трудиться, учиться, лечиться в учреждениях здравоохранения, посещать торговые рынки и иные заведения и т.д. [101, с.159, 102, с.50].

Решение данного вопроса формулировки понятия домашнего ареста остается за законодателем. Так, по мнению К.Т. Балтабаева «домашний арест» являясь мерой пресечения, априори ограничивает свободу и вторгается в гарантии обеспечения личной неприкосновенности обвиняемого, а в отдельных случаях и подозреваемого, в котором в установленном законом порядке должно быть обеспечено надлежащее поведение этих лиц, в режиме «мягкой» изоляции, для максимального удовлетворения естественных прав личности [103, с.8]. Однако он не разъясняет что такое «надлежащее поведение» и «условия мягкой изоляции»?

Примерно такой же позиции придерживается Ю.Г. Овчинников, но он пишет о домашнем аресте как о мере процессуального принуждения, которая избирается по санкции суда. Суть, как он считает, состоит в воздействии посредством значительного ограничения личной свободы, но проживая при этом в своем доме, а также в запрещении совершения активных действий в виде общения с определенными лицами, получения и отправления почтовой корреспонденции, вести переговоры с использованием любых средств связи [104, с.6].

Н.В. Ткачева под домашним арестом понимает ограничение свободы (подозреваемого) обвиняемого в форме отгораживания его от окружающих с пребыванием в постоянном месте жительства [101, с.159].

Место жительства – это жилище, где проживает человек. К.Т. Балтабаев считает «жилищем» дом, квартиру, комнату, а также водный транспорт (каюта, судно), где имеются жизненные условия, а также другое специальное помещение [103, с.10]. Опять-таки мы сталкиваемся с сужением данного понятия.

Определение «жилище» дано в п. 60 ст. 5 УПК КР: «жилище - индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми

помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания». Значит, данную дефиницию можно использовать при применении меры пресечения в виде домашнего ареста.

Так, ст. 113 УПК КР, опять же не раскрывает понятия «ограничения» и «запреты», что приводит к различному роду толкования. В частности, ч. 1 этой статьи гласит: «Домашний арест заключается в ограничениях, связанных со свободой передвижения обвиняемого, которому запрещается общаться с определенными лицами, получать и отправлять корреспонденцию, покидать жилище круглосуточно или в определенное время суток, выезжать за пределы административной территории без разрешения суда, использовать информационно-телекоммуникационную связь». Получается, лицо ограничивается лишь передвижением, а остальное все относится к запретам.

Хотя, ч. 3 ст. 113 УПК КР гласит, что «В постановлении следственного судьи, судьи, определении суда о применении меры пресечения в виде домашнего ареста указываются условия исполнения этой меры пресечения (место, в котором будет находиться обвиняемый, срок домашнего ареста, запреты и (или) ограничения, установленные в отношении обвиняемого, и время их соблюдения), а также указывается орган или должностное лицо, на которое возлагается осуществление контроля за соблюдением установленных ограничений».

Однако среди ученых есть такие, которые отождествляют понятия «ограничение» и «запрет». Конечно, это ошибочное мнение.

В толковом словаре «ограничение» означает стеснение, возведение в определенные узкие рамки, пределы, границы, а также ставить какие-либо условия. «Запрет» по С.И. Ожегову означает не позволять что-нибудь сделать [100, с.380]. В.И. Даль «запрет» трактует, как не позволение что-нибудь делать, не допущение, воспрещение [106, с.621].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что «ограничение» по своему содержанию намного мягче, чем понятие «запрет». Поэтому, при домашнем аресте, под ограничением нужно понимать определенные условия, устанавливаемые следственным судьей лицу, которому оно применяется. К примеру, следственный судья поставил условие не оставлять постоянное или временное место жительства с 22 часов вечера до 6 часов утра. Здесь обвиняемый имеет возможность трудиться, пролечиться в медицинском учреждении, проводить ребенка в школу и т.д.

Таким образом, при подобном режиме у обвиняемого имеется возможность покидать свое жилище в дозволенное время суток. При этом у него есть временное пространство для посещения учебы, место работы, медицинское учреждение и т.д.

«Запрет» категоричное понятие, в котором четко указываются действия, которые нельзя совершать обвиняемому, к примеру, общение с определенными лицами; получение и отправление корреспонденции; использование любых средств коммуникации (ч. 1 ст. 113 УПК КР); посещение увеселительных заведений (ночные клубы, кафе, казино и т.д.); употребление алкоголя и т.п.

Перечень запретов, указанных в ч. 1 ст. 113 УПК КР можно считать исчерпывающим. Законодатель в ч. 1 ст. 113 УПК КР перечисляет, условно говоря, все запретные действия.

Возникает вопрос о запрещении следственным судьей выезда «за пределы административной территории». Это может быть село, поселок, город [107, с.42]. Как быть, если обвиняемый проживает в большом селе?

В теории уголовного процесса запреты, налагаемые при домашнем аресте, подразделяют на две формы:

1) жесткая форма - налагается при домашнем аресте с запретом покидать постоянное или временное место жительства (дом, квартиру, комнату гостиницы, общежития). Значит категорически нельзя посещать место работы, учебы и другие места, или же покидать жилье в установленное время, а также

запрещение общения с определенными лицами, получать и отправлять почтово-телеграфную корреспонденцию вести телефонные и иные переговоры.

2) мягкая форма домашнего ареста заключается в наложении запрета выходить за пределы населенного пункта, но допускается посещать место работы, учебы, рынок, больницы и др. не запрещенные судьей места.

Если следственным судьей допускается работать, то обвиняемый должен каждый раз ставить в известность о смене работы, во избежание потери контакта с контролирующими органами. Бывают случаи, когда изменение места работы сопровождается с переездом в другую местность (село, район, область), то об этом должны быть осведомлены следователь, прокурор или следственный судья.

Вполне понятно, что нормативные предписания уголовно-процессуального закона, регулирующие порядок избрания и применения меры пресечения в виде домашнего ареста, не могут охватить все жизненные обстоятельства.

Примечательно то, что законодатели Республики Беларусь и Азербайджанской Республики рассматривают ограничения и запреты более шире. К примеру, ч. 2 ст. 125 УПК Беларуси и ч. 3 ст. 163 УПК Азербайджана перечисляют следующие меры, касающиеся домашнего ареста:

1. использование дистанционных электронных средств контроля;
2. возложение обязанности отвечать на контрольные телефонные звонки или иные сигналы контроля, звонить по телефону или лично являться в определенное время в орган дознания или другой орган, осуществляющий надзор за поведением подозреваемого или обвиняемого;
3. установление наблюдения за подозреваемым или обвиняемым или его жилищем, а также охраной его жилища или отведенного ему в жилище помещения;
4. другими подобными мерами, обеспечивающими надлежащее поведение и изоляцию подозреваемого, обвиняемого от общества.

Так, ч.2 п. 8 ст. 39 УПК контроль за соблюдением условий и порядка избранной меры пресечения возложил на орган дознания. Однако орган дознания широкое понятие, законодатель не конкретизирует данное положение.

Данный вопрос поднимался и среди российских ученых. Так, по мнению Э.К. Кутуева надзор за лицами, находящимися под домашним арестом, нужно возложить на уголовно-исполнительные инспекции ФСИН Министерства юстиции РФ. Такое не представляется возможным в виду того, что домашнеарестованный еще не осужден [108, с.48].

И.Л. Трунов и Л.К. Трунова предлагает создать специальные службы в органах судебных приставов Министерства юстиции [102, с.158].

Более приемлемым органов осуществляющим наблюдение за домашнеарестованными являются органы внутренних дел, а точнее участковые инспектора совместно с оперативными сотрудниками. Н.В. Ткачев, полагает, что уполномоченные участковые в многом «близки» к населению, хорошо знакомы с местностью и гражданами, поэтому возложить контроль за надлежащим поведением домашнеарестованного на них будет гораздо эффективнее [101, с.159].

Такие авторы, как З.Д. Еникеева, В.В. Николюк, Ю.Г. Овчинникова, Б.Б. Булатова, [109, с.23; 110, с.32; 107, с.77] полагают, что при избрании и применении домашнего ареста и иных мер пресечения следователю для обеспечения надлежащего поведения обвиняемого нужно принимать дополнительные меры. Ю.Г. Овчинников предлагает письменно оповещать о применении домашнего ареста в жилищно-коммунальные хозяйства, кадровую службу предприятия, военкомат, паспортную службу, адресное бюро [104, с.19].

Тем не менее, для обеспечения мер пресечения следовало внедрить достижения научно-технического прогресса, а частности аппараты дистанционного контроля. [111, с.340].

В развитых зарубежных странах уже широко применяются электронные аппараты, посредством которых контролируемый орган отслеживает

передвижение подконтрольного субъекта. Примечательно, то что в ч.3 ст.113 УПК КР предусмотрено подобное положение: «В целях осуществления контроля могут использоваться аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля в установленном законом порядке». При наличии можно было бы применить, так называемые «Электронные браслеты».

Статья 113 УПК КР в ч. 2 «Домашний арест в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого, обвиняемого по постановлению следственного судьи, определению суда при наличии оснований и в порядке, которые установлены статьями 104 и 107 настоящего Кодекса.

3. В постановлении следственного судьи о применении меры пресечения в виде домашнего ареста указываются условия исполнения этой меры пресечения (место, в котором будет находиться обвиняемый, срок домашнего ареста, запреты и (или) ограничения, установленные в отношении подозреваемого, обвиняемого, и время их соблюдения), а также указываются орган или должностное лицо, на которые возлагается осуществление контроля за соблюдением установленных ограничений».

Значит, применить домашний арест в досудебном производстве может лишь следственный судья (ст. ст. 104 и 107 УПК КР). Следовательно, применение меры пресечения в виде домашнего ареста допустимо при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения.

Отдельные авторы рекомендуют применять меру пресечения в виде домашнего ареста в следующих случаях:

1. ко всем обвиняемым, кроме лиц совершивших особо-опасные преступления;
2. ко всем обвиняемым, имеющим постоянное место жительства (дом, жилье);
3. вполне понятно, что не рекомендуется применение домашнего ареста к работающим лицам [112, с.16].

Все вышеизложенные рекомендации навряд ли найдут свое применение на практике, так как могут возникнуть обстоятельства, при которых нужно будет

применить домашний арест и отношении лиц, совершивших особо-опасное преступление. К примеру, обвиняемый пожилого возраста и нуждается в постоянном уходе и т.д.

Применять домашний арест лишь к лицам, имеющим дом жилье, также можно признать беспочвенным. Как же быть, если преступление совершено иностранным гражданином, который долгое время живет в отеле, арендует домик за городом и т.д. Теперь о рекомендациях по работающему обвиняемому: мы также считаем необоснованным, так как с учетом материального положения семьи обвиняемого, следственный судья также может скорректировать время ограничения свободы передвижения, создав условия данному лицу для трудовой деятельности.

При применении меры пресечения в виде домашнего ареста, как и при других мерах процессуального обеспечения нужно исходить из тех обстоятельств на которые указывает законодатель в ч.1 ст. 107 УПК КР: «следственный судья, суд учитывает обоснованность обвинения, сведения о личности обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства». Так, И.Л. Трунов и Л.К. Трунова считают, что к каждому случаю надо подходить индивидуально, так как применение меры пресечения, требует учета специфики расследуемого уголовного дела и всех сопутствующих обстоятельств. Возможно тогда, мы сможем убедиться в законности, обоснованности и справедливости ограничения прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство [102, с.85].

Примечательно, то, что по УПК Азербайджана, Российской Федерации, вопросы применения меры пресечения в виде домашнего ареста решаются в судебном порядке, но есть еще на постсоветском пространстве страны, не решившиеся на передачу санкционирования домашнего ареста суду. В этом смысле можно сказать, что уголовное судопроизводство по многим позициям опережает страны СНГ. Так, соответствии с ч. 2 ст. 113 УПК КР, домашний

арест применяется только с санкции следственного судьи, то есть постановления.

В соответствии с ч.3 ст. 106 УПК КР «При применении меры пресечения в виде залога, **домашнего ареста** или заключения под стражу следователь с согласия прокурора возбуждает перед судом соответствующее ходатайство». Значит инициатива применения меры пресечения в отношении конкретного обвиняемого исходит от следователя. При этом промежуточным звеном в данной процедуре является прокурор, у которого следователь должен получить согласие. Процедура рассмотрения следственным судьей ходатайства и принятия решения о применении меры пресечения в виде домашнего ареста аналогична процедуре избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Глава 37 УПК КР содержит несколько статей, касающихся процессуального порядка судебного контроля в досудебном производстве. А в частности, ст. 266 УПК КР гласит, что «1. Меры пресечения применяются следственным судьей по ходатайству следователя в открытом судебном заседании с участием обвиняемого, следователя, прокурора, адвоката по месту проведения следствия либо по месту задержания обвиняемого в течение 5 часов с момента поступления ходатайства в суд. В судебном заседании обязан участвовать законный представитель обвиняемого ребенка.

2. Неявка без уважительных причин сторон, своевременно извещенных о времени судебного заседания, за исключением случаев неявки обвиняемого, не является препятствием для рассмотрения ходатайства. В случае неявки адвоката обвиняемый вправе заменить его другим.

3. Вынесение постановления о применении меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается только после принятия исчерпывающих мер по обеспечению его явки.

4. В начале судебного заседания следственный судья объявляет, какое ходатайство подлежит рассмотрению, разъясняет явившимся в судебное

заседание лицам их права и обязанности. Затем следователь обосновывает его, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица.

5. Рассмотрев ходатайство, следственный судья выносит одно из следующих постановлений:

1) о применении в отношении обвиняемого меры пресечения;

2) об отказе в удовлетворении ходатайства о применении заявленной меры пресечения и применении другой меры пресечения, не ухудшающей положение обвиняемого.

6. Копия постановления следственного судьи вручается следователю, прокурору, обвиняемому, адвокату и подлежит немедленному исполнению».

Интересно то, что на практике при нарушении обвиняемым поставленных судом условий, сразу же заключают под стражу. Какие условия были нарушены, должны отражаться в постановлении следственного судьи об изменении меры пресечения (ч.4 ст.113 УПК КР).

Отдельные российские ученые-процессуалисты считают, что при выявлении ненадлежащего поведения и нарушения режима домашнего ареста обвиняемым следует применить дополнительные меры уголовно-процессуального принуждения, а в частности наложение денежного взыскания, налагаемое судом [113, с. 241].

По мнению Ю.Г. Овчинникова, в предусмотренный Уголовным кодексом перечень отягчающих ответственность обстоятельств следует включить нарушение режима нахождения под домашним арестом (ч. 1 ст. 63 УК РФ) [105, с.20]. Мы считаем подобную позицию несостоятельной и нецелесообразной, так как нельзя смешивать уголовно-правовые с уголовно-процессуальными мерами. Ф.Н. Багаутдинов также предлагает налагать денежное взыскание за нарушение обвиняемым условий пребывания под домашним арестом [114, с.257].

Примечательно, то, что вопросы применения меры пресечения в виде домашнего ареста решаются с участием сторон, где создаются каждому условия для отстаивания своих позиций, при этом следственный судья в результате

должен также принять законное и обоснованное процессуальное решение – независимый, беспристрастный арбитр. Так, согласно ч. 3 ст.113 УПК КР «В постановлении следственного судьи, судьи, определении суда о применении меры пресечения в виде домашнего ареста указываются условия исполнения этой меры пресечения (место, в котором будет находиться обвиняемый, срок домашнего ареста, запреты и (или) ограничения, установленные в отношении обвиняемого, и время их соблюдения), а также указывается орган или должностное лицо, на которое возлагается осуществление контроля за соблюдением установленных ограничений». Такая же ответственность возлагается на суд при продлении сроков или изменении меры пресечения на домашний арест[104, с.43].

В силу ч.10 ст. 266 УПК КР «Постановление следственного судьи о применении меры пресечения, продлении срока применения меры пресечения или об отказе в удовлетворении ходатайства может быть обжаловано в апелляционном порядке в течение 5 суток со дня его вынесения. Обжалование в апелляционном порядке постановления следственного судьи не приостанавливает его исполнение.

11. Решение суда апелляционной инстанции, принятое по результатам рассмотрения жалобы, представления обжалованию не подлежит» (ч.11 ст. 266 УПК КР).

В соответствии с ч.7 ст.106 УПК КР «Постановление следственного судьи о применении меры пресечения в виде залога, домашнего ареста, заключения под стражу или об отказе в этом может быть обжаловано прокурором, обвиняемым и его адвокатом в вышестоящий суд в апелляционном порядке в течение 5 суток. Внесение представления или жалобы на постановление следственного судьи вплоть до их разрешения не приостанавливает действия постановления о применении меры пресечения и не влечет его отмены».

Вывод. Таким образом, очень важна индивидуализация меры пресечения, так как при избрании обвиняемому заключения под стражу, домашнего ареста и других мер пресечения, должен быть персональный подход к каждому случаю.

Запреты и ограничения должны налагаться к каждому индивидуально принимая во внимание обстоятельства, подлежащие учету в соответствии со ст.107 УПК КР.

По непонятным нам причинам санкционирование следственными судьями мер пресечения сокращается. Известно, что изначально все меры пресечения в редакции УПК КР 2017 г. санкционирование всех мер пресечения находились в ведении следственного судьи. Позднее в редакции УПК КР 2021 г. за следственными судьями остались лишь санкционирование залога, домашнего, экстрадиционного арестов и заключение под стражу. Данную тенденцию мы считаем опасной, так как любая из мер пресечения ограничивает конституционные права и свободы граждан. В этом смысле наиболее приемлемым считаем вернуть прежние правила санкционирования мер пресечения.

Анкетирование, проведенное нами, показало, что следственным судьям приходится чаще всего санкционировать именно самую строгую меру пресечения – заключение под стражу (72,7 %), 21,2 5 – приходится на санкционирование домашнего ареста и малый процент остается за залогом.

3.2. Судебный контроль за законностью и обоснованностью применения иных мер обеспечения уголовного судопроизводства

Как известно, право на труд относится к незыблемым конституционным прав человека и находится под гарантией и защитой Основного закона страны. В соответствии с ч.3 ст. 42 Конституции Кыргызской Республики «Каждый имеет право на свободу труда, распоряжаться своими способностями к труду, на выбор профессии и рода занятий, охрану и условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, а также право на получение оплаты труда не ниже установленного законом прожиточного минимума».

Однако, ограничение в реализации права на труд допускается и лишь в установленном законом порядке.

Из истории нам известно, что еще в прошлом УПК Киргизской Республики 1960 года в ст. 141 отмечалось, что «при привлечении должностного лица в качестве обвиняемого, следователь обязан был разрешить вопрос, подлежит ли обвиняемый за время следствия отстранению от должности. В случае необходимости отстранить обвиняемого от должности, следователь выносит мотивированное постановление, подлежащее санкционированию прокурором или его заместителем. Постановление направляется для исполнения по месту работы обвиняемого» [115, ст.146] Интересно то, что отстранение от должности в УПК Киргизской ССР относилось к главе 10 «Предъявление обвинения и допрос обвиняемого».

В теории уголовного процесса имеются такие основания отстранения обвиняемого от должности, как находясь при исполнении служебных обязанностей возможно обвиняемый продолжит преступную деятельность; будет воспрепятствовать объективному расследованию уголовного дела путем оказывания воздействия на подчиненных работников, сотрудников [56, с.75; 116, с.270; 117, с.160, 118, с.263].

Р.Х. Якупов считает, что отстранение обвиняемого от должности имеет много общего с мерами пресечения, хотя оно является самостоятельной разновидностью мер процессуального принуждения, так как оно связано с ограничением конституционного права на труд, а не ограничение свободы и личной неприкосновенности которое характерно мерам пресечения. [119, с.233].

Есть отдельные авторы, которые стараются отстранение от должности примкнуть к мерам пресечения, и предлагают выделить в УПК в виде самостоятельной главы [120, с.105]. По мнению иных авторов, отстранение от должности нужно отнести к иным мер процессуального принуждения, также и как задержание, подписка о явке, привод, наложение ареста на имущество [121, с.68].

Временное отстранение от должности долгие годы являлся предметом обсуждения на страницах юридической печати. Хотя подавляющее большинство считали временное отстранение от должности разновидностью иных мер уголовно-процессуального принуждения, а в нашем случае одним из видов иных мер обеспечения уголовного судопроизводства [109, с.81].

В УПК Кыргызской Республики 1999 временное отстранение от должности относит к иным мерам процессуального принуждения. Так, согласно ч.ч. 1, 2 ст. 118 УПК КР «(1) Прокурор, следователь с согласия прокурора, суд вправе временно отстранить от должности обвиняемого, подсудимого, если есть достаточные основания полагать, что они будут препятствовать объективному ведению следствия и разбирательству дела в суде, возмещению причиненного ущерба или продолжать заниматься преступной деятельностью, связанной с пребыванием на этой должности.

(2) Постановление о временном отстранении обвиняемого, подсудимого от должности направляется по месту их работы руководителю организации, который в трехдневный срок после получения обязан исполнить и уведомить об этом лицо или орган». А ч.3 гласит, что «Временное отстранение от должности отменяется следователем с согласия прокурора, судом, когда отпадает в этом необходимость». Спустя некоторое время Законом КР от 14.07.08 г. № 142 в ч. 3 статьи 118 были внесены изменения следующего порядка: «(3) Временное отстранение обвиняемого, подсудимого от должности отменяется **на основании судебного решения**, постановления следователя, прокурора, когда в применении этой меры отпадает необходимость». Если речь идет о решении данного вопроса судом, то уже присутствие неких элементов судебного контроля. Наиболее четкую регламентацию временного отстранения от должности можно увидеть в УПК КР в редакции от 1 января 2019 г. которую признали разновидностью «иных мер обеспечения уголовного судопроизводства» (глава 14 УПК КР). Следует отметить, что в данной редакции УПК КР судебный контроль возложен на следственного судью. Так согласно ч.1 ст. 122 в редакции УПК КР от 2017 г., «В досудебном

производстве следственный судья, а в судебном производстве - суд, по ходатайству уполномоченного должностного лица органа дознания, следователя, прокурора или потерпевшего после проведения судебного заседания вправе временно отстранить от должности подозреваемого, обвиняемого при наличии достаточных оснований полагать, что, оставаясь на должности, он будет препятствовать объективному расследованию и разбирательству дела в суде или продолжать заниматься преступной деятельностью». Спустя 2 года были внесены изменения и дополнения в настоящее УПК КР, где временное отстранение от должности регламентируется ст. 120 УПК КР. Из данной статьи исключено уполномоченное должностное лицо органа дознания, а содержание сохранено прежнее. Более того, решение вопроса об отстранении от должности регламентируется Разделом 8 «Судебный контроль».

Тем не менее, отдельные вопросы остаются открытыми, как в нашем, так и в законодательстве, к примеру, России. Так, применительно к российскому законодательству на недостаточную регламентацию в уголовно-процессуальном законодательстве оснований данной меры процессуального обеспечения указал Ф.Н. Багаутдинов. С позиции данного автора в уголовно-процессуальном законе необходимо предусмотреть следующие основания отстранения обвиняемого от должности: если обвиняемый совершил преступление на месте работы или оно имеет отношение к деятельности предприятия, учреждения или организации; если в уголовном деле привлечены также другие работники, сотрудники в качестве обвиняемого, подозреваемого, а также свидетеля и они находятся в служебном подчинении; если есть опасения для воспрепятствования производству по уголовному делу путем использования служебного положения [122, с.194].

К примеру, российский ученый Ф.Н. Багаутдинов считает правильным распространение временного отстранения от должности к лицам, совершившим должностное преступление, так как оно ограничивает закрепленное в ст.37

Конституции РФ право на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию [123, с.465].

Тем не менее, как пишут отдельные авторы, подобная позиция сужает спектр применения, а значит, временное отстранение от должности должен иметь отношение ко всем подозреваемым или обвиняемым без учета совершения какого-либо преступления [124, с.377].

Так, И.Л. Петрухин давая характеристику судебной власти, - пишет, что -ее предназначением является разрешение не всевозможных социальных конфликтов, а только тех конкретных, социальных, юридических конфликтов, которые указаны в законе [62, с.81; 125, с.16].

В действительности временное отстранение обвиняемого от должности, как один из иных мер процессуального обеспечения применяемая в досудебном производстве в порядке судебного контроля разрешает социальный конфликт, лишь в рамках процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. В УПК КР нет нормативных предписаний, указывающих на суть, критерии необходимости применения временного отстранения обвиняемого от должности (ч.1 ст.120 УПК КР). Конечно, в этом контексте нельзя упускать из виду положения УК КР, где в приложении №1 имеется определение понятия «должностное лицо». Соответственно, следственный судья, реализуя полномочия по осуществлению судебного контроля, и принимая процессуальное решение об отстранении обвиняемого от должности, обязан руководствоваться нормативными предписаниями уголовного законодательства.

Тем не менее, в данном вопросе противоречие между нормами материального и процессуального права налицо. По нормативным предписаниям УПК КР следователь, прокурор или потерпевший могут обращаться с ходатайством следственному судье о временном отстранении от должности обвиняемого, независимо от ведомственной принадлежности должностного лица.

Так, согласно п.13 Приложения №1 УК КР, «Должностные лица - лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные, контрольно-ревизионные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах Кыргызской Республики и иных воинских формированиях.

Организационно-распорядительные функции заключаются в осуществлении полномочий по управлению лицами, подчиненными по службе.

Административно-хозяйственные функции заключаются в осуществлении полномочий по управлению и распоряжению имуществом и денежными средствами.

Контрольно-ревизионные функции заключаются в осуществлении полномочий по проведению проверок, ревизий физических или юридических лиц».

Следовало бы принять во внимание и руководителей коммерческих и иных организаций, которых также нужно отстранять от занимаемой должности [126, с.34], и включить в Приложение №1 УК КР. Временное отстранение обвиняемого от должности должно повлечь по следующим основаниям: 1) Если на обвиняемого возложены управленческие функции; 2) Если преступление совершено с использованием должностного положения; 3) Если оставление на должности обвиняемого окажет влияние на ход объективного расследования уголовного дела; 4) Обвиняемый находясь на должности продолжит свою преступную деятельность.

Временное отстранение от должности производится следственным судьей после предъявления, а значит, оно имеет отношение к обвиняемому занимающего определенную должность послужившего условием для совершения преступления. Отстранение от должности можно назвать дисквалификацией, так как имеется полное основание для временного

недопущения данного лица к исполнению служебных обязанностей в связи с предъявлением обвинения [127, с.195; 128, с.218].

Согласно ст. 267 УПК КР «1. Временное отстранение от должности подлежит рассмотрению следственным судьей по ходатайству прокурора, следователя в судебном заседании с участием обвиняемого, прокурора, следователя и адвоката.

2. Неявка сторон, своевременно извещенных о времени и месте судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения ходатайства.

3. По результатам рассмотрения ходатайства о временном отстранении от должности обвиняемого следственный судья выносит постановление об удовлетворении ходатайства либо об отказе.

4. Постановление следственного судьи о временном отстранении обвиняемого от должности направляется по месту его работы руководителю организации, который в 3-дневный срок после получения постановления обязан исполнить и уведомить об этом следственного судью и следователя». Значит, для временного отстранения от должности обвиняемого законом требуется проведение судебного заседания с участием сторон.

Механизм осуществления данного вида судебного контроля согласовывается с принципами уголовного судопроизводства и направлено именно на обеспечение защиты прав граждан при производстве по уголовным делам. При отстранении от должности обвиняемого, как бы мы не желали приходиться следственному судье вторгаться в область доказывания. Можно согласиться с В.А. Азаровым который считает необходимым внедрить механизмы оценки доказательств содержащихся в материалах дела досудебного производства, так как в мировом масштабе повышаются стандарты доказывания. В зарубежных странах отстранение от должности используется при возникновении различного рода социальных конфликтов. В.А. Азаровым приводится несколько примеров. Так, за оскорбление журналиста лондонской газеты последовало отстранение от должности на четыре недели мэра г. Лондон, но с оплатой труда [129, с.5]. А в Северной Америке отстранили от

учебы 12-летнего школьника, который приклеил свою жевательную резинку на очень дорогую картину в музее Детройта [130].

Таким образом, временное отстранение обвиняемого от должности по судебному решению должен осуществляться по следующему алгоритму:

1. Ходатайство следователя об отстранении от должности должен последовать только после предъявления лицу обвинения;

2. Об этом сообщается всем заинтересованным лицам, в обязательном порядке обвиняемому, его адвокату, для реализации конституционного права обеспечения доступа к правосудию;

3. Судебное заседание по временному отстранению от должности должно проводиться гласно и с участием сторон;

4. Постановление следственного судьи об отстранении обвиняемого от должности должно быть направлено по месту работы лишь по вступлении данного акта в законную силу;

5. Если следственный судья отказал в удовлетворении ходатайства об отстранении от должности, то следователь должен принести свои извинения обвиняемому;

6. Следственный судья как арбитр в досудебном производстве должен равнозначно относиться к ходатайствам, представленным сторонами, а в частности и к ходатайству потерпевшего об отстранении обвиняемого от должности.

Что касается судебной практики, то следственным судьей разрешено временное отстранение от должности с удовлетворением: 2019 г. - 80; 2020 г. – 54; 2021 г. – 167; 2022 – 492, первое полугодие 2023 г. – 87. Итак, за 5 летний период следственными судьями санкционировано – 503 временных отстранений от должности (См.: Прил. №2). Значит, с вступлением в действие новых редакций УПК КР судебная статистика по временному отстранению от должности показывает в сторону их увеличения.

Следующая иная мера процессуального обеспечения, подпадающая под судебный контроль – это наложение ареста на имущество. Наложение ареста на

имущество и ценные бумаги законодатель относит к иным мерам процессуального обеспечения, которое применяется к обвиняемому, а также к лицам, несущим по закону материальную ответственность за их действия. Статья 15 Конституции Кыргызской Республики гласит:

«1. В Кыргызской Республике в равной степени признаются и защищаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

2. Собственность неприкосновенна. Никто не может быть произвольно лишен своего имущества. Право наследования гарантируется.

Изъятие имущества помимо воли собственника допускается только по решению суда в установленном законом порядке».

Статья 15 УПК КР указывает на то, что «Изъятие принадлежащего собственнику имущества возможно при условии, если оно является вещественным доказательством по делу, а также в случаях и порядке, предусмотренных настоящим Кодексом».

Значит, наложение ареста на имущество как иная мера процессуального обеспечения применяется лишь с санкции следственного судьи, так как оно затрагивает конституционные права и гарантии. Целью применения данной иной меры обеспечения является обеспечение возмещения имущественного ущерба нанесенного деянием обвиняемого, исполнения приговора, иных имущественных взысканий, а также конфискации имущества, если оно добыто преступным путем. Следует подчеркнуть о взаимной связи разных отраслей права.

В данном случае, действия компетентных государственных органов, направленных на ограничение конституционной гарантии на неприкосновенность собственности граждан, признается правомерным, так как оно осуществляется в связи с совершением лица преступления [131, с.35].

Так, в ч.1 ст. 121 УПК КР говорится, что «1. В целях обеспечения исполнения приговора в части возмещения материального ущерба и (или) морального вреда, других имущественных взысканий или возможной

конфискации имущества следователь, прокурор принимают меры по наложению ареста на имущество».

Тем не менее, наложение ареста на имущество, финансовые средства как мера обеспечения должна применяться в исключительных случаях и требуется строгое соблюдение предписаний об обоснованности и законности таковых мер [132, с.279].

По мнению З.З. Зинатуллина наложение ареста на имущество является процессуальным действием, суть которого состоит в составлении описи имущества и наложении запрета на пользование владеющим лицом. Он же подчеркнул, что оно не является следственным действием [133, с.63]. Так, согласно ч.7 ст.121 УПК КР, «Наложение ареста на имущество состоит в запрете, адресованном собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение».

Следует напомнить, что судебный контроль состоит из целой системы совершаемых действий (процедур) и принимаемых следственным судьей решений в рамках досудебных стадий уголовного судопроизводства. Если следственный судья рассматривает вопросы санкционирования до проведения следственных и иных процессуальных действий, то оно именуется предшествующим судебным контролем, а в случае проверки обоснованности и законности производства вышеупомянутых действий, то судебный контроль будет называться последующим. Вместе с тем, в случаях признания действия и решения незаконными и необоснованными и их отмены, то такой судебный контроль можно правовосстановительным) [134, с.42]

Значит, разрешение следственным судьей ходатайства следователя о наложении ареста имущество и принятие соответствующего процессуального решения будет признано осуществлением предшествующего судебного контроля. Хотя на практике также имеются случаи обращения следователя к следственному судье, после наложения ареста на имущество, а решение

следственного судьи по данному вопросу будет признано принятым в порядке последующего судебного контроля.

По мнению В. А. Азарова наиболее принципиальным вопросом в уголовном процессе является неотложная опись и неотложное наложение ареста на имущество лиц, так как здесь затрагиваются проблемы обеспечения возмещения имущественного ущерба потерпевшим. Поэтому, в уголовно-процессуальном законодательстве должны присутствовать нормы, дающие возможность следователю, в случаях не терпящих отлагательств, наложения ареста на имущество обвиняемого без судебного решения [134, с.125].

Следует отметить, что ч.11 ст. 121 УПК КР предусматривает примерно такое же положение: «В случаях, когда имеются основания полагать, что имущество, подлежащее аресту, может быть сокрыто или утрачено, лицо, осуществляющее досудебное производство, вправе вынести постановление о приостановлении совершения сделок и иных операций с имуществом либо оно может быть изъято до получения решения следственного судьи с обязательным получением такого решения у следственного судьи в течение 24 часов». В данном случае речь идет о не терпящем отлагательства наложении ареста на имущество.

Тем не менее, в отдельных случаях орган следствия может столкнуться с проблемами связанных с гражданским законодательством, к примеру с начала нужно решить вопрос выделения доли обвиняемого из общей имущественной массы супругов. И только после этого, следователь может обратиться к следственному судье с ходатайством о наложении ареста на имущество обвиняемого.

Иначе наложив арест на общее имущество супругов, можно столкнуться с грубейшим нарушением конституционных прав, гарантированных неприкосновенностью собственности граждан. Поэтому, данный механизм должен быть отражен в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. В этих случаях придется следователю приостановить производство по уголовному делу.

Следует отметить, что именно в уголовном судопроизводстве граждане очень остро опущают правоограничительные меры, а в частности связанные с свободой пользования и распоряжения своим имуществом [135, с.4].

Между тем, государство обязуется обеспечить возмещение потерпевшему причиненный преступлением ущерб. В силу предписаний уголовно-процессуального законодательства «Суд, прокурор, следователь обязаны обеспечить потерпевшим от преступления доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда в случаях и порядке, установленных законом» (ст.10 УПК КР). Кроме этого, согласно п.20 ч.4 ст. 40 УПК КР потерпевший имеет право: «получать за счет государства компенсацию ущерба, причиненного преступлением, в установленных законом случаях. Более того, одним из главных задач уголовного судопроизводства является «обеспечение возмещения материального ущерба и морального вреда» (ч.7 ст. 6 УПК КР).

Задачей уголовного судопроизводства является также защита личности, общества и государства от преступлений, а значит, правоприменительные органы должны принимать меры по выявлению и наложению ареста имущества обвиняемого.

Итак, данные судебной статистики Республики по санкционированию наложения ареста на имущество показывают следующее: в 2019 г. – 761; в 2020 г. – 856; 2021 г. – 838; 2022г. - 1048, первое полугодие 2023 г. – 649 [136]. Рекордное количество санкций на арест имущества было выдано в 2022 г., что составило – 1048 (См.: прил. №2.).

Согласно ч.1 ст. 121 УПК КР «В целях обеспечения исполнения приговора в части возмещения материального ущерба и (или) морального вреда, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества лицо, осуществляющее досудебное производство, обязано принять меры по наложению ареста на имущество».

Для осуществления норм указанных в ч. 1 ст. 121 УПК КР в части наложения ареста на имущество для исполнения приговора, где речь идет об имущественных взысканиях, органу следствия нужно выяснить сведения и

установить объем расходов при производстве по уголовному делу, которые впоследствии подлежат взысканию с осужденного.

А.А. Чувилев считает основанием наложения ареста на имущество завладение, приобретение, покупка имущества, заведомо добытого преступным путем, а также приобретение имущества на похищенные денежные средства [137, с.45].

По мнению Ф.Н. Багаутдинова, гражданский иск по уголовному делу должен подавать прокурор, синхронно требуя его обеспечения посредством описи и наложения ареста на имущество обвиняемого [126, с.107].

Следует напомнить, что ч.1 ст. 86 УПК КР гласит: «Вещественными доказательствами признаются предметы, если есть основания полагать, что они служили орудиями преступления и (или) проступка или сохранили на себе следы преступления, или были объектами противоправных действий, а также деньги, предметы, документы и другие ценности, которые могут служить средством для обнаружения преступления и (или) проступка, установления фактических обстоятельств дела, выявления виновных либо опровержения обвинения или смягчения ответственности».

Однако, Ф.Н. Багаутдинов выступил против судебного санкционирования наложения ареста на имущество, мотивируя тем, что оно лишает якобы процессуальной самостоятельности следователя. Он же указал на редкие случаи на практике, наложения ареста на имущество обвиняемого. По его утверждению следователь должен быть самостоятелен не только в предъявлении обвинения, но в наложении ареста на имущество обвиняемого [126, с.109]. Позиция данного автора подверглась критике со стороны Б.Б. Булатова и В.В. Николука, которые полагают, что судебный порядок наложения ареста на имущество, отвечает требованиям конституционных положений о гарантиях неприкосновенности собственности и защиты имущества собственника [56, с.112].

Мы также не согласны с авторами, одобряющими наложение ареста на имущество обвиняемого без судебного санкционирования. Хотя, такое в

порядке исключения возможно в силу ч.11 ст. 121 УПК КР: «В случаях, когда имеются основания полагать, что имущество, подлежащее аресту, может быть сокрыто или утрачено, следователь, прокурор вправе вынести постановление о приостановлении совершения сделок и иных операций с имуществом либо оно может быть изъято до получения решения следственного судьи с обязательным получением такого решения у следственного судьи в течение 24 часов».

Так, ч.3 ст.121 УПК КР гласит, что «При наложении ареста на имущество лицо, в производстве которого находится уголовное дело, с согласия прокурора выносит постановление о возбуждении перед следственным судьей ходатайства о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого, лица, ответственного за возмещение материального ущерба и (или) морального вреда. К постановлению прилагаются заверенные копии материалов дела, подтверждающие обоснованность ходатайства».

О содержании данного ходатайства в ч.5 этой же статьи УПК КР говорится следующее: «Ходатайство должно содержать краткую фабулу преступления, квалификацию, данные о подозреваемом, обвиняемом или лице, несущем ответственность за вред, причиненный преступлением, характер и размер материального ущерба и (или) морального вреда, причиненного преступлением, стоимость имущества, на которое предлагается наложить арест, его месте нахождения и выводы о необходимости наложения ареста на имущество». В данном случае законодатель упустил момент вывода о необходимости наложения ареста на имущество с учетом соразмерности причиненного ущерба.

В свою очередь «Постановление лица, осуществляющего досудебное производство, о возбуждении ходатайства о наложении ареста на имущество и материалы к нему должны быть предоставлены следственному судье не позднее 48 часов с момента установления имущества, подлежащего аресту (ч.6 ст. 121 УПК КР).

Статья 268 УПК КР регламентирует следующий порядок рассмотрения ходатайства о наложении ареста на имущество:

«1. При решении вопроса о поддержании ходатайства о наложении ареста на имущество следственный судья обязан ознакомиться со всеми материалами, содержащими основания для наложения ареста на имущество.

2. Постановление лица, осуществляющего расследование, о возбуждении ходатайства о наложении ареста на имущество подлежит рассмотрению следственным судьей в судебном заседании с участием прокурора по месту проведения досудебного производства в течение 24 часов с момента поступления материалов в суд. В судебном заседании вправе участвовать подозреваемый, обвиняемый, адвокат, а также лицо, на имущество которого налагается арест, и специалист, определяющий стоимость имущества. Неявка участников процесса в случае своевременного их извещения судом о месте и времени судебного заседания не препятствует проведению судебного заседания. В ходе судебного заседания ведется протокол.

3. Рассмотрев ходатайство о наложении ареста на имущество, следственный судья выносит постановление об удовлетворении либо отказе в наложении ареста на имущество.

4. В постановлении о наложении ареста на имущество должны быть указаны имущество, подлежащее аресту, а также стоимость имущества, на которое достаточно наложить арест в обеспечение возмещения материального ущерба и (или) морального вреда, сведения о месте хранения имущества до принятия окончательного решения по делу.

5. Постановление следственного судьи об удовлетворении или отказе в удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущество может быть обжаловано прокурором либо обвиняемым, адвокатом, потерпевшим, его представителем, а также иными лицами в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы, в апелляционном порядке в течение 5 суток.

6. Постановление следственного судьи о наложении ареста на имущество направляется лицу, осуществляющему расследование, обвиняемому, а также

прокурору, потерпевшему, лицу, ответственному за возмещение материального ущерба и (или) морального вреда.

7. Имущество, на которое наложен арест, может быть изъято либо передано по усмотрению следственного судьи на хранение представителю местной администрации, жилищно-эксплуатационной организации, владельцу этого имущества либо иному лицу, которые должны быть предупреждены об ответственности за сохранность имущества, о чем отбирается подписка».

Поскольку, наложение ареста на имущество заключается в запрете, адресованном собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, то при этом имущество может быть изъято и передано на ответственное хранение.

В действующий УПК КР не предписывает запреты на обращение взыскания арестованного имущества. При наложении ареста на имущество может участвовать специалист в порядке, предусмотренном ч.8 ст. 121 УПК КР. Также в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует норма предписывающее уведомлять каждый раз собственников, владельцев имущества на которую налагается арест. Мы считаем данное предложение конструктивным, так как речь идет о конституционных гарантиях неприкосновенности собственности, имущества, а также можно предупредить злоупотребление со стороны органов налагающих арест на имущество.

Согласно ч. 10 ст.121 УПК КР «При наложении ареста на принадлежащие подозреваемому, обвиняемому денежные средства и иные ценности, находящиеся на счете, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях, операции по данному счету прекращаются полностью или частично в пределах денежных средств и иных ценностей, на которые наложен арест. Руководители банков и иных кредитных организаций обязаны предоставить информацию об этих денежных средствах и иных ценностях на основании постановления следственного судьи, судьи, определения суда, в том числе в форме электронного подписанного документа».

«При наложении ареста на имущество, в том числе на движимое и недвижимое имущество, составляется протокол в соответствии с требованиями статьи 170 настоящего Кодекса. Копия протокола вручается лицу, на имущество которого наложен арест.

При отсутствии имущества, подлежащего аресту, об этом указывается в протоколе». (ч.12 ст.121 УПК КР).

В первоначальной редакции ч.13 ст. 121 УПК КР наложение ареста на имущество отменялось на основании постановления, определения лица или органа, в производстве которого находилось уголовное дело, когда в применении этой меры отпадала необходимость, но решением Конституционного Суда Кыргызской Республики от 15 июня 2022 года по делу о проверке конституционности части 13 статьи 121 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в связи с обращением Омуркул уулу Улана, Турганбаева Мурата Жумабаевича часть 13 статьи 121 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики признано противоречащей части 5 статьи 23, части 1 статьи 61, части 4 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики [138]. Мы считаем данное решение Конституционного Суда Кыргызской Республики вполне обоснованным, действительно только следственный судья или суд могут отменить подобное решение. Кроме того, следственный судья в данном случае должен указать конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых суд принял такое решение.

Следующая проблема заключается в четком определении место нахождения арестованного имущества. К примеру, ч.3 ст.55 Закона КР «О статусе судебных исполнителей и об исполнительном производстве» гласит: «Арест имущества должника включает запрет распоряжаться имуществом, а при необходимости - ограничение права пользования имуществом или изъятие имущества. Вид, объем и срок ограничения права пользования имуществом определяются судебным исполнителем в каждом случае с учетом свойств имущества, его значимости для собственника или владельца, характера использования и других

факторов». Среди ученых нет единого мнения о целесообразности существования такого института уголовного законодательства, как конфискация имущества. Группа авторов считают беспочвенной отказ от наказания в виде конфискации имущества [139, с.66]. другая группа ученых считают необходимым введения «универсальной» формы конфискации имущества, то есть конфискацию всех видов имущества принадлежащие осужденному [140].

В теории уголовного процесса не раз поднимались вопросы важности конфискации доходов, приобретенных преступным способом. Оно считается одним из действенных механизмов борьбы с отмыванием финансов добытых преступным путем [141, с.325].

В последние годы при наложении ареста на имущество не соблюдается пропорциональность между реальным нанесенным обвиняемым имущественным ущербом и объемом арестованного имущества. К примеру, ущерб составляет 300 тыс. сомов, но арест налагается на трехкомнатную квартиру. Иной раз доходим до абсурда. Так, при реабилитации гражданин У. указал на то, что в ходе расследования следователем был наложен арест на конную телегу, которым его семья перевозила сено для корма скота. Таких абсурдных арестов можно нередко встретить в материалах уголовного дела [142].

Выводы. Совершенствование современного уголовно-процессуального законодательства при наложении ареста на имущество может быть осуществлено, на наш взгляд, по следующим направлениям:

1. С целью обеспечения защиты прав личности при применении иных мер обеспечения в ч. 5 ст. 123 УПК КР необходимо изложить в следующей редакции: «Ходатайство должно содержать краткую фабулу преступления, квалификацию, данные о подозреваемом, обвиняемом или лице, несущем ответственность за вред, причиненный преступлением, характер и размер материального ущерба и (или) морального вреда, причиненного преступлением, перечень и стоимость имущества, на которое предлагается

наложить арест, его месте нахождения и выводы о необходимости наложения ареста на имущество с учетом соразмерности причиненного ущерба.

2. Ч. 9 ст.123 УПК КР изложить в следующей редакции: «10. При наложении ареста на принадлежащие подозреваемому, обвиняемому денежные средства и иные ценности, находящиеся на счете, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях, операции по данному счету прекращаются полностью или частично в пределах денежных средств и иных ценностей, на которые наложен арест. Руководители банков и иных кредитных организаций обязаны предоставить информацию об этих денежных средствах и иных ценностях на основании постановления следственного судьи, судьи, определения суда, в том числе в форме электронного подписанного документа. Запрещается обращение взыскания имущество на которое в установленном законом порядке наложен арест».

3. Дополнить ч. 18 ст. 123 УПК КР изложить в следующей редакции: «О произведенном аресте имущества судебный исполнитель составляет опись, копия которой вручается лицу, на имущество которого наложен арест, о чем делается соответствующая отметка, а опись направляется судье, принявшему решение о наложении ареста на имущество».

3.3. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий

Согласно ст. 29 Конституции Кыргызской Республики:

«1. Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, на защиту чести и достоинства.

Человеческое достоинство в Кыргызской Республике абсолютно и неприкосновенно».

Так, ч. 3 гласит: «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных, электронных и иных сообщений.

Ограничение этих прав допускается только в соответствии с законом и на основании судебного решения».

В соответствии со ст. 30 Конституции Кыргызской Республики:

«1. Каждый имеет право на неприкосновенность жилища и иных объектов, находящихся у него в собственности или ином праве. Никто не может проникать в жилище и иные объекты против воли человека, в пользовании которого они находятся.

2. Производство обыска, выемки, осмотра и осуществление иных действий, а также проникновение представителей власти в жилище и иные объекты, находящиеся в собственности или ином праве, допускаются лишь на основании судебного решения».

В действующем Уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики обосновалось еще одно такое специфическое направление судебного контроля, как санкционирование и проверка законности и обоснованности проведения следственных, специальных следственных действий. На практике осуществление подобной судебно-контрольной деятельности представляет в досудебном производстве связано с различного рода трудностями. Как правило, в начальных стадиях производства по уголовному делу органы следствия сталкиваются с неясностью картины происшедшего, недостаточностью доказательственной базы, дефицитом времени и конечно же в большинстве случаев, обстоятельства диктуют принятия быстрых и оперативных процессуальных решений. В этом смысле, конечно же, среди практических работников мнения о целесообразности введения судебного санкционирования мнения расходятся. Одни считают более эффективным санкционирование вышеуказанных следственных действий прокурором, другие же полагают правильным и обоснованным передачи данных полномочий следственным судьям. Тем не менее, законодатель, закрепив санкционирование следственных, специальных следственных действий за следственными судьями сделал еще один шаг к реализации состязательных начал в досудебном производстве. Санкционируя

следственные, специальные следственные действия следственный судья должен обратить свое внимание на основания проведения следственных действий, так как оно является одним из способов доказывания. Какое следственное действие будет проводить следователь, зависит от сложившейся следственной ситуации, а также от специфики расследуемого уголовного дела и т.д. При расследовании уголовного дела, а в частности в выборе вида следственного действия следователь достаточно самостоятелен. Однако, если следственное, специальное следственных действие связано с ограничением конституционных прав и свобод граждан, то в этом случае требуется прохождения процедуры судебного контроля.

Функция судебного контроля в досудебных стадиях реализуется санкционированием следственных, специальных следственных действий, которые в свою очередь ограничивают конституционные права граждан являющимися участниками производства по уголовному делу. К примеру, такое следственное действие, как обыск сопряжен с ограничением права собственности, с гарантией неприкосновенности жилища, тайны личной жизни и пр. Поэтому, очень важно иметь не только полноту правовой базы, но и раскрыть механизм осуществления судебного контроля во всех его направлениях. Ведь целью любого следственного, специального следственного действия является собирание доказательств. Санкционирование производства следственных, специальных следственных действий следственным судьей придает им свойство законности, легитимности и конечно свойство обязательности исполнения заинтересованными сторонами. Следственный судья, выдавая санкцию на проведение того или иного следственного или специального следственного действия также несет солидарную ответственность со следователем и прокурором, перед законом и государством.

Нормативно-правовые предписания уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие процедуру судебного-контрольной деятельности, следственного судьи в этом направлении не содержат конкретных требований, указывающих на обоснование судебного решения. Как

мы уже отмечали ранее, контрольная деятельность следственного судьи в досудебном производстве осуществляется только после обращения участников процесса, представляющих сторону обвинения, или сторону защиты. Значит, следственный судья реализует функцию судебного контроля после обращения следователя за санкционированием следственного, специального следственного действия.

Так, ст. 32 УПК КР содержит следующий перечень полномочий следственного судьи, направленных на реализацию функции судебного контроля в ходе досудебного производства в виде принимаемых решений:

- о производстве эксгумации при отсутствии согласия близких родственников, супруга (супруги) покойного;

- о проведении осмотра жилища, а также иных объектов, находящихся в собственности или ином праве проживающих в нем лиц, при отсутствии их согласия;

- о производстве выемки и (или) обыска;

- о проведении специальных следственных действий, предусмотренных настоящим Кодексом, за исключением специальных следственных действий, указанных в статьях 237–239 настоящего Кодекса (п.п. 8,9,10,11 ч.1 ст. 32 УПК КР).

Анкетный опрос следственных судей показал, что больше всего - 54,5 % выдаются санкции на выемку, а затем – 42,4 % санкционируются обыски и малые проценты остаются за осмотром жилища и эксгумацией (См.: Прил №1.).

Вместе с тем, в данной процедуре также задействован прокурор, у которого следователь должен получить письменное согласие на ходатайство для проведения следственного, специального следственного действия (ч.2 ст. 219 УПК КР). Прокурор в данном случае должен проверить обоснованность заявляемого следователем ходатайства.

Тем не менее, законодатель не раскрывает должным образом содержание ходатайства о проведении следственных действий ограничивающих конституционные права лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу.

На практике, следователи применяют ст. 221 УПК КР, где раскрывается содержание ходатайства на проведение специального следственного действия. Так, согласно ч. 3 ст. 221 УПК КР, «Ходатайство должно содержать:

- 1) место и время составления ходатайства;
- 2) должность, фамилию и инициалы следователя, внесшего на рассмотрение следственного судьи ходатайство;
- 3) краткое описание факты преступления, в связи с расследованием которого подается ходатайство;
- 4) уголовно-правовую квалификацию преступления с указанием статьи (части статьи) Уголовного кодекса;
- 5) обоснование необходимости производства специального следственного действия и невозможности получить сведения о преступлении и лице, его совершившем, другим способом;
- 6) сведения о лице, месте или предмете, в отношении которого планируется производство специального следственного действия;
- 7) указание вида (видов) специальных следственных действий, которые необходимо произвести, цель, а также обоснование срока его (их) проведения;
- 8) сведения об органе, которому планируется поручить производство специального следственного действия».

Конечно, содержимое данного ходатайства можно использовать и для следственных действий после соответствующей корректировки. Следственному судье прежде всего, нужно обратить внимание на наличие в ходатайстве сведений, обосновывающих необходимость проведения соответствующего, конкретного вида следственного действия.

К примеру, Н.А. Колоколов основания проведения подконтрольных суду следственных действий подразделил на материально-правовые и формально-правовые [35, с.174].

К формально-правовыми основаниями являются предписания УПК КР регулирующие отношения возникающие в процессе проведения осмотра жилища, обыска, выемки, наложения ареста на почтово-телеграфную

корреспонденцию, контроль и запись переговоров. Применительно к отечественному уголовно-процессуальному законодательству, то это положения ст. 162 УПК КР.

Под материально-правовыми основаниями проведения подконтрольных суду следственных действий являются предварительные данные, указывающие на возможное получение определенной доказательственной базы, направленной на установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [143, с.42; 144, с.33].

Следственный судья должен обратить внимание на наличие обоснования необходимости проведения соответствующего следственного действия. В противном случае, следственный судья обязан вынести постановление об отказе в удовлетворении ходатайства следователя.

Итак, «Ходатайство о проведении следственных действий подлежит рассмотрению следственным судьей с участием прокурора, следователя в закрытом судебном заседании, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом, по месту проведения следственных действий или месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении, не позднее 24 часов с момента поступления ходатайства» (ч.1 ст.269 УПК КР)».

Однако, в случаях, когда нужно провести следственное действие в другом районе, области, то можно проводить данное мероприятие с санкции следственного судьи по месту проведения следствия. Так, ч.1 ст. 269 УПК КР решает данный вопрос в следующем порядке: «Ходатайство о проведении следственных действий подлежит рассмотрению следственным судьей с участием прокурора, следователя в закрытом судебном заседании, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом, по месту проведения следственных действий или месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении, не позднее 24 часов с момента поступления ходатайства».

Так, О.В. Химичева, обращает свое внимание на вопрос представления материалов, указывающих на обязательность проведения того или иного вида

санкционируемого следственного действия. Она указывает на отсутствие в УПК положений о перечне необходимых документов подлежащих представлению следователем суду. В связи с этим, она предлагает восполнить данный пробел решением Пленумом Верховного Суда Российской Федерации [20, с.33].

Мы считаем, правильным оставить решение данного вопроса следователю или прокурору, так как перечень процессуальных документов, представляемых следственному судье, зависит от особенности расследуемого уголовного дела, а в частности от собранного на тот момент, информационного материала по факту совершенного преступления. В любом случае, наряду с ходатайством о проведении того или иного вида следственного действия, затрагивающего конституционные права граждан, нужно представить копии таких процессуальных документов, как постановление о возбуждении уголовного дела, о принятии к производству, протоколы допросов, предъявления для опознания, очной ставки, заключение экспертов и др. документы, обосновывающие необходимость производства указанного в ходатайстве следственного действия.

Таким образом, все процессуальные документы и иные материалы уголовного дела как носители определенной информации должны повествовать о востребованности в проведении соответствующего следственного действия. При этом, следственный судья при проверке этих материалов должен руководствоваться предписаниями ст. 92 УПК КР.

Согласно ч.1 ст. 269 УПК КР «Ходатайство о проведении следственных действий подлежит рассмотрению следственным судьей с участием прокурора, следователя в закрытом судебном заседании, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом, по месту проведения следственных действий или месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении, не позднее 24 часов с момента поступления ходатайства».

Так, ч.2 данной статьи уже указывает на то, что: «Ходатайство о проведении специальных следственных действий подлежит рассмотрению следственным

судьей единолично без проведения судебного заседания по месту проведения специальных следственных действий или месту нахождения органа, ходатайствующего об их проведении не позднее 24 часов с момента поступления ходатайства».

Однако в теории уголовного процесса форма судебного заседания, при котором рассматриваются вопросы разрешения на производство следственного, специального следственного действия является довольно спорным. Есть авторы, которые считают, что в подобное судебное заседание должно проходить при участии стороны защиты, ибо оно может потерять состязательный характер, а следственный судья выступить как второй прокурор [145, с.144].

А вот О.В. Химичева считает, что допуск к рассмотрению ходатайства следователя на проведение подконтрольных суду следственных действий (обыска, выемки, контроля и записи переговоров и др.) подозреваемого, обвиняемого может привести к разглашению сведений, содержащих тайну следствия [20, с.246].

Мы согласны с тем, что права и свободы человека признаны высшей ценностью, но нужно учитывать также нюансы, особенности, специфику стратегии и тактики борьбы с преступностью. Одним из главных тактических приемов проведения подобных следственных действий является внезапность, без которой, как считают многие практики и теоретики теряет смысл тактика проведения следствия. Нельзя недооценивать научно-обоснованные рекомендации криминалистики, ведь успех раскрытия преступления во многом зависит от умелого использования тактических приемов при проведении именно тех следственных действий, где требуется сохранения тайны и внезапности [146, с.516]. Поэтому, неслучайно законодатель для рассмотрения и разрешения вопроса о проведении принудительных следственных действий определил закрытый формат и без участия представителей стороны защиты.

В следственно-судебной практике часто возникают непредвиденные обстоятельства, при которых требуется незамедлительное реагирование со

стороны государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. При таком положении дел, где ситуация не терпит отлагательств следственно-оперативная группа, идя на тактический риск проводит осмотр жилища, обыск, выемку в жилище, а также личный обыск. С учетом обстоятельств не терпящих отлагательств законодатель предусмотрел положение, согласно которому разрешается без судебного санкционирования проводить соответствующее следственное действие. Так, ч. 6. Ст. 172 гласит: «При наличии обстоятельств, не терпящих отлагательства, связанных с необходимостью спасения жизни людей или имущества либо непосредственным преследованием лица, в отношении которого имеется обоснованное подозрение в совершении преступления, осмотр места происшествия в жилище или ином объекте, находящихся в собственности или ином праве, может быть проведен на основании постановления следователя без получения решения следственного судьи. В этом случае следователь в установленном порядке в течение 24 часов с момента начала осмотра уведомляет следственного судью о проведении следственного действия. К уведомлению прилагается копия протокола осмотра места происшествия для проверки законности решения о его проведении. Получив указанное уведомление, следственный судья в течение 24 часов в порядке, предусмотренном статьей 270 настоящего Кодекса, проверяет законность проведенного осмотра места происшествия и выносит постановление о его законности или незаконности. В случае если следственный судья признает проведенное следственное действие незаконным, все доказательства, полученные в ходе осмотра места происшествия, признаются недопустимыми в соответствии с частью 4 статьи 80 настоящего Кодекса».

Примерно такая же норма имеется и в ч.9 ст. 212 УПК КР «В исключительных случаях, когда имеется реальное опасение, что разыскиваемый и подлежащий изъятию объект может быть из-за промедления с его обнаружением утрачен, поврежден или использован в преступных целях либо разыскиваемое лицо может скрыться, обыск и выемка могут быть

проведены без решения следственного судьи, но с последующим направлением ему и прокурору в течение 24 часов письменного уведомления о проведенном обыске. Получив указанное уведомление, протокол и иные материалы, полученные в результате обыска, выемки, следственный судья проверяет законность проведенных обыска, выемки и выносит решение об их законности или незаконности. В случае если принято решение о незаконности проведенных обыска, выемки, данное действие не может быть допущено в качестве доказательства по делу».

В такой ситуации следственный судья осуществляет последующий судебный контроль, ибо следственное действие уже проведено и без судебного решения, то есть речь идет уже не о санкционировании, а о проверке их законности и обоснованности. Теперь от следователя потребуется обоснование неотложности следственного действия, объяснение самого хода следственного действия и, конечно же, результаты, а в конечном итоге была ли оправдана срочность таковых мер. Так, согласно ч. 2 ст. 270 УПК КР «В случае если следственный судья признает произведенное следственное действие или начатое специальное следственное действие незаконным, все доказательства, полученные в ходе таких действий, признаются недопустимыми в соответствии со статьей 80 настоящего Кодекса», то есть они станут «плодами отравленного дерева».

Соблюдение всех этих условий особенно важно, когда речь заходит о законности и обоснованности ограничения права на неприкосновенность жилища, где в соответствии с п. 2 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, требуется обоснование вторжения в жилище, вмешательства в частную жизнь, а также его соразмерность поставленной цели.

Конечно, не допускается излишняя абсолютизация неприкосновенности жилища, так как государство борется с преступностью и ставит задачу перед правоохранительными органами быстрого и полного раскрытия преступления. Согласно данной установки в уголовно-процессуальном законодательстве имеются оговорки по поводу правомерного вторжения уполномоченных на то

государственных органов, в лице следователя помимо воли проживающих в нем лиц в целях проведения осмотра, обыска или выемки. Нужно признать, что кроме неприкосновенности жилища, ограничиваются право на неприкосновенность частной жизни, уважение и чести и достоинства лиц вовлеченных в данное следственное действие. Если все следственные, специальные следственные действия, ограничивающие конституционные права граждан, проводятся с соблюдением всех требований уголовно-процессуального законодательства, то следователю необходимо предпринять меры для сохранения тайны частной жизни лиц проживающих в жилище или помещении.

Итак, в соответствии с ч.1 ст.270 УПК КР «В случае производства следственных или специальных следственных действий без получения постановления следственного судьи следователь в течение 24 часов с момента проведенного следственного действия либо начала проведения специальных следственных действий уведомляет следственного судью и прокурора об их проведении. К уведомлению прилагаются ходатайства о признании законным и обоснованным проведенного следственного действия либо начатого специального следственного действия».

Как нами отмечено ранее, предметом проверки и оценки следственного судьи являются наличие обстоятельств, не терпящих отлагательств, материалы, обосновывающие наличие исключительного случая. На практике, следователи часто ссылаются на оперативные данные, показания потерпевших, свидетелей и т.д.

Следственный судья, принимая решение о законности и обоснованности проведенного следственного действия не должен забывать, что на данный момент он выполняет миссию защитника конституционных прав лиц, вовлеченных в производство по уголовному делу. Ни в коем случае, даже в интересах дела не должен идти на поводу органов уголовного преследования. Совершенно правильно В. Кальницкий отметил, что при проверке законности и обоснованности проведенного следственного действия, суд не должен

руководствоваться принципом «цель оправдывает средства», поскольку такая позиция может послужить негативным прецедентом и порочной практикой ведомого судьи. [147, с.28]. На самом деле для каждого, жилище не «проходной двор», а является пристанищем покоя, отдыха и уединения,

Следственный судья, проверив законность произведенного следственного действия, выносит постановление о его законности или незаконности. Согласно ч.2 ст. 270 УПК КР «2. В случае если следственный судья признает произведенное следственное действие или начатое специальное следственное действие незаконным, все доказательства, полученные в ходе таких действий, признаются недопустимыми в соответствии со статьей 80 настоящего Кодекса. В этом случае следственный судья выносит частное определение, которым обращает внимание прокурора на установленные по делу факты нарушения закона, требующие принятия мер. Не позднее чем в месячный срок по частному определению следственного судьи должны быть приняты меры и о результатах сообщено ему».

Таким образом, после признания того или иного следственного, специального следственного действия незаконным и необоснованным вся добытая доказательственная база теряет свою юридическую значимость, следователь не сможет их использовать в доказывании не только главного факта, но и других обстоятельств подлежащих доказыванию. По логике законодателя действия следственного судьи служат своеобразным отбором лишь доброкачественных доказательств на этапе досудебного производства, создав благоприятные условия для последующего рассмотрения дела по существу [20, с.247].

Так. ч.. 3 ст. 269 УПК КР гласит: «По результатам рассмотрения ходатайства следственный судья выносит постановление о разрешении проведения следственных или специальных следственных действий или об отказе в их проведении с указанием мотивов отказа». На наш взгляд, в уголовно-процессуальном законе, а точнее в обязанностях следственного судьи нужно указать требование об обосновании каждого процессуального решения,

так как оно является актом судебной ветви власти. Решение в виде отказа в удовлетворении заявленного сторонами ходатайства также должно быть мотивированным. Однако, ч. 3 ст. 270 УПК КР содержит следующее положение: «Постановление следственного судьи о законности или незаконности проведения следственных или специальных следственных действий не подлежит обжалованию».

Если следовать данному положению, то у прокурора, следователя не остается вариантов для оспаривания решений следственного судьи, ведь они также могут допустить судебную ошибку. Более того, судебный контроль связан с вопросами ограничения конституционных прав и свобод граждан вовлеченных в уголовное судопроизводство. Поэтому, любое процессуальное следственного судьи должно подлежать ревизии со стороны вышестоящих судов.

Следующая проблема связано с отложением разрешения ходатайства, а именно в связи с полным отсутствием обосновывающих материалов или их недостаточность. Как быть в данной ситуации следственному судье?

Есть авторы, которые считают целесообразным откладывать судебное заседание до поступления заинтересованной стороной дополнительных сведений, обосновывающих заявленное ходатайство [148, с.29]. Мы считаем, данное предложение беспочвенным, так как ничем не подкрепленное ходатайство не может быть предметом рассмотрения и разрешения следственным судьей. Оно должно быть возвращено следователю для приведения в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Следственный судья должен помнить, что он представляет не исполнительную власть, на которую возлагается функция уголовного преследования, а судебную власть, на которую возложена исполнение судебной контрольной функции. Следственный судья должен находиться на страже законности и соблюдения конституционных норм, провозглашающих незыблемость прав и свобод граждан, а также обеспечения конституционных гарантий. По канонам состязательной модели уголовного судопроизводства

одним из основных принципов судебной тяжбы является непосредственность, а в частности участие инициаторов производства по уголовному делу. Таковыми являются следователь, и прокурор которые заинтересованы проведении специальных следственных, следственных действий для добычи доказательственной базы. Без их участия келейное рассмотрение следственным судьей ходатайства можно признать несовместимым с принципом состязательности.

Дело в том, что не всегда решение следственных судей можно признавать законными и обоснованными, они также подвержены к судебным ошибкам. В связи с этим, мы считаем лишение следователя, прокурора право на обжалование решения следственного судьи об отказе в удовлетворении ходатайства на проведение следственных, специальных следственных действий не совсем правильным. Данным субъектам нужно дать возможность для обжалования в порядке апелляции.

Выводы. Следственный судья, санкционирующий проведение следственного действия, должен обратить внимание на такие важные моменты, как наличие возбужденного уголовного дела, данное дело поручено именно следователю заявляющего ходатайство, а также проверить доводы органов следствия о необходимости проведения таковых действий и возможные результаты по добыче уличающих обвиняемого доказательств. Более того, нужно выяснить вопрос, связанный со сроком следствия (ст. 162 УПК КР) к моменту обращения следователя.

Именно посредством осуществления судебного контроля можно установить режим законности при расследовании уголовных дел. Судебный контроль также вносит свой вклад в деле защиты граждан от злоупотребления и произвола органов уголовного преследования, а в частности при проверке материалов, обосновывающих необходимость проведения следственных, специальных следственных действий, затрагивающих конституционные права лиц, привлеченных к вышеуказанным следственным мероприятиям. Следует отметить, что надлежащий судебный контроль также дисциплинирует

следователей, повышает их ответственность, а также формирует чувство серьезного отношения к своим непосредственным обязанностям.

Резюмируя данный раздел, хотелось бы привести данные судебной статистики по осуществлению судебного контроля за проведением следственных действий по Кыргызской Республике за последние 5 лет:

Так, санкционировано следственными судьями: с 2019 г. по первое полугодие 2023 г. производство эксгумации – 60; осмотра жилища – 784; производства выемки и обыска – 30420; проведение специальных следственных действий – 53249. Вышеприведенные статистические данные показывают, что по количеству выданных следственным судьей санкций лидирует специальное следственное действие, за ним следует обыск и выемка, а затем осмотр жилища и производство эксгумации (См.: прил. №2.).

3.4. Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих досудебное производство.

В ст. 22 УПК КР закреплён такой важный принцип уголовного судопроизводства, как «Действия (бездействие) и решения суда, прокурора, следователя, руководителя следственного подразделения, органа дознания могут быть обжалованы в установленном настоящим Кодексом порядке».

Этот принцип послужил базой для формирования в Уголовно-процессуальном кодексе Главы 16 УПК КР «Обжалование действий и решений государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство». Кроме этого, Глава 37 включает в себя предписания, содержащие «порядок рассмотрения жалоб на действия, решения должностных лиц досудебного производства».

Обжалование действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, является

целым процессуально-правовым институтом, регулирующим специфические уголовно-процессуальные отношения [149, с.52].

Так, в ч.1 ст. 130 УПК КР гласит, что «Постановления, а равно иные решения и действия (бездействие) прокурора, следователя, руководителя следственного подразделения, органов дознания могут быть обжалованы в суд по месту досудебного производства до поступления уголовного дела в суд».

Согласно ст. 125 УПК КР «Действия (бездействие) и решения органа дознания, следователя, руководителя следственного подразделения, прокурора могут быть обжалованы в установленном настоящим Кодексом порядке участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами, если проводимые процессуальные действия (бездействие) или решения затрагивают их интересы».

Значит, правом обжалования обладают участники уголовного судопроизводства, а также иные лица в той части, в которой проводимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Статья 130 УПК КР не раскрывает и не перечисляет виды постановлений и иных решений, действий (бездействия) органов дознания, следователя, руководителя следственного подразделения, прокурора подлежащих обжалованию в судебном порядке, хотя законодатель мог указать в качестве предмета обжалования акты ограничивающие конституционные права участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию. Значит, нормативные предписания, регулирующие обжалование действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство в судебном порядке (ст. 130 и ст. 271 УПК КР), недостаточно определяют сам предмет обжалования. Кроме того, УПК КР не содержит исчерпывающий перечень обжалуемых в судебном порядке действий (бездействия) и решений органов, осуществляющих производство по уголовному делу. Так, в соответствии с ч.1 ст. 271 УПК КР «1. Жалобы на действия, решения должностных лиц досудебного производства, за исключением постановлений о возбуждении уголовного дела, привлечении в

качестве обвиняемого, утверждения прокурором обвинительного акта, подлежат рассмотрению следственным судьей с участием прокурора, должностного лица, чьи действия обжалуются, заявителя. ....», то есть можно обжаловать все действия и решения кроме трех перечисленных процессуальных актов.

Следует обратить внимание также на такие конституционные положения, как «1. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, предусмотренных Конституцией, законами, международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика, общепризнанными принципами и нормами международного права» (ч.1 ст. 61), а также ч. 5 ст. 100 Основного закона гласит, что «5. Процессуальные права участников судебного процесса, а также права лиц, чьи права и интересы были затронуты решениями судов, в том числе право на обжалование решений, приговоров, а также порядок их осуществления определяются законом».

Конечно, в уголовно-процессуальном кодексе как упомянуто нами выше, закреплён принцип обжалования процессуальных действий (бездействия) и решений (ст.22 УПК КР). Относимость действий или решений к предмету обжалования в порядке ст. 130 УПК КР определяется их уголовно-процессуальным характером, иначе говоря, действия совершаются, а решения принимаются в рамках уголовного судопроизводства, а точнее в досудебном производстве. Действия и решения органов дознания, следователя, прокурора подлежат обжалованию в судебном порядке, по той причине, что здесь кроме уголовно-процессуальных отношений, затрагиваются и положения Основного закона (Конституции) о правах и свободах граждан. Поэтому, следственному судье поручено именно в рамках досудебного производства оперативно, реагировать на жалобы участников процесса и проверить на предмет соответствия закону, а также обоснование своего судебного решения. Путем рассмотрения и разрешения жалоб участников процесса на действия и решения органов досудебного производства следственным судьей посредством

реализации судебной-контрольной деятельности можно защитить предоставленные права и законные интересы.

Практически обжалуемые в суд действия (бездействия) и решения органов дознания, следователя, руководителя следственного подразделения, прокурора максимально расширены и не поддаются регулированию нормами уголовно-процессуального законодательства.

Дело в том, что в уголовно-процессуальном законе нет определения предмета обжалования в судебном и ином порядке (к примеру, в ст. 130 УПК КР). Предметом жалобы являются действия (бездействия) и решения органов дознания, следователя, прокурора нарушающие права и законные интересы лиц, принимающих участие в производстве по уголовному делу.

Наука уголовного процесса считает важным разграничение понятий предмет жалобы и предмет обжалования. Предметом жалобы является сама суть жалобы, где указывается действие (бездействие) или же принятое должностным лицом решение, законность и обоснованность которого оспаривается лицом в судебном порядке. Что касается предмета обжалования, то оно включает в себя ряд действий (бездействия) и решений должностных лиц, которые можно обжаловать следственному судье и проверить их законность и обоснованность в порядке ст. 130 УПК КР в досудебном производстве. Соотношение понятий предмет обжалования и предмет жалобы можно считать категориями - общее и частное.

Таким образом, предметом обжалования в порядке ст. 130 УПК КР нужно понимать круг обжалуемых в судебном порядке действий (бездействия) и решений органа дознания, следователя, прокурора и иных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу затрагивающих конституционные права и свободы участников уголовного процесса и способных лишить или преградить доступ к правосудию.

Согласно трактовке Словаря русского языка действие – это есть «проявление какой-либо энергии, деятельности, а также сама деятельность», «поступки, поведение, функционирование чего-либо», «результат проявления

деятельности, влияние, воздействие» [19, с.144]. А бездействие, являясь антиподом действия, трактуется, как «отсутствие деятельности, должной энергии». Что касается решения, то под ним подразумевается «постановление, заключение, вывод из чего-либо». С точки зрения науки уголовного процесса действие – это любое активное поведение должностных лиц, осуществляющих расследование или рассмотрение уголовного дела, а также и других участников процесса [150, с.140]. Если перевести в плоскость ч.1 ст. 130 УПК КР, то действие выражается в активном поведении должностных лиц органа дознания следователя, прокурора, в уголовном судопроизводстве. Если действие представляется как активное поведение, то бездействие может выражаться в пассивном поведении вышеназванных субъектов.

В следственно-судебной практике в порядке ст. 130 УПК КР часто обращаются со следующими жалобами на такие бездействия должностных лиц, как отказ в принятии жалобы, оставление прокурором без рассмотрения и разрешения жалобы, несвоевременное оповещение участника процесса, игнорирование заявлений об отводах, различного рода ходатайств и т.д.

Процессуальные решения, принимаемые органами, осуществляющими досудебное производство, будут называться процессуальными актами, так как форма и содержание регламентируется уголовно-процессуальным законом.

В уголовно-процессуальной науке подобные решения называют властно-распорядительными процессуальными документами [150, с.141]. Практически в порядке ст. 130 УПК КР в досудебном производстве обжалуются следующие постановления: о приостановлении досудебного производства, о продлении сроков досудебного производства, о прекращении уголовного дела и т.д., (не подлежат обжалованию постановления о возбуждении уголовного дела, привлечении лица в качестве обвиняемого и обвинительный акт. Под данную процедуру подпадают также протоколы следственных действий (обыска, выемки, предъявления для опознания, очной ставки, и т.д.). В жалобах содержатся часто критические замечания на неграмотное процессуальное оформление, отсутствие логических связей и последовательности проведенных

действий, что впоследствии становится поводом для исключения протокола как недопустимого доказательства. Однако лица, обращающиеся с жалобами, в большинстве случаев не проводят различия между понятиями «действия», «бездействия» и «решения».

Следственно-судебная практика показывает, что в адрес следственного судьи поступает множество жалоб, заявлений, ходатайств, которые вовсе не входят в его юрисдикцию [151].

Статья 130 УПК КР содержит общие правила обжалования действий (бездействия) и решений и процессуальный порядок рассмотрения и разрешения поданной жалобы.

В науке уголовного процесса некоторые авторы предлагают свои варианты классификации предмета судебного обжалования. Решения, подпадающие под судебный контроль, можно классифицировать следующим образом: промежуточные, итоговые постановления следователя, прокурора, выносимые на разных этапах досудебного производства (постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, о приостановлении производства по делу, о выделении, соединении уголовных дел, о направлении уголовного дела по подведомственности, подследственности) и т.д.

Процессуальные акты органов, осуществляющих досудебное производство ограничивающие права и свободы подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления.

Другие процессуальные акты, обжалуемые иными участниками процесса (свидетелями, законными представителями и т.д.) [152, с.8]. Ситуаций и вариантов здесь большое количество.

Ряд авторов выделили четыре разновидности обжалуемых в судебном порядке решений и действий: 1) решения, оказывающие влияние на возникновение, изменение или прекращение уголовно-процессуальных отношений; 2) решения о приеме, передаче, соединении, выделении, а также восстановлении уголовных дел; 3) решения, определяющие процессуальный

статус участников процесса; 4) решения, направленные на организацию и планирование расследования уголовных дел [44, с.65].

Дело в том, что специфика судебного контроля заключается в защите конституционных прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство. В этой связи, законодателю необходимо четко определить исчерпывающий перечень процессуальных действий (бездействий) и решений органов, осуществляющих уголовное преследование, которые подлежат обжалованию в судебном порядке до окончания досудебного производства. Остальные действия, решения, выходящие за рамки судебного обжалования оставить на разрешение прокурора, так как данная процессуальная фигура в отличие от следственного судьи имеет возможности для оперативного реагирования на нарушения прав и законных интересов участников процесса.

На страницах юридических изданий имеются и иные предложения по регламентации в УПК именно перечня действий и решений органов и должностных осуществляющих уголовное преследование не подлежащих судебному обжалованию [153, с.21].

Есть также группа авторов, которые пишут, что предметом судебного обжалования следует считать два вида действий и решений: 1) решения, отраженные прямо в УПК (постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а также жалобы в случае отказа в приеме сообщения о преступлении. Данные действия и решения порождают прекращение уголовно-процессуальных отношений, препятствуют обеспечению доступа к правосудию, а также ограничивают права и законные интересы личности. 2) Это иные действия (бездействие) и решения органов, осуществляющих уголовное судопроизводство подпадающие под судебный контроль в связи с нарушением конституционных прав и свобод граждан [154, с.154].

В теории уголовного процесса было обращено внимание на изучение проблем судебного обжалования отказа в отводе следователя, прокурора [155, с.123].

Данные судебной практики показывают, что за 5 лет с момента введения института судебного контроля, настоящее направление судебно-контрольной деятельности получило широкое распространение. Деятельность следственного судьи по рассмотрению и разрешению жалоб на действия (бездействие) и решения органов дознания, следователя, руководителя следственного подразделения, а также прокурора является неким юридическим механизмом восстановления нарушенных прав участников процесса, также и площадкой для отстаивания своих законных интересов в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Однако, практика воспользовалась отсутствием четкой регламентации перечня решений, действий (бездействия) должностных лиц подлежащих судебному обжалованию в УПК обжалуемых в судебном порядке. Следственные судьи могут принимать любые жалобы на действия (бездействие) и решения органов дознания, следователя, руководителя следственного подразделения, а также прокурора, и лишь нужно соблюсти инстанционность их подачи.

Так, следственным судьей, была рассмотрена жалоба адвоката на бездействие в рассмотрении его ходатайства, касательно проведения допроса следователем СС ОВД района К., а также проведения фоноскопической экспертизы телефонных бесед К. и У. которое было передано следователю К. со стороны С. Адвокат в своей жалобе просит обязать следователя СС ОВД района К. устранить допущенные недостатки, изложенные в настоящей жалобе. Также адвокат подчеркнул, что несмотря на то, что ходатайство подлежало рассмотрению в течение трех дней, он до сего времени не получил надлежащего процессуального документа о рассмотрении ходатайства. В судебном заседании заявитель С. и его представитель А., поддержав жалобу, просили удовлетворить.

В судебном заседании помощник прокурора района А. просил частично удовлетворить жалобу.

В судебном заседании следователь СС ОВД района К. просил отказать в удовлетворении жалобы.

Следственный судья, рассмотрев материалы дела, доводы жалобы и выслушав мнение сторон, приходит к следующему выводу.

В судебном заседании выясняется, что постановлением следователя ОВД района К. от 3 марта 2023 года указанное ходатайство было удовлетворено частично.

Письмом за исх. № А-24 от 3 марта 2023 года за подписью следователя ОВД района К. представителю заявителя С. - А. был дан ответ о том, что указанное ходатайство было приобщено к материалам дела №03-034-2023000087.

При этом, следственный судья считает, что следователь ОВД района К. в нарушении требований части 3 статьи 124 УПК Кыргызской Республики не уведомил соответствующий образом представителя заявителя С. - А., то есть не довел до его сведения постановление следователя ОВД района от 3 марта 2023 года о частичном удовлетворении заявленного ходатайства.

В начале судебного заседания следственный судья объявляет, какая жалоба подлежит рассмотрению, разъясняет права и обязанности заявителю. Заявитель, если он участвует в судебном заседании, обосновывает жалобу, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица. Неявка надлежаще уведомленного заявителя и должностного лица не является препятствием для рассмотрения жалобы. По результатам рассмотрения жалобы следственный судья выносит одно из следующих постановлений: о признании действий (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение; об оставлении жалобы без удовлетворения.

При таких обстоятельствах, следственный судья приходит к выводу о частичном удовлетворении жалобы представителя С. по доверенности А. на бездействие следователя СС ОВД района К.

На основании вышеизложенного и руководствуясь статьями 32, 124, 130, 271, 304 УПК Кыргызской Республики, следственный судья постановил жалобу представителя С. по доверенности А. на бездействие следователя СС ОВД района К. удовлетворить частично.

Признать необоснованным бездействия следователя ОВД района К., выразившиеся в не доведении до сведения А., заявившего ходатайство о частичном удовлетворении ходатайства.

Обязать следователя ОВД района К. устранить допущенное нарушение [182].

Из данного примера мы видим, что следственным судьям приходится рассматривать различного рода жалобы.

Среди ученых по сей день не утихают споры по поводу запрета на обжалование постановления о возбуждении уголовного дела, постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного акта. Постановление о возбуждении уголовного дела не подлежит судебному обжалованию в порядке ст. 130 УПК КР, поскольку в ч.1 ст. 271 УПК КР законодатель прямо указал на запрет такового обжалования: «действия, решения должностных лиц досудебного производства, за исключением постановлений о возбуждении уголовного дела .....».

Среди ученых есть доминирующее мнение о том, что данный процессуальный акт никоим образом не касается ограничения конституционных прав и свобод участников процесса. Такое мнение не может быть беспочвенной, так как все правоограничительные меры начинают применяться лишь после возбуждения уголовного дела. однако мы не должны упускать из виду то, что уголовное дело возбуждается двумя путями: 1) по факту и 2) в отношении конкретного лица. Во втором случае лицо в отношении, которого возбуждается уголовное дело, становится подозреваемым и к нему уже применяются меры процессуального обеспечения и с его участием проводятся различного рода следственные действия. Например, к подозреваемому применяется задержание с водворением в ИВС на 48 часов, проводится допрос и т.д. Получается, здесь имеет место ограничение конституционных прав и свобод. Тем не менее, законодатель не дает подозреваемому и иным лицам право на обжалование постановления о

возбуждении уголовного дела, оставляя обжалование отказа в возбуждении уголовного дела следственному судье.

Если обжалуемым актом будет признано постановление о возбуждении уголовного дела, то будут расширены предмет и предел судебного контроля. Иначе говоря, судебный контроль подлежит реализации следственным судьей на более ранних этапах досудебного производства. Таким образом, можно поднять эффективность не только раскрытия и расследования преступлений, но и повысить ответственность следователя, прокурора и должностных лиц органов дознания в деле установления режим законности в борьбе с преступностью.

Однако, при изучении следственно-судебной практики нами не выявлено ни одного случая обращения с жалобой граждан на незаконность и необоснованность решения следователя о возбуждении уголовного дела.

Вместе с тем, следственный судья не может вторгаться в производство по уголовному делу, вмешиваться в процесс доказывания, давать какие-либо письменные указания по ведению следствия и т.д.

Тем не менее, сам по себе факт возбуждения уголовного дела может причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, либо затруднить доступ граждан к правосудию. Поскольку, п. 1 ч.2 ст. 153 УПК КР гласит: «2. По результатам доследственной проверки следователь, прокурор принимает одно из следующих решений:

1) о возбуждении уголовного дела, соответственно, к этому моменту у органов следствия имеются достаточные сведения, указывающие на совершение преступления. Возбуждение уголовного дела является обязательной процедурой, после чего начинаются все необходимые следственные и иные процессуальные действия.

Возбуждение или отказ в возбуждении уголовного дела зависит от результатов доследственной проверки, где следователь проводит неотложные процессуальные действия, направленные на сбор достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В данной ситуации о судебном

контроле и речи не может быть. С момента регистрации заявления, сообщения о преступлении следователь проводит разного рода следственные и специальные следственные действия, где могут быть допущены нарушения норм УПК, сопряженные с нарушением конституционных прав участников процесса.

Постановление о возбуждении уголовного дела как акт расследования существует только в уголовном судопроизводстве постсоветских государств. Во всех странах с состязательной моделью уголовного судопроизводства вообще нет стадии возбуждения уголовного дела и само собой нет такого постановления.

Отдельные авторы, также отмечают, что расследование начинается именно с вынесения такого специфического, формализованного акта - постановление о возбуждении уголовного дела, которое сохранилось лишь на постсоветском пространстве. А в странах Европы вовсе не знают о такой стадии и о таком специальном акте – постановление о возбуждении уголовного дела. Возвращаясь к полемике обжалования вышеназванного постановления, то М. Попов пишет, что любое лицо может обжаловать в судебном порядке постановление о возбуждении в отношении, суд в свою очередь вправе рассмотреть жалобу в случае одновременного решения вопроса с применением меры пресечения. При этом, судье необходимо проверить наличие достаточных данных, указывающих на совершение преступления, а затем принять решение, по существу, [156, с.314].

С позицией данного автора мы не можем согласиться, так как в уголовно-процессуальном законодательстве нет нормативных предписаний, позволяющих обжаловать постановление о возбуждении уголовного дела, также возбуждение уголовного дела является одним из оснований признания лица подозреваемым и к нему можно применить лишь задержание на 48 часов, а не меру пресечения.

Самое интересное то, что в уголовно-процессуальном законе мы ясно видим асимметрию, несоразмерность в правах на обжалования, иначе говоря, закон

дает право на обжалование отказа в возбуждении уголовного дела, а на возбуждение уголовного дела налагает запрет. Запрет на обжалование возбуждения уголовного дела может нарушить принцип обеспечения доступа к правосудию. На практике не всегда уголовные дела возбуждаются законно и обоснованно, поэтому можно было бы оспорить в судебном порядке, обратившись с жалобой следственному судье. Не случайно, данный вопрос, вновь подымается среди ученых-процессуалистов [157, с.5]. Более того, необоснованное и незаконное возбуждение уголовного дела может явиться предпосылкой для последующих незаконных действий направленных на ограничение конституционных прав и свобод граждан. Следственный судья как арбитр в досудебном производстве мог бы внести в свой вклад в ограждении правосудия от злоупотреблений, следственных ошибок на начальном этапе досудебного производства.

Таким образом, мы придерживаемся позиции тех ученых, которые предлагают наделить участников процесса правом обжалования в судебном порядке постановление о возбуждении уголовного дела в порядке установленном ст. 130 УПК КР. К примеру, подозреваемый в отношении которого возбуждено уголовное дело, должен в своей жалобе обосновать, какие конституционные права конкретно нарушены при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела [158].

Особый интерес в науке уголовного процесса представляет обеспечение доступа к правосудию, реализация конституционного права на судебную защиту. Многие ученые считают эти понятия равнозначными [159, с.86]. Доступ к правосудию обеспечиваются посредством реализации права на защиту. Именно судебный контроль в досудебном производстве служит механизмом реализации права на судебную защиту с помощью обращения к следственному судье с жалобой на неправомерные действия (бездействия), решения органов осуществляющих уголовное преследование.

К числу ограждающих граждан от доступа к правосудию относятся процессуальные решения следователя, прокурора о приостановлении

производства по уголовному делу, о продлении срока следствия, ибо они становятся причиной растягивания производства по уголовному делу, а также пребывания участников процесса в неопределенном состоянии. Более того, в подобном стагнационном состоянии продлеваются сроки содержания в местах предварительного заключения, что серьезно отражается на состоянии здоровья и нарушения психики обвиняемых. Кроме этого, нередко следователи с опозданием решают вопросы о признании пострадавшего лица потерпевшим, нарушая принцип обеспечения доступа к правосудию. Об этом свидетельствуют изученные нами жалобы, где 70 % указывают на отрицательные последствия, несвоевременного решения указанных вопросов [160]. В жалобах можно встретить высказывания заявителей о бездействии, игнорировании обращений прокурорами, осуществляющих надзор за следствием.

Все эти негативные явления, всплывают в ходе судебного заседания проводимого следственным судьей с участием сторон, а именно при рассмотрении существа жалобы.

Однако, на практике встречаются в жалобах требования, не соответствующие фактическим обстоятельствам. с, так, В суд с жалобой обратился представитель потерпевшего С. по доверенности А. на бездействие следователя СС ОВД района К. В обоснование указал, что в канцелярию районного ОВД 12 мая 2023 года было внесено ходатайство на имя следователя СС ОВД района К., касательно проведение неотложных действий по уголовному делу № 03-034-2023-000087 от 26 января 2023 года, возбужденного по пункту 1 части 2 статьи 209 УК Кыргызской Республики в отношении У., в том числе незамедлительно исполнить указания прокуратуры района, изложенных в постановлении прокуратуры района от 18 апреля 2023 года, следственных действий в части дополнительных допросов свидетелей, провести с участием потерпевшего С. и его, получить из судебного дела № СУ-СС-00011/23-ОЗ заверенные копии стенограммы телефонных переговоров между С. с одной стороны и У. с другой стороны и которые приобщить к материалам уголовного дела, истребовать из городского суда судебный акт от

16 января 2018 года, касательно привлечения У. к штрафу в сумме 2500 сомов и что отражено в требовании от 12 января 2023 года. В соответствии со статьей 124 УПК Кыргызской Республики следователь обязан был в течении трех дней сообщить о результатах рассмотрения ходатайства, однако до сего времени они ответа от следователя не получали. В связи с чем, просил признать бездействие следователя СС ОВД района К. незаконным и обязать следователя К. устранить допущенные недостатки и о результатах известить районный суд, внести представление в УВД области о применении дисциплинарной ответственности следователя СС ОВД района К. за неисполнение норм закона, в том числе указаний прокуратуры района.

В судебное заседание следователь СС ОВД района К. не явился, хотя был извещен судом надлежащим образом о дне и времени судебного разбирательства.

Согласно статье 271 УПК Кыргызской Республики неявка надлежаще уведомленного заявителя и должностного лица не является препятствием для рассмотрения жалобы.

В судебном заседании представитель потерпевшего С. – А., поддержав жалобу, просил удовлетворить.

В судебном заседании помощник прокурора района С. просил отказать в удовлетворении жалобы.

Следственный судья, рассмотрев материалы дела, доводы жалобы и выслушав мнение сторон, приходит к следующему выводу.

В начале судебного заседания следственный судья объявляет, какая жалоба подлежит рассмотрению, разъясняет права и обязанности заявителю. Заявитель, если он участвует в судебном заседании, обосновывает жалобу, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица. Неявка надлежаще уведомленного заявителя и должностного лица не является препятствием для рассмотрения жалобы. По результатам рассмотрения жалобы следственный судья выносит одно из следующих постановлений: о признании действий (бездействия) или решения соответствующего должностного лица

незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение; об оставлении жалобы без удовлетворения.

Как установлено в судебном заседании, потерпевший С. 8 ноября 2022 года обратился в ОВД района с заявлением о принятии мер к известному лицу по имени Б., проживающему в селе «Молотов» айыльного округа, который путем обмана, что за его автомашину марки «Гетц» даст деньги в сумме 360 000 сом в течении двух-трех дней, в начале сентября 2022 года забрал автомашину и затем продал его в район.

В судебное заседание было истребованы и обозрены материалы уголовного дела № 03-034-2023-000087 от 26 января 2023 года, возбужденного по пункту 1 части 2 статьи 209 УК Кыргызской Республики в отношении У. и установлено, что постановлением следователя СС ОВД района К. от 18 мая 2023 года на основании пункта 2 части 1 статьи 27 УПК Кыргызской Республики уголовное дело прекращено, то есть за отсутствием состава преступления.

Вместе с тем, данное постановление не было обжаловано в прокуратуру или в суд и имеет юридическую силу, в связи с чем, следственный судья не уполномочен давать оценку действиям или бездействиям следователя по прекращенному уголовному делу, так как предметом рассмотрения данного судебного материала является жалоба на бездействие следователя СС ОВД К.

Следственный судья отмечает, что указанное постановление может быть обжаловано сторонами в прокуратуру или в суд в предусмотренном законом порядке. В настоящее время доводы представителя, потерпевшего С. – А., указанные в настоящей жалобе могут быть приведены в рамках обжалования постановления следователя СС ОВД района К. от 18 мая 2023 года.

При таких обстоятельствах, следственный судья приходит к выводу об отказе в удовлетворении жалобы представителя, потерпевшего С. по доверенности А. на бездействие следователя СС ОВД района К.

На основании вышеизложенного и руководствуясь статьями 32, 130, 271, 304 УПК Кыргызской Республики, следственный судья постановил:

Жалобу представителя, потерпевшего С. по доверенности А. на бездействие следователя СС ОВД района К. по уголовному делу № 03-034-2023-000087 оставить без удовлетворения [183].

Следственный судья, проверяя доводы в жалобе обязан обратить внимание, как на уголовно-процессуальный характер обжалуемого акта и соответствия порядку рассмотрения по ст. 130 УПК КР, но и на характер нарушения, то есть на предмет причинения ущерба конституционным правам заявителя или же ограничение доступа к правосудию. Не подлежат также в порядке ст. 130 УПК КР жалобы на постановление о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительный акт. Причиной тому является, то что следственный судья не может вторгаться вопросы полного судебного разбирательства дела по существу [161]. По данным нашего изучения судебной практики выявлены случаи, когда судьи, принимали и разрешали жалобы в порядке ст. 130 УПК КР, без учета относимости предмета обжалования [162].

Также есть моменты, когда обращаются адвокаты с жалобой на отказ следователя в удовлетворении ходатайства о производстве судебной экспертизы. Следственные судьи отказывают в удовлетворении подобной жалобы в виду возможности повторного обращения с жалобой прокурору [163, с.5]. Но, уголовно-процессуальное законодательство дает право адвокату обратиться напрямую с ходатайством следственному судье минуя следователя. Так, согласно п.4 ч.2 ст. 53 УПК КР адвокат имеет право инициировать на договорной основе производства судебной экспертизы перед следственным судьей.

По данным судебной практики выявлены случаи, когда следственные судьи добросовестно втягиваются в процесс доказывания, выясняя вопросы наличия оснований для назначения судебных экспертиз [164] следственный судья не должен предрешать вопросы суда первой инстанции, рассматривающего дело по существу [165].

К примеру, судьей была рассмотрена жалоба адвоката на бездействия следователя, то есть им не дана возможность ознакомления с протоколом проверки показаний потерпевшего на месте [166].

Не подлежит обжалованию следственному судье в порядке, предусмотренном ст. 130 УПК КР, протоколы, составленные при производстве очной ставки и предъявления для опознания [167]..

Следственные может рассматривать жалобы, если действия и решения следователя затрагивают конституционные права. Дело в том, что еще не выработана практика единообразного осуществления судебного контроля.

В силу ч.1 ст. 271 УПК КР «Жалобы на действия, решения должностных лиц досудебного производства, за исключением постановлений о возбуждении уголовного дела, привлечении в качестве обвиняемого, утверждения прокурором обвинительного акта, подлежат рассмотрению следственным судьей с участием прокурора, должностного лица, чьи действия обжалуются, заявителя». Особенно важно, восстановление нарушенных прав при производстве следственных действий, специальных следственных действий. В особенности большинство жалоб выпадают на такие распространенные следственные действия как осмотр жилища, обыск и выемка [168].

Часто заявители в своих жалобах обращают внимание на решение вопросов, связанных с процессом доказывания, в этих случаях следственный судья должен отказать в удовлетворении жалобы, поскольку он не может вторгаться в оценку доказательств на предмет относимости, допустимости и т.д. [169].

Исключение из материалов уголовного дела недопустимых доказательств прерогатива суда на стадиях предварительного слушания либо подготовительной части судебного заседания [170]. Если дело сводится к таким вопросам, то следственный судья должен отказать в удовлетворении подобной жалобы.

Также, следственный судья, вправе оставить без рассмотрения жалобы обвиняемого на отказ следователя в удовлетворении ходатайство о переквалификации предъявленного обвинения, ибо это полномочия прокурора,

осуществляющего надзор за производством следствия и руководителя следственного подразделения [171].

Во избежание подобных осложнений следовало бы четко определить на законодательном уровне предмет судебного обжалования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Более того, подлежит уточнению и конкретизации, обжалуемые следственному судье действия (бездействия) и решения органов, осуществляющих досудебное производство по ст. 130 УПК КР.

Мы считаем, при определении предмета судебного обжалования в досудебном производстве нужно исходить из комплекса правовых и фактических оснований обращения. К таковым можно отнести:

- Наличие факта нарушения конституционных прав граждан;
- Наличие контрольных полномочий следственного судьи для разрешения жалобы;
- Наличие достаточного материала для разрешения жалобы следственным судьей и восстановления нарушенных конституционных прав граждан.

В нормативно-правовых предписаниях, регулирующих проверку следственным судьей законности и обоснованности действий (бездействия) и решений органов, осуществляющих досудебное производство нужно указать лишь тех, которые способны посягнуть на конституционные права граждан участвующих в уголовном деле. При таком подходе можно избежать дублирования судебным контролем прокурорского надзора за производством следствия, а также обеспечить процессуальную самостоятельность следователя. Иначе говоря «каждый должен заниматься своим делом».

В этой связи, мы предлагаем дополнить УПК КР ст. 130-1, изложив в следующей редакции:

«Статья 130-1. Порядок судебного производства по жалобе на действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

1. Требования настоящей статьи применяются при рассмотрении жалоб на постановление органа дознания, следователя, прокурора, о возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, о приостановлении (возобновлении) досудебного производства, о продлении срока досудебного производства, о возвращении уголовного дела для производства дополнительных следственных действий, о применении меры пресечения, кроме заключения под стражу, или иных мер процессуального обеспечения, о производстве следственных действий, предусмотренных настоящим Кодексом, а равно иные их решения и действия (бездействие), которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства и иных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, либо затруднить доступ граждан к правосудию».

Теперь приведем данные судебной статистики по удовлетворению жалоб на действия и решения органов дознания, следователя и прокурора следственными судьями по Кыргызстану в целом с 2019 г. по первое полугодие 2023 г. показали следующее: удовлетворено: 2019 г. – 291; 2020 г. – 279; 2021 г. – 338; 2022 - 321; первое полугодие 2023 г. – 55 (См.: Прил. №2.).

Из содержания ч. 2 ст. 130 УПК КР следует, что «Следственный судья проверяет законность и обоснованность постановлений, а равно иных решений и действий (бездействия) прокурора, следователя, о чем выносит решение не позднее 10 суток со дня поступления жалобы в судебном заседании с участием заявителя и его адвоката, законного представителя или представителя, если они участвуют в уголовном деле, иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемыми действиями (бездействием) или решениями. неявка лиц, своевременно извещенных о времени рассмотрения жалобы и не настаивающих на ее рассмотрении с их участием, не является препятствием для рассмотрения жалобы судом. Постановления следственного судьи вручаются сторонам незамедлительно после оглашения».

Однако, в процессе изучения жалобы следственный судья сталкивается и с вопросами, связанными с содержанием и формой жалобы. Во-первых, ст. 130

УПК КР не содержит особых требований к жалобе, на практике следственные судьи вынуждены обращать внимание на такие сведения, как наименование суда, в который подается жалоба; данные о лице, подавшем жалобу, с указанием его процессуального положения, места жительства или места нахождения; указание на решение, действие, которое обжалуется, наименование должностного лица, его постановившего, совершившего; доводы лица, подавшего жалобу, суть его требования; подпись лица, подавшего жалобу; перечень прилагаемых к жалобе материалов и др. При выявлении недостатков жалобы следственному судье целесообразно оставить жалобу без рассмотрения. Хотя, нет предписаний в УПК КР о возвращении жалобы в связи с несоответствием закону ее формы и содержания.

Во-вторых, условно существует инстанционность подачи жалобы. Так, согласно ст. 129 УПК КР «1. Прокурор, руководитель следственного подразделения рассматривает жалобу не позднее 3 суток со дня ее получения. В исключительных случаях, когда для проверки жалобы необходимо истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры, допускается рассмотрение жалобы в срок до 10 суток, о чем извещается заявитель». Если следственному судье заявитель обратился с жалобой в порядке ст. 130 УПК КР, то он должен выяснить, не обращался ли он до этого с жалобой к прокурору или руководителю следственного подразделения.

В-третьих, нужно выяснить вопрос о подаче жалобы надлежащим лицом, то есть, обладает ли заявитель таковым правом в соответствии со ст. ст. 125, 126 УПК КР. Если подает жалобу адвокат или представитель заявителя, то нужно проверить соответствующие документы (к примеру, соглашение или доверенность).

В-четвертых, следственный судья также должен проверить подведомственность и подсудность.

В-пятых, следственный судья при необходимости также должен проверить наличие дополнительных материалов, подтверждающих доводы в жалобе.

На практике, и на законодательном уровне не решенными остаются вопросы, связанные с жалобами, содержащими сведения о нарушениях не процессуального, а организационно-планового характера. Данный вопрос не решается, ни Уголовно-процессуальным законодательством, ни ведомственными актами. Хотя можно было бы вопрос приемлемости приема и рассмотрения подобных жалоб, решить на уровне разъяснений Пленума Верховного суда КР. В противном случае, следственным судьям приходится решать данные вопросы вне судебных заседаний в обычном рабочем режиме.

В. А. Лазарева считает, что в любом случае суд должен принять и рассмотреть поступившую жалобу и все недостатки в его оформлении озвучить в ходе судебного заседания [172, с.55].

Н. Н. Ковтун и Р. В. Ярцев отмечают, что подача жалобы уже означает возбуждение производства по ней и рассмотрение или отказ в нем не должно оставаться на усмотрение судьи [173, с.64]. В. Н. Галузо предлагает внести норму в УПК о вынесении судом постановления о принятии жалобы и начале производства по ней [23, с.15].

А. Н. Артамонов пишет, что законе не имеются нормы, указывающие на основания отказа в разрешении жалобы судьей на стадии расследования [174, с.44].

По мнению О. А. Мядзелеца введение процедуры выяснения судом приемлемости жалобы рассмотрению в порядке судебного контроля приведет к усложнению и увеличению сроков ее разрешения [175, с.75].

Вместе с тем, очень важный момент зафиксирован в ч. 3 ст. 271 УПК КР: «Жалоба не может быть рассмотрена и подлежит возврату в случаях, если жалоба подана лицом, который не имеет права подавать жалобу; жалоба не подлежит рассмотрению в этом суде; жалоба представлена по истечении срока на обжалование, предусмотренного настоящим Кодексом, и лицо, которое ее подало, не ставит вопрос о возобновлении этого срока или следственный судья по заявлению лица не найдет оснований для его восстановления; жалоба ранее была рассмотрена по аналогичным основаниям или доводам».

Следственный судья, если нет никаких препятствий, то может назначить судебное заседание и осведомить стороны о дате и времени его проведения.

Согласно ч.2 ст.271 УПК КР «По результатам рассмотрения жалобы следственный судья выносит одно из следующих постановлений:

1) о признании действий (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение;

2) об оставлении жалобы без удовлетворения».

Выводы. Таким образом, в целях совершенствования уголовно-процессуального законодательства мы предлагаем ч.2 ст. 271 УПК КР, дополнить п. 3 и изложить в следующей редакции:

«3) о возвращении жалобы заявителю для устранения недостатков, препятствующих ее рассмотрению, с указанием в постановлении причин принятия такого решения и разъяснением права вновь обратиться в суд».

Данная форма судебного контроля очень важна для обеспечения незыблемости конституционных прав и свобод граждан, в особенности при расследовании уголовных дел.

В целом, рассмотрение и разрешение жалоб на действия и решения органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное производство, следственным судьей в порядке судебного контроля является важной гарантией восстановления нарушенных прав и удовлетворения законных интересов участников уголовного судопроизводства.

3.5. Утверждение процессуального соглашения о признании вины в порядке судебного контроля

Институт признания вины в уголовном судопроизводстве существует с давних времен. Но, процедура заключения соглашения на основе признания вины появилась в нашем уголовном процессе недавно. С принятием УПК КР

2017 появился новый институт «Процессуальные соглашения» (Раздел XV) разновидностью которого является «Процессуальное соглашение о признании вины» (глава 58 УПК КР), устанавливающей процедуру заключения данного вида соглашения. В УПК КР в редакции 2021 г. соглашение о признании вины предусмотрено Главой 57.

Внедрение данного соглашения в отечественное уголовное судопроизводство проходила не безболезненно, так как оно не раз подвергалось критике, как практиками, так и учеными-теоретиками.

Подавляющее большинство критиков отмечали о возможном проявлении злоупотреблений со стороны должностных лиц правоохранительных органов, о появлении новых зон коррупционного риска и т.д.

Некоторые считали, что признание вины и сделка с правосудием снова станут механизмом возвращения такого негативного явления, как признание вины - «царица доказательств». Это все якобы увеличит число попыток в отношении подозреваемых, обвиняемых, не сотрудничающих со следствием.

Практически признание вины и негласные сделки между органами следствия и обвиняемыми совершались и ранее. Однако, сама устная договоренность основывалась на пустых обещаниях следователей, органов дознания, а не редко и прокуроров о снижении наказания за счет признания вины. Обвиняемому оставалось рассчитывать на ничем не закрепленные обещания, а при возникших не желательных, не устраивающих его обстоятельствах, отказывался от прежних показаний. При этом, даже если во время судебного разбирательства обвиняемый ссылался на обещания следователя, то не было механизмов для реагирования подобных злоупотреблений со стороны данных субъектов. В данной ситуации, следователю, конечно, терять нечего, а вот положение обвиняемого усугублялось. На постсоветском пространстве при введении данного уголовно-процессуального института тоже имели места отрицательные высказывания. Критика касалась в основном слепого заимствования, копирования процедур сделки с правосудием. Так, В. И. Илюхин заявлял, что копируется самое

худшее из того, что имеется в США. Напротив, А. Арутюнян писал, что как может развиваться наука и практика без заимствования зарубежных правовых институтов. Однако, - как он пишет, - нужно при заимствовании зарубежных правовых институтов учитывать потребности общества и изучить вопросы приспособляемости и жизнеспособности к нашим жизненным реалиям и условиям». [176, с. 92]. В этом смысле, автор конечно прав, ведь любое нововведение сопряжено с изменениями целостной системы или какой-то его части. Кроме этого, приживаемость новых институтов, также зависит от уровня правовой культуры и правосознания общества в целом.

Вместе с тем, В. И. Илюхин категорично заявлял, что с введением данного института можно распрощаться с такими важными принципами правосудия, как непосредственность, гласность судебного разбирательства. В этой связи, он считал неоправданным и недопустимым совершение торга с преступниками [177].

Отдельные авторы давали оценку нравственной стороне соглашения о признании вины. К примеру, В. А. Марченко, крайне отрицательное отношение к внедрению института процессуального соглашения, связывал с аморальностью и безнравственностью заключения сделки с преступником, где между ними лежит труп человека. В такой ситуации, якобы можно и утаить непрофессионализм в ведении следствия [178].

Напротив, приверженцы внедрения данного института, опровергая безнравственный характер сделки с правосудием, указывают на тот факт, что заключение соглашения о признании вины будет происходить в добровольном порядке, следовательно, можно будет исключить разного рода неправомерные, насильственные выбивания признательных показаний у подозреваемых и обвиняемых в совершенном преступлении.

Некоторые практические работники отмечают о нецелесообразности внедрения уголовное судопроизводство института соглашения о признании вины в связи с тем, что в УК КР уже имеются нормы направленные на смягчение наказания при признании вины обвиняемым. Так, А. Парамонов,

считает введенные новые нормы отстающими от жизненных реалий, ибо с давних времен ст. 61 УК РФ предусматривает правило исключющее назначение максимального наказания за раскаяние и признание вины, а также сотрудничество со следствием, выраженное в инициативном способствовании раскрытия картины происшедшего и изобличению соучастников преступления. А новые нормы в УК РФ законодатель лишь ограничил судью указанием на порядок применения наказания [179, с. 92].

В числе авторов поддерживающих введение соглашения о признании вины К.А. Мусман, по мнению которого путем дополнения в УПК, можно добиться исключения раскрытия преступлений применением запрещенных методов, и поэтому «для того, чтобы всего этого произвола не было, у власти появился замечательный законный механизм — так называемое соглашение .....между защитой и обвинением» [180, с. 92]..

По мнению А. Лыскова в России еще сохраняется высокий уровень преступности, появление досудебного соглашения создаст условия для повышения эффективности раскрытия и расследования тяжких и особо-тяжких преступлений [181, с. 92]..

При заключении процессуального соглашения о признании вины применяется ч.1 ст. 79 УК КР, согласно которому «При заключении лицом соглашения о признании вины и полного возмещения материального ущерба суд назначает наказание, не связанное с лишением свободы, в пределах минимального размера наказания, предусмотренного статьей, по которой лицо признано виновным. В случае отсутствия в санкции статьи наказаний, не связанных с лишением свободы, наказание в виде лишения свободы назначается на срок не меньше, чем половина минимального срока наказания, предусмотренного статьей, по которой лицо признано виновным».

В этой процедуре в случае добровольного признания обвиняемым своей вины уголовное дело рассматривается в упрощенном порядке, без полного исследования доказательств. Однако, для этого, в досудебном производстве требуется согласие прокурора, при рассмотрении дела по существу согласие

государственного обвинителя. Несмотря на смягчение наказания за заключение соглашения о признании вины, остаются нерешенными задачи по противодействию организованной преступности, коррупционных преступлений, детской преступности и т.д.. Особую сложность представляют члены ОПГ, которые никоим образом не соглашаются на заключение соглашения о признании вины, по той простой причине, что им не дозволено совершать подобные действия, исходя из норм, и принципов криминального мира. Более того, даже при заключении соглашения о признании вины с членом ОПГ, выжить в местах предварительного заключения, а далее в местах лишения свободы не удастся. Иначе говоря, здесь во главе угла остается открытым, вопрос не только личной безопасности, но и его членов семьи.

Таким образом, реализация института соглашения о признании вины также зависит от общей криминогенной ситуации в стране. Если бы в реальности можно было бы обеспечить безопасность лицам, признавшим свою вину в местах предварительного заключения и в местах лишения свободы, то можно было бы добиться высокой раскрываемости тяжких и особо-тяжких преступлений. Данные лица с уверенностью пошли бы на признание своей вины и на сотрудничество со следствием.

На наш взгляд, нужно усилить меры по реальной государственной защите не только потерпевших, свидетелей, но и лиц, заключивших соглашение о признании вины и давшие согласие на дальнейшее сотрудничество со следствием.

Однако, развитие института процессуального соглашения о признании вины, сопровождается как позитивными, так и негативными отзывами.

Вместе с тем следует отметить первые результаты введенного института. Так, 12 июня 2019 года № 08 Конституционной палатой Верховного суда Кыргызской Республики было принято решение по делу о проверке конституционности частей 3, 4 статьи 487, частей 2, 3 статьи 488, части 1 статьи 489, частей 3, 4 статьи 491, части 5 статьи 492 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики. В описательно-мотивировочной части

решения указано, что «В Конституционную палату Верховного суда Кыргызской Республики 21 января 2019 года поступило ходатайство Карабаева Т.Э. о проверке соответствия частей 3, 4 статьи 487, частей 2, 3 статьи 488, части 1 статьи 489, частей 3, 4 статьи 491, части 5 статьи 492 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики части 2 статьи 16, части 3 статьи 31, частям 1, 2 статьи 40 Конституции Кыргызской Республики.

Как следует из ходатайства, заявитель полагает, что отдельные положения нового Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики противоречат принципам и задачам уголовного судопроизводства и нарушают гарантируемые Конституцией Кыргызской Республики права потерпевших и несовершеннолетних. В итоге Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики решила признать части 3, 4 статьи 487, части 2, 3 статьи 488, часть 1 статьи 489, части 3, 4 статьи 491, часть 5 статьи 492 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики не противоречащими части 2 статьи 16, части 3 статьи 31, частям 1, 2 статьи 40 Конституции Кыргызской Республики», то есть положения УПК КР регулирующие процессуальное соглашение о признании вины признаны не противоречащими основному закону страны.

После введения УПК КР и УК КР данный институт получил свое широкое распространение в правоприменительной практике. Так, к примеру, с 2019 г. по первое полугодие 2023 г. по Кыргызской Республике следственными судьями всего утверждено - 875 соглашений о признании вины (См.: прил.» №2).

В ходе подготовки диссертационной работы нами было проведено анкетирование среди судей, прокуроров, следователей, адвокатов, преподавателей юридических вузов по ключевым вопросам процессуального соглашения о признании вины.

По данным анкетирования, на вопрос: «Дает ли соответствующий эффект упрощенное судебное разбирательство при заключении соглашения о признании вины? Эффективным признали - 57,1 %; не эффективным считают – 20 %, остальные затруднились ответить (См.: Прил. №1.).

Вопрос о приспособленности института соглашения о признании вины в уголовном судопроизводстве страны остается еще открытым, так как для этого нужно время для апробирования на практике. В законодательном регулировании отношений, возникающих в процессе реализации данного института, можно сказать, что существуют нерешенные проблемы. К числу таких проблем можно отнести игнорирование прав потерпевшего. В сделке с правосудием всегда учитывается мнение потерпевшего, то есть его согласие на заключение соглашения о признании вины. Нельзя упускать из виду то, что именно ему наносится преступлением физический, моральный и имущественный вред, и он является в большинстве случаев инициатором производства по уголовному делу. Следовательно, УПК КР следовало бы дополнить нормативно-правовыми предписаниями, предоставляющими право потерпевшему выражать свое согласие на заключение соглашения между стороной защиты и следователем, прокурором. Следственный судья, суд, рассматривающий уголовное дело с заключенным соглашением о признании вины должны будут обращать внимание на наличие письменного согласия потерпевшего.

По нашему мнению, предпосылками для внедрения в уголовно-процессуальное законодательство института процессуального соглашения являются: повышение эффективности раскрытия и расследования в особенности тяжких преступлений, легитимация признания вины и стимулирование лиц идущих на сотрудничество со следствием путем смягчения наказания, ускорение хода расследования и рассмотрения уголовного дела в суде путем упрощения судебного исследования доказательств, а в целом можно достичь экономии во времени, трудовых и финансовых затрат.

Суть данного института уголовно-процессуального права вытекает из определения участников (стороны соглашения) и самого предмета соглашения о признании вины.

Согласно ст.500 УПК КР, процессуальное соглашение о признании вины заключается между обвиняемым – как представитель стороны защиты и прокурором - как главного представителя стороны обвинения. Прежде всего, в данном соглашении должны быть соблюдены условия, предусмотренные в уголовно-процессуальном законе. Согласно ч.3 ст. 500 УПК КР, соглашение о признании вины может быть заключено при наличии следующих условий:

- 1) обвиняемый является совершеннолетним, и он осознает характер и последствия, заявленного им ходатайства;
- 2) ходатайство было заявлено добровольно и после проведения консультаций с адвокатом;
- 3) обвиняемый не оспаривает обвинение и имеющиеся по делу доказательства в совершении преступления, характер и размер причиненного им вреда.

В итоге при достижении согласия сторонами подписывается процессуальный документ – процессуальное соглашение о признании вины. Следует заметить, что синонимом термина «соглашение» является слово «договор», «контракт», «сделка», т. е. активные действия физических или юридических лиц, порождающие возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Оно может быть двусторонним или многосторонним, где у каждой стороны возникают права и обязанности. Подробно должны быть описаны данные участников, предмет соглашения, суть сделки, взаимные обязательства сторон, условия реализации сделки, ответственность участников в случае невыполнения обязательств, условия расторжения или продления соглашения, юридические адреса участников (сторон) и конечно наличие подписей главных представителей сторон и печати (если юридическое лицо).

В соответствии с ч. 2 ст. 500 УПК КР «Ходатайство о заключении соглашения о признании вины обвиняемый заявляет в присутствии адвоката с момента предъявления обвинения и до окончания судебного разбирательства в суде первой инстанции». Значит, обвиняемый может заявлять ходатайство о

заключении соглашения о признании вины до окончания судебного разбирательства в суде первой инстанции.

Следует признать, что соглашение о признании вины имеет в какой-то мере сходство со сделкой с правосудием, широко применяемое в странах англосаксонской правовой семьи.

Важными условиями заключаемого соглашения является достижение обвиняемого 18-летнего возраста, он должен осознавать, что он добровольно признает себя виновным, соглашается на вид и меры наказания, назначаемого по правилам ст. 79 УК КР. Кроме этого, обвиняемый должен взять на себя возмещение имущественного ущерба потерпевшему. Юридическую консультацию и разъяснение по всем условиям соглашения должен дать адвокат.

Таким образом, процессуальное соглашение о признании вины представляет собой своеобразный договор, заключаемый между обвиняемым и прокурором ключевым условием которого является чистосердечное признание вины обвиняемым и согласие на ведение упрощенного судебного разбирательства, последствиями которого является смягчение наказания. Тем не менее, это не означает, что обвиняемый обязан придерживаться позиции в соответствии с соглашением. Обвиняемый может в любой момент производства по уголовному делу (до окончания судебного разбирательства) отказаться от прежних признательных показаний, изменить свои показания и тем самым расторгнуть процессуальное соглашение о признании вины. Если такая ситуация сложится при рассмотрении уголовного дела по существу, то судье следует перейти в режим обычного общего порядка.

Между тем, Глава 57 носит название «Процессуальное соглашение о признании вины». Процессуальное соглашение о признании вины является разновидностью примирительных процедур, так как имеется в УПК КР также Глава 58 «Процессуальное соглашение о примирении сторон». Процессуальное соглашение о признании вины с уверенностью можно назвать уголовно-процессуальным институтом, так как он регулирует однородные уголовно-

процессуальные отношения. Достижение соглашения между стороной обвинения и защиты служит предпосылкой для ускорения хода производства по уголовному делу, если конечно до этого не расторгнет данный договор одна из сторон.

Составление и подписание соглашения регламентируется ч.ч. 2, 3 ст. 501 УПК КР, где указано непосредственно его содержание:

- «1) дата и место его составления;
- 2) должностное лицо органа прокуратуры, заключающее соглашение со стороны обвинения;
- 3) фамилия, имя и отчество, другие данные обвиняемого, заключающего соглашение, данные об адвокате;
- 4) описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию;
- 5) пункт, часть, статья Уголовного кодекса, предусматривающие ответственность за данное преступление;
- б) смягчающие обстоятельства и нормы Уголовного кодекса, которые могут быть применены в отношении обвиняемого, вид и размер наказания, предусмотренные статьей 79 Уголовного кодекса».

В итоге, согласно ч.3 данной статьи «3. Соглашение о признании вины подписывается прокурором, следователем, обвиняемым и его адвокатом». Далее законодатель определил, что судебное заседание в отношении обвиняемого, с которым заключено соглашение о признании вины, проводятся в порядке, установленном ст. 502 УПК КР.

Самым важным моментом в этой процедуре является утверждение процессуального соглашения о признании вины следственным судьей. Без таковой процедуры данное соглашение теряет свою легитимность. Именно следственный судья в порядке осуществления судебного контроля, реализует арбитражную функцию путем проверки соблюдения сторонами условий соглашения, выносит процессуальное решение в виде постановления. Так, согласно ст. 502 УПК КР «1. Следственный судья рассматривает поступившее

от прокурора соглашение о признании вины с участием прокурора, обвиняемого и его адвоката». Рассмотрение соглашения о признании вины происходит с участием обеих сторон.

«2. Если следственный судья удостоверится, что требования к соглашению о признании вины, предусмотренные статьей 500 настоящего Кодекса, соблюдены, он выносит постановление об утверждении соглашения о признании вины, которое направляется следователю для приобщения к уголовному делу». Значит, данное соглашение без утверждения следственного судьи может потерять свою юридическую значимость.

3. В случае нарушения требований, предъявляемых к соглашению о признании вины, предусмотренных статьей 500 настоящего Кодекса, следственный судья выносит постановление об отказе в утверждении соглашения о признании вины, которое не подлежит обжалованию».

Выводы. В заключение можно сделать следующие выводы.

С принятием нового УПК КР появился новый институт «Процессуальные соглашения», среди которых важное значение имеет заключение процессуального соглашения о признании вины.

Суть процессуального соглашения о признании вины состоит в заключении между обвиняемым и прокурором договора, где главным основанием служит осознанное, добровольное и чистосердечное признание вины в совершенном преступлении.

Процесс заключения сторонами соглашения обладает рядом изложенных законодателем в Главе 57 УПК КР особенностей.

В связи с этим, в УПК КР следует внести соответствующие изменения или дополнения, которые могут внести вклад в восполнении пробелов в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. Более того, процессуальное соглашение о признании вины можно признать молодым уголовно-процессуальным институтом. Соответственно, в процесс реализации данного института, правоприменительная практика, сталкиваясь повседневно с различными обстоятельствами, ситуациями, выявляет разного рода изъяны,

пробелы, упущения, а также противоречия в нормативно-правовых предписаниях УПК КР.

Мы считаем, целесообразным внести следующие предложения по изменению и дополнению УПК КР:

- внести изменения в ч.2 ст. 500 УПК КР и изложить в следующей редакции: «Решение прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении соглашения о признании вины может быть обжаловано обвиняемым, его адвокатом, а также следователем вышестоящему прокурору».

- ч.4 ст. 500 УПК КР дополнить пунктом 3 и изложить в следующей редакции: «отсутствие подписи адвоката на ходатайстве о заключении соглашения о признании вины»;

Таким образом, следственный судья, реализовывая свою функцию судебного контроля, в порядке утверждения процессуального соглашения о признании вины проводит проверку соблюдения всех требований указанных в Главе 57 УПК КР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного исследования автор пришел к следующим выводам:

1. Судебный контроль может претендовать на самостоятельную функцию судебной власти, так как реализуется в уголовном судопроизводстве и направлена на недопущение незаконного ограничения конституционных прав личности, а в случае нарушения незамедлительного их восстановления.

2. Судебный контроль осуществляется лишь в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Судебный контроль реализуется посредством:

- санкционирования мер обеспечения уголовного судопроизводства;
- санкционирования следственных, специальных следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан;
- проверки законности и обоснованности действий (бездействия) и решений органов досудебного производства, ограничивающих конституционные права граждан;
- утверждение процессуального соглашения о признании вины.

3. Судебный контроль должен распространяться лишь на, те действия (бездействие) и решения должностных лиц, органов, осуществляющих досудебное производство, которые сопряжены с ограничением конституционных прав граждан, а в частности неприкосновенности личности, жилища, доступа к правосудию, обеспечение тайны личной жизни, тайны переписки, телефонных и иных переговоров и т.п.

4. Следственный судья в порядке судебного контроля досудебных стадиях осуществляет проверку законности, обоснованности применения мер пресечения. Под законностью принятого процессуального решения следует понимать соблюдение всех нормативных предписаний уголовно-процессуального законодательства, регулирующего основания, порядок и условия применения той или иной меры процессуального обеспечения, которые способны ограничить конституционные права лиц, вовлеченных в

производство по уголовному делу. А под проверкой обоснованности принятого решения или процессуального действия нужно понимать проверку и оценку наличия достаточных сведений, подтверждающих необходимость и возможность применения именно указанной в ходатайстве меры обеспечения по конкретному уголовному делу.

5. Пределы осуществления судебно-контрольной деятельности, априори установлены нормативными предписаниями уголовно-процессуального законодательства, с учетом особенностей в условиях и процедуре применения той или иной подконтрольной следственному судье меры процессуального обеспечения, а также наличия достаточных фактических оснований для ограничения прав и свобод личности. Выйти за пределы заявляемой стороной вида мер обеспечения, следственный судья может, лишь в сторону смягчения, то есть не ухудшения положения обвиняемого.

6. Судебное санкционирование (дача разрешения) мер обеспечения уголовного судопроизводства представляет собой полномочие следственного судьи по рассмотрению и разрешению ходатайства на применение мер пресечения и иных мер обеспечения, связанных с возможным ограничением конституционных прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве. Такой вид судебного контроля именуется предварительным (предупредительным).

В отличие от предупредительного, последующий судебный контроль осуществляется следственным судьей в форме проверки уже проведенного процессуального действия или применения мер обеспечения уголовного судопроизводства.

Наиболее существенно ограничивающим права и свободы граждан признаются такие виды мер пресечения как, домашний арест и заключение под стражу, которые применяются исключительно с санкции следственного судьи (ч.2 ст. 113, ч.1 ст.114 УПК КР).

7. Можно выделить две формы домашнего ареста:

1) жесткая форма - налагается при домашнем аресте с запретом покидать постоянное или временное место жительства (дом, квартиру, комнату

гостиницы, общежития). Значит категорически нельзя посещать место работы, учебы и другие места, или же покидать жилье в установленное время, а также запрещение общения с определенными лицами, получать и отправлять почтово-телеграфную корреспонденцию вести телефонные и иные переговоры.

2) мягкая форма домашнего ареста заключается в наложении запрета выходить за пределы населенного пункта, но допускается посещать место работы, учебы, рынок, больницы и другие, не запрещенные судьей места.

8. Временное отстранение от должности следует после предъявления обвинения и при наличии следующих условий: 1) обвиняемый занимает должность с управленческими функциями; 2) преступление совершено с использованием должностных полномочий; 3) оставление при должности может повлиять на ход производства по делу; 4) оставаясь в должности, может продолжить преступную деятельность. Ходатайство следователя по временному отстранению от должности должно рассматриваться в судебном заседании гласно и с участием сторон. Если следственный судья отказал в удовлетворении ходатайства об отстранении от должности, то следователь должен принести свои извинения обвиняемому.

Следственный судья как арбитр в досудебном производстве должен равнозначно относиться к ходатайствам, представленным сторонами, а в частности и к ходатайству потерпевшего об отстранении обвиняемого от должности.

9. Следственный судья в ходе досудебного производства правомочен принимать решения:

- о наложении ареста или снятии ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, на ценные бумаги и их сертификаты;

- о производстве эксгумации при отсутствии согласия близких родственников, супруга (супруги) покойного;

- о производстве осмотра жилища, а также иных объектов, находящихся в собственности или ином праве проживающих в нем лиц, при отсутствии их согласия;

- о производстве выемки и (или) обыска;

- о производстве личного обыска, за исключением случаев, предусмотренных УПК КР;

- о проведении специальных следственных действий, предусмотренных УПК КР.

10. Наряду с ходатайством о проведении того или иного вида следственного действия, затрагивающего конституционные права граждан, нужно представить копии таких процессуальных документов, как постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о принятии к своему производству, протоколы допросов потерпевших, свидетелей, предъявления для опознания, очных ставок, заключение эксперта и иные документы, обосновывающие необходимость производства указанного в ходатайстве следственного действия.

Производство следственных, специальных следственных действий под судебным контролем позволит повысить эффективность и качество расследования уголовных дел. Кроме этого, можно оградить граждан от произвола и злоупотребления органов дознания и следствия при задержании, применении меры пресечения, а в конечном итоге создать предпосылки для постановления законного, обоснованного и справедливого приговора.

11. При определении предмета судебного обжалования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства нужно исходить из комплекса правовых и фактических оснований обращения. К таковым можно отнести: наличие факта нарушения конституционных прав и свобод участника процесса; относимость к юрисдикции следственного судьи; достаточность материала для разрешения жалобы по существу.

12. Утверждение процессуального соглашения о признании вины является специфическим направлением функции судебного контроля. Следственный судья – как арбитр, рассматривает поступившее от сторон соглашение о

признании вины в судебном заседании. Контрольная функция следственного судьи заключается в проверке соблюдения условий соглашения о признании вины обеими сторонами. Одним из главных условий данного соглашения является добровольное и осознанное признание обвиняемым своей вины. Преимуществом института процессуального соглашения о признании вины заключается в том, что суд при рассмотрении уголовного дела по существу может перейти к упрощенному судебному разбирательству. Следует отметить, что соглашение о признании вины без утверждения следственным судьей может лишиться свойства легитимности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: (принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апр. 2021 г.): введ. в действие Законом Кырг. Респ. от 5 мая 2021 г. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34355174&pos=5;-106#pos=5;-106. – Загл. с экрана.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129 [Электронный ресурс]: (с изм. и доп. по состоянию на 22.12.2023): введ. в действие 1 дек. 2021 г. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004. – Загл. с экрана.

3. Лазарева, В. А. Судебная власть. Судебная защита. Судебный контроль: понятие и соотношение [Текст]: лекции-очерки / В. А. Лазарева. – Самара: Изд-во Самар. гуманитар. акад., 1999. – 64 с.

4. Аристотель. Политика [Текст] / Аристотель. Соч.: в 4-х т. – М., 1983. – Т. 4. – С. 759–779.

5. Монтескье, Ш. Л. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д.: К чему авт. прибавил новые исслед. о законах рим., касающихся наследования, о законах фр. и о законах феодал. [Текст] / Ш. Л. Монтескье; пер. с фр. под ред. А. Г. Горнфельда, со вступ. ст. М. М. Ковалевского. – СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеев, 1900. – [2], ХСII, 706 с.

6. Алексеев, А. С. Русское государственное право [Текст]: конспект лекций / А. С. Алексеев. – 4-е изд. – М.: Тип. О-ва распространения полез. книг, 1897. – 583 с.

7. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судебное устройство – судопроизводство [Текст] / В. К. Случевский. – 4-е изд., доп. и испр. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. – XIV, 670 с.

8. Михайловский, И. В. Основные принципы организации уголовного суда. Уголовно-политическое исследование [Текст] / И. В. Михайловский. – Томск: Паровая типо-лит. П. И. Макушина, 1905. – [4], II, 336 с.
9. Николаев, И. Повторительный курс уголовного судопроизводства: Сост. применительно к программе, принятой в Юрид. испытат. комис. [Текст] / И. Николаев. – СПб.: Тип. А. Е. Колпинского, 1902. – [2], 331 с.
10. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства [Текст] / И. Я. Фойницкий. – СПб., 1896. – Т. 1. – [2], 594 с.
11. Полянский, Н. Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность [Текст] / Н. Н. Полянский. – М.: Т-во И. Д. Сытина, 1911. – 201, [2] с.
12. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство [Текст]: пособие к лекциям / Н. Н. Розин. – 2-е изд. – СПб.: Изд. Юрид. книж. склада "Право", 1914. – 546, [1] с.
13. Барнашов, А. М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение [Текст] / А. М. Барнашов; под ред. А. И. Кима. – Томск: Том. ун-т, 1988. – 100, [1] с.
14. Бойков, А. Д. Опасность негативного правотворчества [Текст] / А. Д. Бойков // Право и политика. – 2000. – № 8. – С. 28–41.
15. Лазарева, В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе [Текст] / В. А. Лазарева. – Самара: Самар. ун-т, 1999. – 134 с.
16. Скитович, В. В. Судебная власть как системное образование [Текст] / В. В. Скитович // Изв. вузов. Правоведение. – 1997. – № 1. – С. 147–155.
17. Правоохранительные органы Российской Федерации [Текст]: учеб. для высш. юрид. учеб. заведений и юрид. фак. / под ред. В. П. Божьева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Спарк, 1997. – 400 с.
18. Ржевский В.А. Конституционные основы осуществления правосудия как особой формы государственной деятельности [Текст] / В. А. Ржевский, Н. М. Чепурнова // Правовое государство: конституционные

проблемы и пути их решения: учен. зап. Рост. гос. экон. акад. – Ростов н/Д, 1995. – С. 96.

19. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 13-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1981. – 816 с.

20. Химичева, О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства [Текст]: моногр. / О. В. Химичева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 287 с.

21. Колоколов, Н. А. Судебный контроль: некоторые проблемы истории и современности [Текст] / Н. А. Колоколов. – Курск: Сеймь, 1996. – 89 с.

22. Фоков, А. П. Проблемы судебного контроля за исполнением законов на стадии предварительного расследования (сравнительный анализ российского и французского законодательств) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. / А. П. Фоков. – М., 2000. – 24 с.

23. Галузо, В. Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых на стадии предварительного расследования [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В. Н. Галузо. – М., 1995. – 29 с.

24. Алешкова, И. А. Конституционные основы судебной власти [Текст] / И. А. Алешкова, И. Дудко, Н. Марокко. – М.: РГУП, 2015. – 378 с.

25. Ковтун, Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России [Текст] / Н. Н. Ковтун. – Н. Новгород: Нижегород. правовая акад., 2002. – 331 с.

26. Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы РФ [Текст]: учеб. для вузов / К. Ф. Гуценко, М. А. Ковалев; под ред. К. Ф. Гуценко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Зерцало, 2000. – 400 с.

27. Курс советского уголовного процесса. Общая часть [Текст] / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. – М.: Юрид. лит., 1989. – 638 с.

28. Лазарева, В. А. Судебная защита. Судебный контроль: понятие и соотношение [Текст]: лекции-очерки / В. А. Лазарева. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2000. – 63 с.
29. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 20 [Электронный ресурс]: (Введ. в действие Законом КР от 24 янв. 2017 г. № 10 с 1 янв. 2019 г.). – Режим доступа: <https://wipo.lexres.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/ru/kg/kg255ru.pdf>. – Загл. с экрана.
30. Солодилов, А. В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России [Текст] / А. В. Солодилов. – Томск: Том. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2000. – 297 с.
31. Колоколов, Н. А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования [Текст] / Н. А. Колоколов. – М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2004. – 303 с.
32. Лопаткина, Н. А. Становление института судебного контроля в УПК РФ: его преимущества и недостатки [Текст] / Н. А. Лопаткина // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации – проблемы практической реализации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Сочи, 11-12 окт. 2002 г.). – Краснодар, 2002. – С. 165.
33. Устимов, М. А. Судебный контроль на стадии предварительного расследования [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М. А. Устимов. – Саранск, 1999. – 26 с.
34. Колоколов, Н. А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования преступлений: важная функция судебной власти (проблемы осуществления в условиях правовой реформы) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н. А. Колоколов. – М., 1998. – 23 с.
35. Колоколов, Н. А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования [Текст]: учеб. пособие / Н. А. Колоколов. – М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2004. – 303 с.

36. Яблоков, В. А. Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В. А. Яблоков. – Самара, 2001. – 19 с.
37. Дорошков, В. В. Судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования [Текст] / В. В. Дорошков // Рос. юстиция. – 1999. – № 7. – С. 26–28.
38. Багаутдинов, Ф. Состояние и перспективы судебного контроля [Текст] / Ф. Багаутдинов // Рос. юстиция. – 2000. – № 3. – С. 24–26.
39. Демидов, И. Ф. Проблема прав человека в российском уголовном процессе. Концептуальные положения [Текст] / И. Ф. Демидов. – М.: НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1995. – 96 с.
40. Ефимичев, С. П. Разделение властей и проблемы борьбы с преступностью [Текст] / С. П. Ефимичев // Проблемы совершенствования прокурорского надзора. (К 275-летию рос. прокуратуры): материалы науч.-практ. конф. – М., 1997. – С. 176–183.
41. Солодилов, А. В. Судебный контроль за проведением следственных действий и решениями прокурора и органов расследования, ограничивающими конституционные права и свободы граждан в уголовном процессе России [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. В. Солодилов. – Томск, 1998. – 310 с.
42. Куцова, Э. Ф. Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Э. Ф. Куцова. – М., 1986. – 40 с.
43. Митрохин, Н. П. Законность и демократия предварительного расследования [Текст] / Н. П. Митрохин. – Мн.: Вышэйш. шк., 1979. – 206 с.
44. Назаренко, В. От прокурорского надзора к судебному контролю [Текст] / В. Назаренко, А. Халиулин // Законность. – 2004. – № 1. – С. 24–28.
45. Примов, Н. Расширить сферу судебного обжалования [Текст] / Н. Примов // Рос. юстиция. – 1996. – № 3. – С. 46–47.

46. Лазарева, В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе [Текст] / В. А. Лазарева. – Самара: Самар. ун-т, 1999. – 134 с.
47. Григорьева, Н. Принципы уголовного судопроизводства и доказательства [Текст] / Н. Григорьева // Рос. юстиция. – 1995. – № 8. – С. 40.
48. Бойков, А. Д. Третья власть в России: Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990-1996 гг. [Текст] / А. Д. Бойков. – М.: [б. и.], 1997. – 261, [2] с.
49. Щерба, С. Исследование доказательств обвинения при проверке законности и обоснованности ареста [Текст] / С. Щерба, О. Цоколова // Рос. юстиция. – 1994. – № 12. – С. 45–46.
50. Чувилев, А. Судебный контроль за законностью и обоснованностью ареста и продления срока содержания под стражей [Текст] / А. Чувилев, А. Лобанов // Сов. юстиция. – 1993. – № 6. – С. 21.
51. Селезнев, М. Процессуальные вопросы судебной проверки законности и обоснованности арестов [Текст] / М. Селезнев // Законность. – 1993. – № 7. – С. 41–45.
52. Большая юридическая энциклопедия: самое полное современное издание: более 2000 юридических терминов и понятий [Текст] / [В. В. Аванесян, С. В. Андреева, Е. В. Белякова, Е. В. Глазова]. – М.: Эксмо: Форум, 2007. – 687 с.
53. Петрухин, И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение: Общая концепция. Неприкосновенность личности [Текст] / И. Л. Петрухин. – М.: Наука, 1985. – 239 с.
54. Томин, В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики [Текст] / В. Т. Томин. – М.: Юрайт, 2009. – 376 с.
55. Аширбекова, М. Т. Принцип публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам (содержание и формы реализации) [Текст]: моногр. / М. Т. Аширбекова, Ф. М. Кудин. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 239 с.

56. Булатов, Б. Б. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России): Обязательство о явке. Привод. Временное отстранение от должности. Наложение ареста на имущество и ценные бумаги. Денежное взыскание [Текст] / Б. Б. Булатов, В. В. Николюк. – М.: Спарк, 2003. – 178 с.

57. Осин, В. В. Решения суда, принимаемые по правилам ст. 125 УПК РФ, не обеспечивают защиту от произвола должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство [Текст] / В. В. Осин // Адвокат. – 2008. – № 8. – С. 3–24.

58. Демидов, И. Ф. Принципы уголовного судопроизводства в свете Конституции Российской Федерации (проблемы и решения) [Текст] / И. Ф. Демидов // Журн. рос. права. – 2009. – № 6. – С. 66–76.

59. Чепурнова, Н. Г. Судебный контроль и прокурорский надзор [Текст] / Н. Г. Чепурнова, С. Л. Смольников // Законность. – 2007. – № 5. – С. 16–18.

60. Павликов, С. Г. Судебная власть и судебная система субъектов Российской Федерации [Текст] / С. Г. Павликов // Гражданин и право. – 2008. – № 3. – С. 19–32.

61. Принципы 1, 3-5, 7 Основных принципов, касающихся независимости судебных органов, принятых VII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями; процедуры 2,3, 5 Эффективных процедур осуществления Основных принципов, касающихся независимости судебных органов, принятых ЭКОСОС в 1990 г. [Текст] // Права человека и судопроизводство: сб. междунар. док. – Вена; Варшава, 1996. – С. 151–156.

62. Судебная власть [Текст] / под ред. И. Л. Петрухина. – М.: Проспект, 2003. – 720 с.

63. Клеандров, М. И. Статус судьи: правовой и смежный компоненты [Текст] / С. И. Клеандров. – М.: Норма, 2008. – 446 с.

64. Материалы международного семинара «Независимость судебной системы от исполнительной и законодательной власти» (Trieste. 28 September-2

October. 2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.supcourt.ru](http://www.supcourt.ru).
– Загл. с экрана.

65. Судебная реформа в прошлом и настоящем [Текст] / В. М. Жуйков, И. В. Гессен. – М.: Рос. акад. правосудия: Статут, 2007. – 415 с.

66. Ковтун, Н. Н. О понятии и содержании понятия "судебный следователь" (следственный судья) [Текст] / Н. Н. Ковтун // Рос. судья. – 2010. – № 5. – С. 15–20.

67. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. – 822 с.

68. Жеенбеков и Калиева обсудили ключевые события в судебной системе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theworldnews.net/kg-news/zheenbekov-i-kalieva-obsudili-kliuchevye-sobytiia-v-sudebnoi-sisteme>. – Загл. с экрана.

69. Якубович, Н. А. Предварительное расследование. Методологические, уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Н. А. Якубович. – М., 1977. – 32 с.

70. Михайлов, В. А. Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации [Текст] / В. А. Михайлов. – М.: Центр информ. технологий ИЗП, 1997. – 643 с.

71. Брусницын, Л. В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства [Текст] / Л. В. Брусницын. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 464 с.

72. Уголовный процесс [Текст]: учеб. для студентов юрид. вузов и фак. / под ред. К. Ф. Гуценко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Зерцало, 1998. – 575 с.

73. Смирнов, М. В. Условия применения мер процессуального принуждения на предварительном следствии [Текст] / М. В. Смирнов // Рус. следователь. – 2003. – № 4. – С. 23–24.

74. Кутуев, Э. К. Заключение под стражу и содержание под стражей: состояние, проблемы, перспективы [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Э. К. Кутуев. – СПб., 1999. – 179 с.
75. Цоколова, О. И. Заключение под стражу подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления [Текст] / О. И. Цоколова. – М.: ВНИИ МВД России, 2001. – 82 с.
76. Михайлов, В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе [Текст] / В. А. Михайлов. – М.: Право и закон, 1996. – 299 с.
77. Петрухин, И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе [Текст] / И. Л. Петрухин. – М.: Наука, 1989. – 254 с.
78. Смирнов, В. В. Арест как мера пресечения, применяемая следователем органов внутренних дел [Текст]: учеб. пособие. – Хабаровск: Хабар. высш. шк. МВД СССР, 1987. – 94 с.
79. Быков, В. М. Домашний арест как новая мера пресечения по УПК РФ [Текст] / В. М. Быков, Д. А. Лисков // Рос. следователь. – 2004. – № 4. – С. 12–14.
80. Брусницин, Л. В. Некоторые проблемы обеспечения прав жертв преступлений в российском уголовном процессе [Текст] / Л. В. Брусницын // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – СПб., 2003. – С. 256–257.
81. Карнеева, Л. М. Особенности пределов доказывания при принятии некоторых процессуальных решений в стадии предварительного следствия [Текст] / Л. М. Карнеева, Г. М. Миньковский // Вопросы предупреждения преступности. – М., 1966. – Вып. 4. – С. 83–109.
82. Якимович, Ю. К. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование по УПК РФ [Текст]: учеб.-практ. пособие / Ю. К. Якимович, Т. Д. Пан. – Томск: ТГУ, 2003. – 318 с.
83. Мизулина, Е. Б. Новый порядок ареста и задержания соответствует Конституции РФ и международно-правовым стандартам [Текст] / Е. Б. Мизулина // Рос. юстиция. – 2002. – № 6. – С. 14–15.

84. Золотарев, В. Г. Алгоритм ареста [Текст]: науч.-практ. пособие / В. Г. Золотарев, Н. А. Колоколов. – Курск: [б. и.], 2002. – 31 с.
85. Воронин, В. Порядок действий судьи при решении вопроса о заключении под стражу [Текст] / В. Воронин // Рос. юстиция. – 2002. – № 12. – С. 45–46.
86. Жога, Е. Ю. Арест как мера пресечения в уголовном процессе и судебная проверка его законности и обоснованности [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Е. Ю. Жога. – Саратов, 2001. – 205 с.
87. Коротков, А. П. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ: Комментарий [Текст] / А. П. Коротков, А. В. Тимофеев. – М.: Экзамен, 2004. – 574 с.
88. Сманалиев, К. М. Место следственного судьи в судебной системе Кыргызской Республики [Электронный ресурс] / К. М. Сманалиев. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sledstvennogo-sudi-v-sudebnoy-sisteme-kyrgyzskoy-respubliki/viewer>. – Загл. с экрана.
89. Козырев, Г. Н. Судебная проверка законности и обоснованности ареста [Текст] / Г. Н. Козырев; под ред. В. Е. Гущева. – Н. Новгород: НВШ МВД РФ, 1994. – 62 с.
90. Арестов, И. Судебная проверка законности и обоснованности ареста и вопрос о виновности обвиняемого [Текст] / И. Арестов // Бюл. Верх. суда РФ. – 1995. – № 3. – С. 19
91. Буланова, Н. В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений [Текст]: науч.-метод. пособие / Н. В. Буланова; под ред. М. Е. Токаревой. – М.: Юрлитинформ, 2005. – 255 с.
92. Нафиев, С. Х. Европейские стандарты обеспечения конституционных прав личности при расследовании преступлений [Текст] / С. Х. Нафиев, А. Л. Васин. – Казань: Магариф, 1998. – 223 с.
93. Жуковский, В. Связан ли судья доводами обвинения при решении вопроса об аресте? [Текст] / В. Жуковский // Рос. юстиция. – 2003. – № 4. – С. 43–44.

94. Золотых, В. Заключение под стражу по решению суда. Обобщение практики применения ст. 108 УПК РФ [Текст] / В. Золотых // Рос. юстиция. – 2002. – № 11. – С. 10–13.
95. Решение Европейского Суда по правам человека по делу Летелье против Франции от 26 июня 1991 г. [Текст] // Рос. юстиция. – 2000. – № 6. – С. 60–62.
96. Еникеев, З. Д. Проблемы мер пресечения в уголовном процессе [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / З. Д. Еникеев. – Уфа, 1991. – 498 с.
97. УПК РК употребляет термин арест, а не заключение под стражу.
98. УПК АР употребляет термин арест, а не заключение под стражу.
99. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
100. Ткачева, Н. В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России [Текст]: моногр. / Н. В. Ткачева. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – 191 с.
101. Трунова, Л. Домашний арест как мера пресечения [Текст] / Л. Трунова // Рос. юстиция. – 2002. – № 11. – С. 49–50.
102. Балтабаев, К. Т. Домашний арест в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / К. Т. Балтабаев. – Караганда, 2001. – 28 с.
103. Овчинников, Ю. Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю. Г. Овчинников. – Омск, 2006. – 22 с.
104. Овчинников, Ю. Г. Применение новой меры пресечения – домашний арест в России и странах СНГ [Текст] / Ю. Г. Овчинников // Следователь. – 2004. – № 4. – С. 4–8.
105. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Рус. яз., 1989. – Т. 1. – 699 с.
106. Артемов, В. Первые шаги домашнего ареста как меры пресечения [Текст] / В. Артемов, Ю. Г. Овчинников // Законность. – 2005. – № 7. – С. 41–43.

107. Кутуев, Э. К. Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Э. К. Кутуев. – СПб., 2004. – 413 с.
108. Булатов, Б. Б. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК РФ): Обязательство о явке. Привод. Временное отстранение от должности. Наложение ареста на имущество и ценные бумаги. Денежное взыскание [Текст] / Б. Б. Булатов, В. В. Николюк. – М.: Спарк, 2003. – 178 с.
109. Еникеев, З. Д. Принципы применения мер пресечения по уголовным делам [Текст]: моногр. / З. Д. Еникеев. – Уфа: БашГУ, 1997. – 175 с.
110. Международные акты о правах человека [Текст]: сб. док. / [сост. и авт. вступ. ст.: В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева]. – М.: Норма, 2002. – 911 с.
111. Багаутдинов, Ф. Новая мера пресечения в УПК РФ – домашний арест [Текст] / Ф. Багаутдинов // Законность. – 2002. – № 10. – С. 14–16.
112. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / под общ. ред. В. В. Мозякова. – М.: Книга-Сервис, 2002. – 1275 с.
113. Багаутдинов, Ф. Н. О содержании судебного контроля на предварительном следствии [Текст] / Ф. Н. Багаутдинов // Журн. рос. права. – 2002. – № 12. – С. 50–58.
114. УПК Киргизской ССР от 29 декабря 1960 г. [Текст] // Ведомости Верх. Совета КиргССР. – 1960. – № 40. – Ст. 146.
115. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР [Текст] / отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. В. Т. Томин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 1999. – 742 с.
116. Безлепкин, Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Текст]. – М.: ВИТРЭМ, 2002. – 832 с.
117. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. – М.: Юристъ, 2002. – 1039 с.

118. Якупов, Р. Х. Уголовный процесс [Текст]: учеб. для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. / Р. Х. Якупов; науч. ред. В. Н. Галузо. – М.: ТЕИС, 2004. – 607 с.
119. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР: Теоретическая модель [Текст] / под ред. и с предисл. В. М. Савицкого. – М.: ИГПАН, 1990. – 317 с.
120. Бойков, А. Д. К проекту Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Текст] / А. Д. Бойков // Государство и право. – 1992. – № 3. – С. 65–72.
121. Багаутдинов, Ф. Н. Обеспечение имущественных прав личности при расследовании преступлений [Текст] / Ф. Н. Багаутдинов. – М.: Юрлитинформ, 2002. – 277 с.
122. Багаутдинов, Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений [Текст] / Ф. Н. Багаутдинов. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 543 с.
123. Надзор за исполнением законов [Текст]: метод. рекомендации в помощь прокурору города (района). – Казань: Центр инновац. технологий, 2005. – 491 с.
124. Лазарева, В. А. Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / В. А. Лазарева. – М., 2000. – 41 с.
125. Багаутдинов, Ф. Н. Пути повышения эффективности временного отстранения обвиняемого от должности [Текст] / Ф. Н. Багаутдинов, Н. И. Газетдинов // Проблемы эффективности уголовного судопроизводства и защиты прав граждан: сб. науч. тр. – Казань, 2005. – С. 34–38.
126. Словарь иностранных слов [Текст] / под ред. И. В. Лехина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова, Л. С. Шаумяна. – М.: Сов. энцикл., 1964. – 784 с.
127. Советская энциклопедия [Текст] 1964. -С. 195, 218.

128. Азаров, В. А. Оценка качества доказательств как элемент судебного контроля [Текст] / В. А. Азаров // Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики: сб. науч. работ. – Омск, 2003. – Вып. 7. – С. 5–12.
129. Дмитриева, О. Мэра английской столицы отстранили от должности на четыре недели [Текст] / О. Дмитриева // Рос. газ. – 2006. – 27 февр.
130. Приходько, И. М. Цели правовых ограничений на современном этапе [Текст] / И. М. Приходько // Новая правовая мысль. – 2005. – № 3. – С. 35.
131. Вставская, И. М. Арест имущества в обеспечение рассматриваемых судами исков [Текст] / И. М. Вставская // Уголовная юстиция: состояние и пути развития: регион. науч.-практ. конф. – Тюмень, 2003. – С. 279–283.
132. Зинатуллин, З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность: (Вопросы теории и практики) [Текст] / З. З. Зинатуллин. – Казань, КГУ, 1981. – 136 с.
133. Азаров, В. А. Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве [Текст] / В. А. Азаров. – Омск: Ом. ВШМ МВД России, 1995. – 188 с.
134. Ковтун, Н. Н. Практика реализации судебного контроля за законностью и обоснованностью применения мер процессуального принуждения [Текст] / Н. Н. Ковтун, Р. Р. Магизов. – Н. Новгород: Нижегор. правовая акад., 2004. – 67 с.
135. Судебная статистика на период с 2019 по первое полугодие 2023 г.г.
136. Чувилев, А. А. Правомерность, содержание и пределы принуждения при производстве следственных действий [Текст] / А. А. Чувилев // Правовое принуждение в борьбе с преступностью. – М., 1989. – С. 45–52.
137. Решение Конституционного Суда Кыргызской Республики от 15 июня 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/9803?cl=ru-ru>. – Загл. с экрана.
138. Гуров, А. А. Конфискация имущества [Текст] / А. А. Гуров, П. С. Яни // Вестн. Рос. правовой акад. – 2004. – № 4. – С. 66.

139. Конфискацию имущества вернуть в УК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vvmv.utro.ru/articles/2005/02/01/402779.shtml>. – Загл. с экрана.
140. Иванов, Э. А. Система международно-правового регулирования борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Э. А. Иванов. – М., 2004. – 379 с.
141. Текущий архив Бишкекского городского суда. Дело №
142. Селезнев, М. Процессуальные вопросы судебной проверки законности и обоснованности арестов [Текст] / М. Селезнев // Законность. – 1993. – № 7. – С. 41–45.
143. Неткачев, В. Судебное обжалование арестов [Текст] / В. Неткачев // Законность. – 1993. – № 8. – С. 32–33.
144. Кальницкий, В. В. УПК РФ не обеспечивает процессуальную независимость суда [Текст] / В. В. Кальницкий // Новый уголовно-процессуальный закон: теория и практика применения: материалы межвед. «круглого стола» / под ред. О. А. Галустьяна, О. И. Цоколовой. – М., 2003. – С. 44.
145. Криминалистика [Текст]: учеб. для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Г. Россинская; под ред. Р. С. Белкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2004. – 973 с.
146. Кальницкий, В. Обоснованность производства следственных действий как предмет судебной оценки [Текст] / В. Кальницкий // Рос. юстиция. – 2003. – № 2. – С. 27–28.
147. Масленникова, Л. Н. Судебный контроль за законностью процессуальной деятельности органов дознания и предварительного следствия [Текст]: лекция / Л. Н. Масленникова. – М.: Акад. МВД России, 1994. – 31 с.
148. Халиков, А. Особенности института судебного обжалования в досудебном производстве [Текст] / А. Халикова // Рос. юстиция. – 2003. – № 7. – С. 52–54.

149. Зинец, Р. Л. Судебный контроль в стадии предварительного расследования: процессуальные и организационные аспекты [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Р. Л. Зинец. – Волгоград, 2005. – 206 с.
150. Дело №44-Уд-314/02
151. Багаутдинов, Ф. Состояние и перспективы судебного контроля [Текст] / Ф. Багаутдинов // Рос. юстиция. – 2001. – № 3. – С. 24–26.
152. Кашепов, В. П. О преобразовании статуса суда в уголовном судопроизводстве [Текст] / В. П. Кашепов // Журн. рос. права. – 2002. – № 12. – С. 25–32.
153. Муратова, Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве [Текст] / Н. Г. Муратова. – Казань: КГУ, 2004. – 345 с.
154. Корневский, Ю. В. Участие защитника в доказывании по новому уголовно-процессуальному законодательству [Текст]: [практ. пособие] / Ю. В. Корневский, Г. П. Падва. – М.: Юристъ, 2004. – 159 с.
155. Смирнов, А. В. Уголовный процесс [Текст]: учеб. для вузов / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2008. – 704 с.
156. Попов, М. Вопросы и ответы [Текст] / М. Попов // Бизнес-адвокат. – 2003. – № 16. – С. 5.
157. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью [Электронный ресурс]: (утв. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 нояб. 1985 г.). – Режим доступа:
<https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/1305333/?ysclid=lriz1g1cqa8536926>
7. – Загл. с экрана.
158. Жуйков, В. М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию [Текст] / В. М. Жуйков. – М.: Статут, 2006. – 283 с.
159. Материал № 550-06 [Текст]. Арх. Чуйской район. прокуратуры г. Бишкек, 2017.
160. Обзор судебной практики за первый квартал 2017 года. - С. 15.

161. Справка по результатам обобщения судебной практики районных судов г. Бишкек по рассмотрению в 2021 году жалоб в порядке статьи 130 УПК КР.
162. Материал №П-25/03/ [Текст]. Арх. Октябр. район. суда г. Бишкек. – 2003.
163. Справка по результатам обобщения судебной практики районных судов г. Бишкек по рассмотрению в 2021 году жалоб в порядке статьи 130 УПК КР.
164. Обзор судебной практики по уголовным делам за II полугодие 2016 г. [Электронный ресурс] // Бюл. Верхов. суда Кырг. Респ. – 2017. – № 8. – Режим доступа: www.sot.kg. – Загл. с экрана.
165. Материал № [Текст]. Арх. Чуйского район. суда г. Бишкек.
166. Дело № [Текст]. Арх. Свердл. район. суда г. Бишкек.
167. Материал № [Текст]. Арх. Свердл. район. суда г. Бишкек.
168. Дело № [Текст]. Арх. Чуйского област. Суда. Г. Бишкек.
169. Справка по результатам обобщения судебной практики районных судов г. Бишкек по рассмотрению в 2021 году жалоб в порядке статьи 130 УПК КР.
170. Материал № [Текст]. Арх. Октябр. район. суда г. Бишкек. – 2021.
171. Лазарева, В. А. Судебная власть. Судебная защита. Судебный контроль: понятие и соотношение [Текст]: лекции-очерки / В. А. Лазарева. – Самара: СГА, 1999. – 64 с.
172. Ковтун, Н. Н. Практика судебного контроля за решениями и действиями (бездействием) публичных процессуальных органов, ограничивающих права и законные интересы личности в уголовном процессе [Текст]: учеб.-практ. пособие / Н. Н. Ковтун, Р. В. Ярцев. – Н. Новгород: Волго-Вятская акад. гос. службы, 2006. – 111 с.
173. Артамонов, Л. Н. Реализация принципа обжалования в досудебном уголовно-процессуальном производстве [Текст]: учеб. пособие / Л. Н. Артамонов. – Омск: Ом. акад. МВД России, 2006. – 82 с.

174. Мядзелец, О. А. Судебный контроль за прекращением уголовного дела и уголовного преследования [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О. А. Мядзелец. – М., 2008. – 28 с.

175. <https://viktor-iluhin.ru/node/25>

176. Арутюнян, А. Сделка с правосудием: торг уместен? [Электронный ресурс] / А. Арутюнян // ЭЖ-Юрист. – 2009. – № 46. – Режим доступа: <https://forum.zakonia.ru/showthread.php?t=44413&ysclid=lrj0fkkmv746462156>. – Загл. с экрана.

177. Илюхин, В.И. «Царицу доказательств» подсаживают на трон [Электронный ресурс] / В. И. Илюхин, Н. С. Гурьянова. – Режим доступа: http://www.PNP.ru/pg_nomers/5242.html. – Загл. с экрана.

178. https://go.mail.ru/search_video?fm=1&rf=

179. Действующий УПК РФ. Изменения и дополнения УПК РФ – Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/68160/pravo/deystvuyuschiy_izmeneniya_dopolneniya?ysclid=lrj14jjqg9128232220. – Загл. с экрана.

180. Лысков, А. Сотрудничать можно со следствием, но не с правосудием [Электронный ресурс] / А. Лысков // Рос. Федерация сегодня. – 2009. – № 13. – С. 58. – Режим доступа: URL: http://www.russia-today.ru/2009/no_13/13_SF_02.htm. – Загл. с экрана.

181. СУ-СС-0005/23-О3.

182. СУ-СС-00016/23-О.

ПРИЛОЖЕНИЕ №1.

Анкета для опроса следователей, адвокатов и судей

Уважаемые коллеги!

Вновь принятые УПК КР 2017, 2021 г.г. внесли определенные изменения в деятельность следственно-прокурорских, судебных органов страны. С появлением такого нового института, как Судебный контроль образовалась своеобразная площадка для дискуссии по отдельным спорным моментам, среди которых особое мнение имеют следственные судьи, следователи, прокуроры и адвокаты. В связи с этим, приглашаем Вас принять участие в исследовании проблем связанных с реализацией на практике норм регламентирующих процедуру осуществления судебного контроля. Мы будем признательны, если Вы внимательно прочитаете вопросы анкеты и ответите на них. Ваше мнение является для нас чрезвычайно важным!

Порядок заполнения:

1. Анкета заполняется лицами, являющимися субъектами уголовно-процессуальной деятельности
2. Указание фамилии не требуется, что позволит надеяться на достоверность и объективность ответов
3. К каждому вопросу даны варианты ответов, выбрав один или более из них, обведите его (их) кружком
4. Незаполненная строка предполагает возможность формулирования Вашего варианта ответа по некоторым вопросам анкеты

Перечень вопросов:

Что по вашему является предметом судебного контроля?

Варианты ответов:

- 1) Все пункты в УПК КР указывающих на полномочия следственного судьи;
- 2) Пункты полномочий указанных лишь в Разделе 8 УПК КР;
- 3) Иной вариант ответа;
- 4) Затрудняюсь ответить.

Какова роль судебного контроля в уголовном судопроизводстве?

1) Обеспечение законности и обоснованности проведения расследования уголовного дела;

2) Защита прав и законных интересов участников процесса;

3) Необходимость, вызванная реформой уголовного судопроизводства;

4) Иной вариант ответа.

Является ли судебный контроль составной частью функции правосудия?

1) Да, является частью функции правосудия;

2) Нет, судебный контроль – это самостоятельная функция;

3) Иной вариант ответа.

Как определяется следственными судьями предел осуществления судебного контроля?

1) Определяется строго предписаниями УПК КР;

2) По судебскому усмотрению;

3) Иной вариант ответа.

Должен ли следственный судья в рамках судебного контроля оценивать доказательства?

1) Да, должен в каждом случае;

2) Нет, не должен;

3) Только при необходимости;

4) Иной вариант ответа.

С ограничением каких конституционных гарантий Вы чаще сталкиваетесь в практической деятельности?

1) Неприкосновенность жилища;

2) Неприкосновенность личности;

3) Неприкосновенность собственности.

Желаете ли Вы расширение полномочий следственного судьи в сфере санкционирования?

1) Специальных следственных действий;

2) Следственных действий;

3) Мер процессуального обеспечения;

4) Иной вариант ответа.

Оправдывается ли положение закона о запрете следственному судье рассматривать это же дело по существу?

- 1) Да, оправдывается;
- 2) Нет, не оправдывается;
- 3) Иной вариант ответа.

Достаточно ли в УПК КР гарантий для обеспечения независимости следственных судей;

- 1) Да, достаточно;
- 2) Нет, недостаточно;
- 3) Иной вариант ответа;

Какой из мер пресечения приходится чаще санкционировать?

- 1) Заключение под стражу;
- 2) Домашний арест;
- 3) Залог.

Какие из указанных обстоятельств являются для Вас ключевым при санкционировании меры пресечения?

- 1) подозреваемый, обвиняемый не имеет постоянного или временного места жительства на территории Кыргызской Республики;
- 2) его личность не установлена;
- 3) им нарушена ранее примененная мера пресечения;
- 4) он скрылся от органа, осуществляющего досудебное производство, или суда.

12. Наиболее эффективный вариант возложение надзора за домашнеарестованным?

- 1) На участковых уполномоченных;
- 2) На следователя;
- 3) На иных сотрудников органов внутренних дел;
- 4) На судебные приставы и другие должностные лица и службы;
- 5) Электронное наблюдение.

13. Какой из видов следственных действий приходится чаще Вам санкционировать?

- 1) обыск;
- 2) выемка;
- 3) осмотр жилища;
- 4). Эксгумация.

14. Какой из видов специальных следственных действий приходится чаще Вам санкционировать?

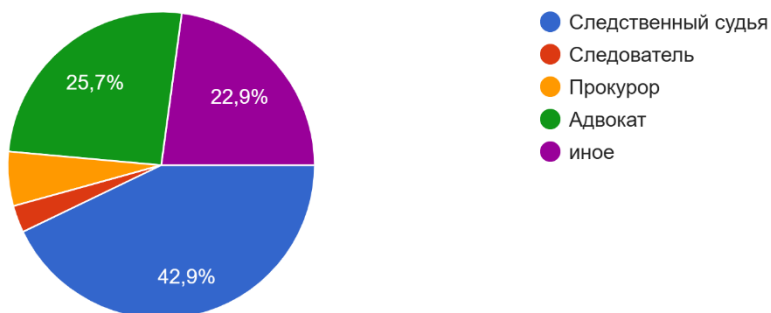
- 1) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления и их осмотр и (или) выемка;
- 2) прослушивание переговоров;
- 3) получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами или о местоположении абонентского устройства;
- 4) снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств;
- 5) аудио-, видеоконтроль лица или места;
- 6) наблюдение за лицом или местом;
- 7) проникновение и обследование нежилого помещения или иного недвижимого имущества, находящегося во владении или распоряжении лица;
- 8) получение образцов для сравнительного исследования в целях производства экспертизы;
- 9) внедрение в преступную среду и (или) имитация преступной деятельности;
- 10) контролируемая поставка;
- 11) контрольный закуп.

15. Дает ли соответствующий эффект упрощенное судебное разбирательство при заключении соглашения о признании вины?

- 1) да, эффективно;
- 2) Нет, не эффективно;
- 3) иной вариант ответа.

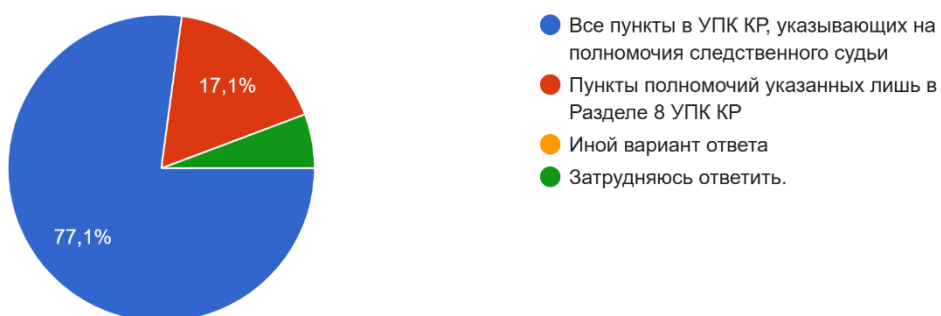
Субъект уголовно- процессуальной деятельности (выберите ваш вид деятельности):

35 ответов

Что по вашему является предметом судебного контроля?

35 ответов

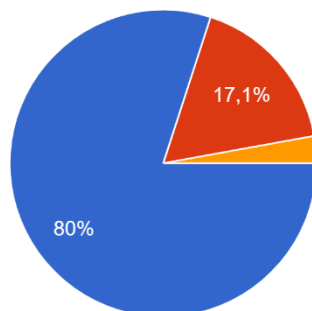
Какова роль судебного контроля в уголовном судопроизводстве?

35 ответов

Является ли судебный контроль составной частью функции правосудия?

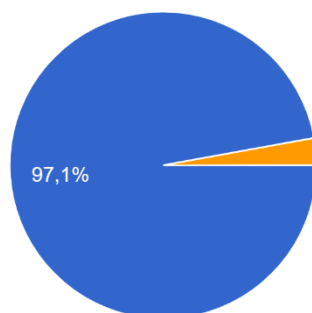
35 ответов

- Да, является частью функции правосудия
- Нет, судебный контроль – это самостоятельная функция
- Иной вариант ответа

Как определяется следственными судьями предел осуществления судебного контроля?

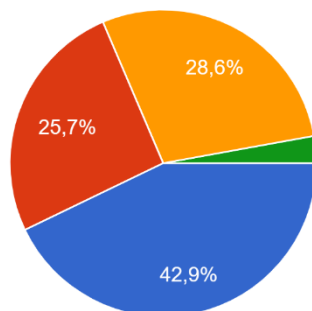
35 ответов

- Определяется строго предписаниями УПК КР
- По судебскому усмотрению
- Иной вариант ответа

Должен ли следственный судья в рамках судебного контроля оценивать доказательства?

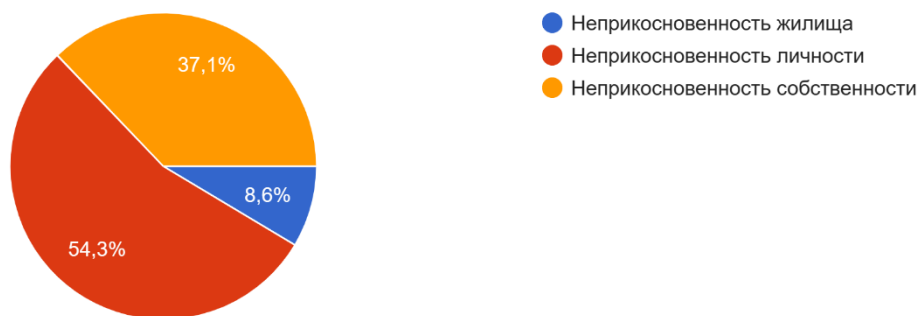
35 ответов

- Да, должен в каждом случае
- Нет, не должен
- Только при необходимости
- Иной вариант ответа

С ограничением каких конституционных гарантий Вы чаще сталкиваетесь в практической деятельности?

35 ответов

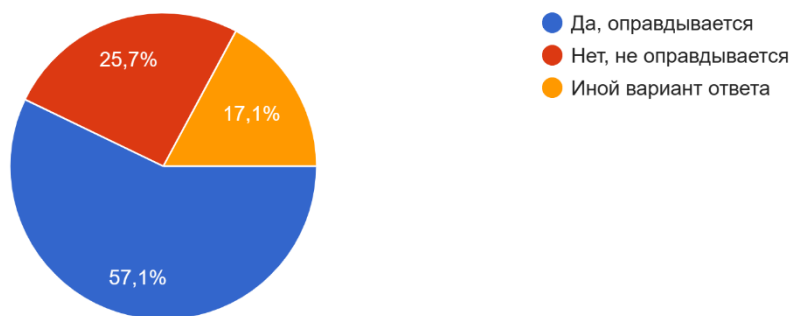
Желаете ли Вы расширение полномочий следственного судьи в сфере санкционирования?

35 ответов

Оправдывается ли положение закона о запрете следственному судье рассматривать это же дело по существу?

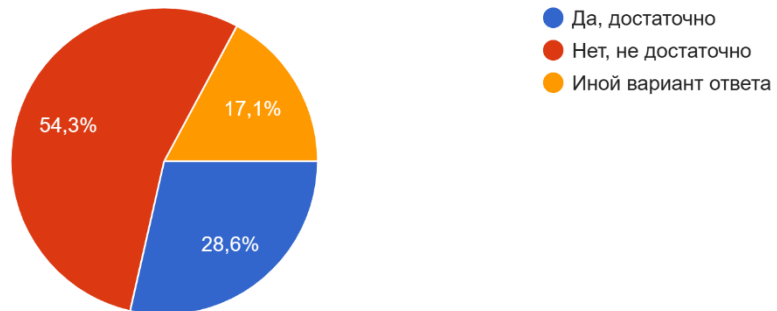
35 ответов

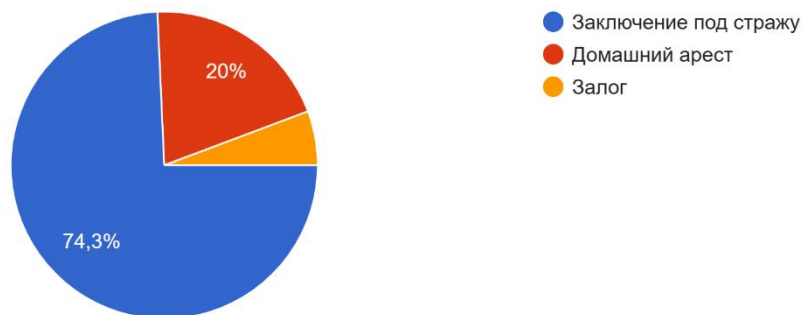
Достаточно ли в УПК КР гарантий для обеспечения независимости следственных судьей?

35 ответов

Какой из мер пресечения приходится чаще санкционировать?

35 ответов

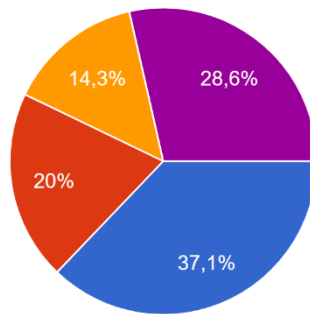
Какие из указанных обстоятельств являются для Вас ключевым при санкционировании меры пресечения?

35 ответов

Наиболее эффективный вариант возложение надзора за домашнеарестованным?

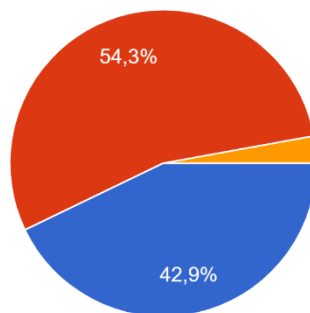
35 ответов

- На участковых уполномоченных
- На следователя
- На иных сотрудников органов внутренних дел
- На судебных приставы и другие должностные лица и службы
- Электронное наблюдение

Какой из видов следственных действий приходится чаще Вам санкционировать?

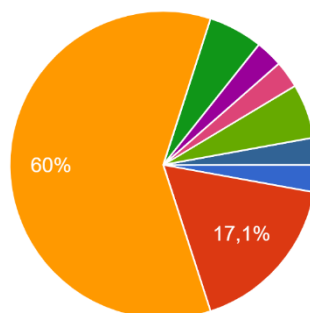
35 ответов

- обыск
- выемка
- осмотр жилища
- экспурация

Какой из видов специальных следственных действий приходится чаще Вам санкционировать?

35 ответов

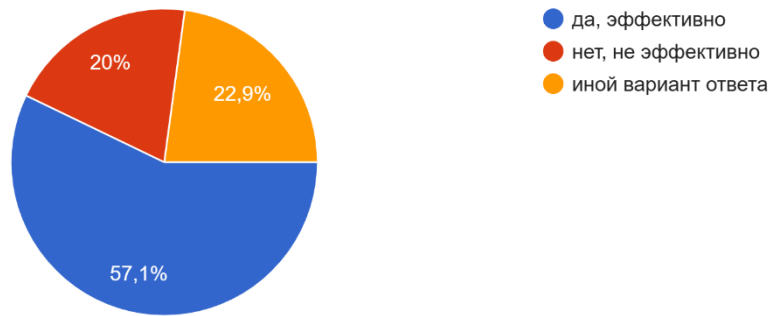

- наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их вскрытие и содержание
- прослушивание переговоров
- получение информации о соединении и разговоре абонентов
- снятие информации с компьютеров, серверов, модемов, факсов и других средств связи
- аудио-, видеоконтроль лица или места его проживания
- наблюдение за лицом или местом
- проникновение и обследование нежилых помещений
- получение образцов для сравнительного анализа

▲ 1/2 ▼

Дает ли соответствующий эффект упрощенное судебное разбирательство при заключении соглашения о признании вины?

35 ответов

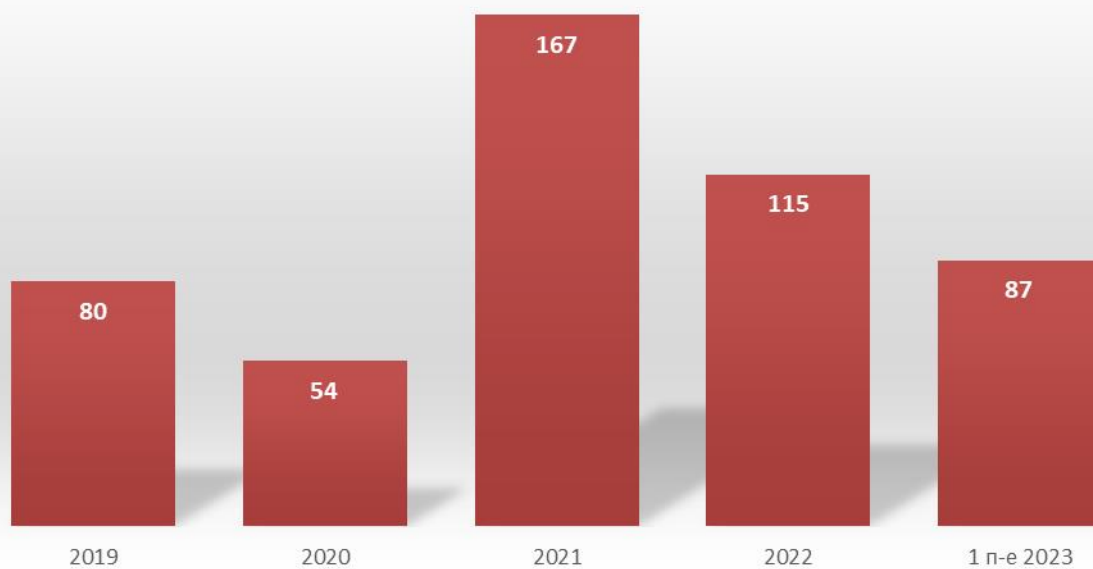

ПРИЛОЖЕНИЕ №2.

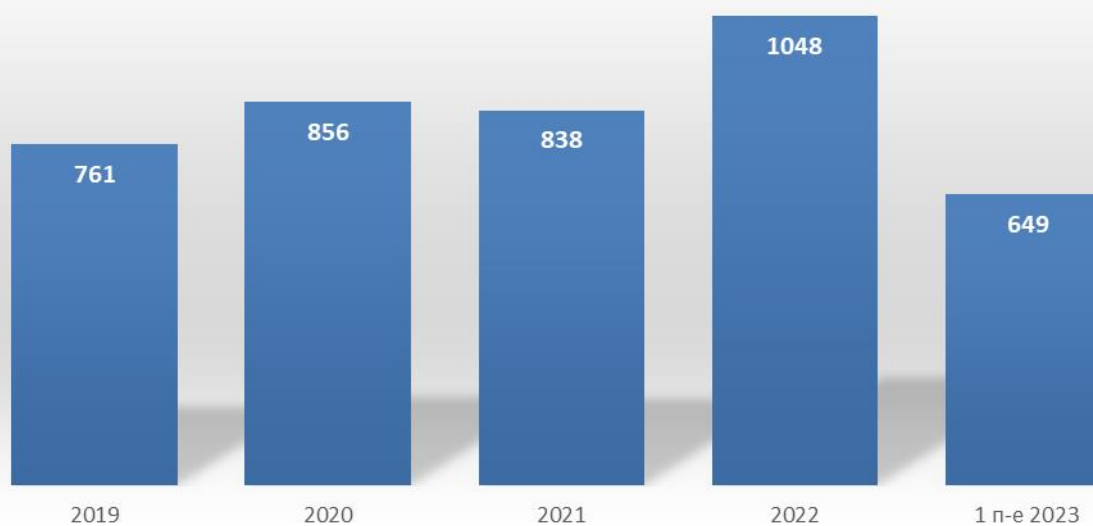
Данные статистики по осуществлению судебного контроля в Кыргызской Республике на период с 2019 г. по первое полугодие 2023 г.

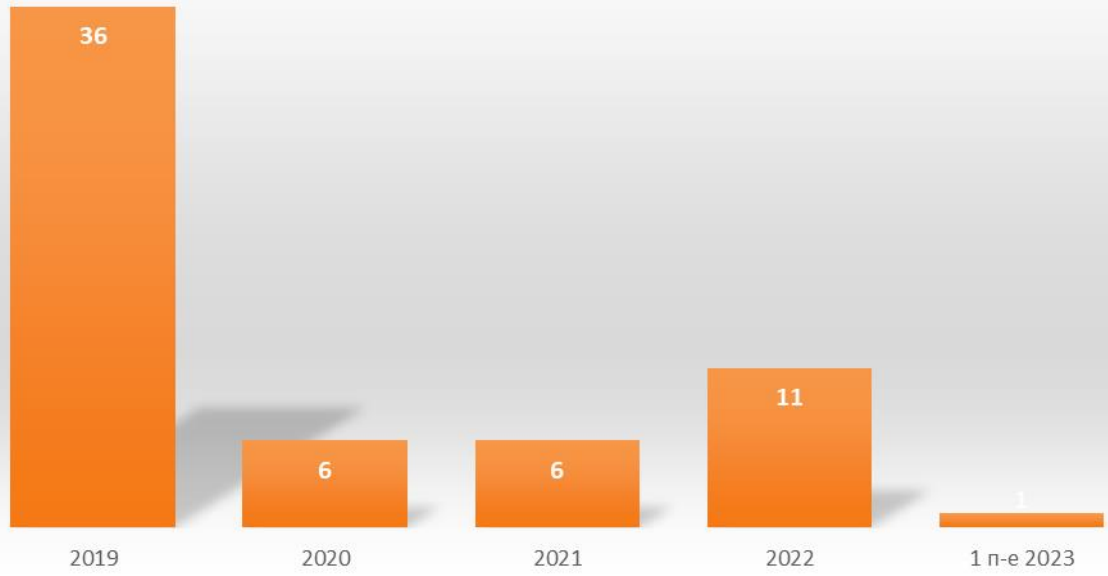
Временное отстранение от должности

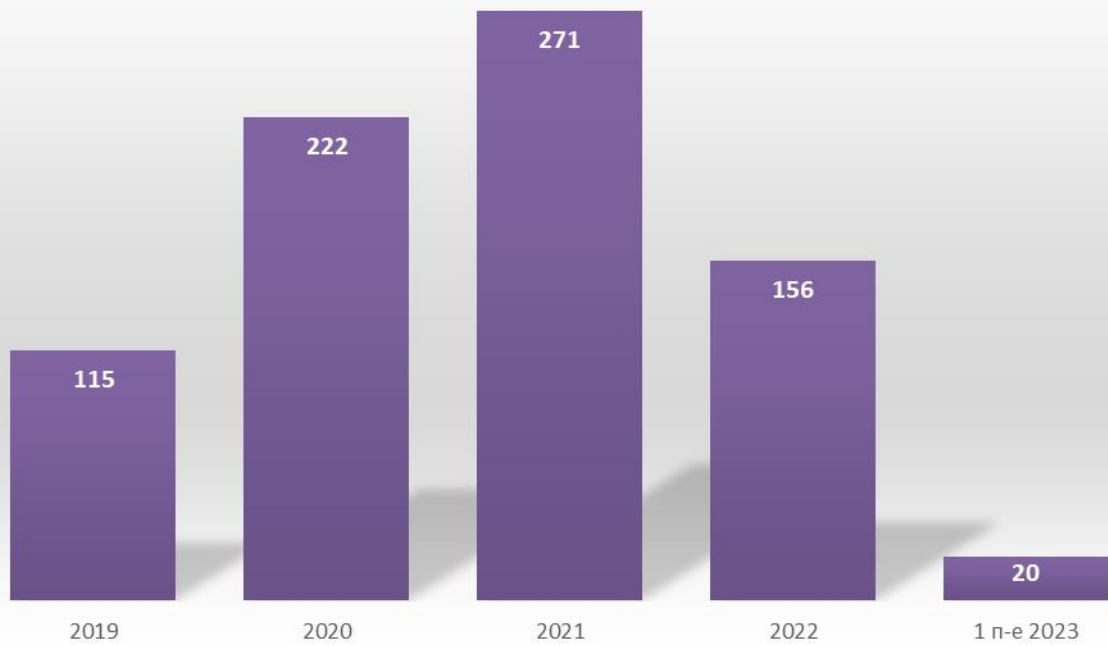
Наложение ареста на имущество

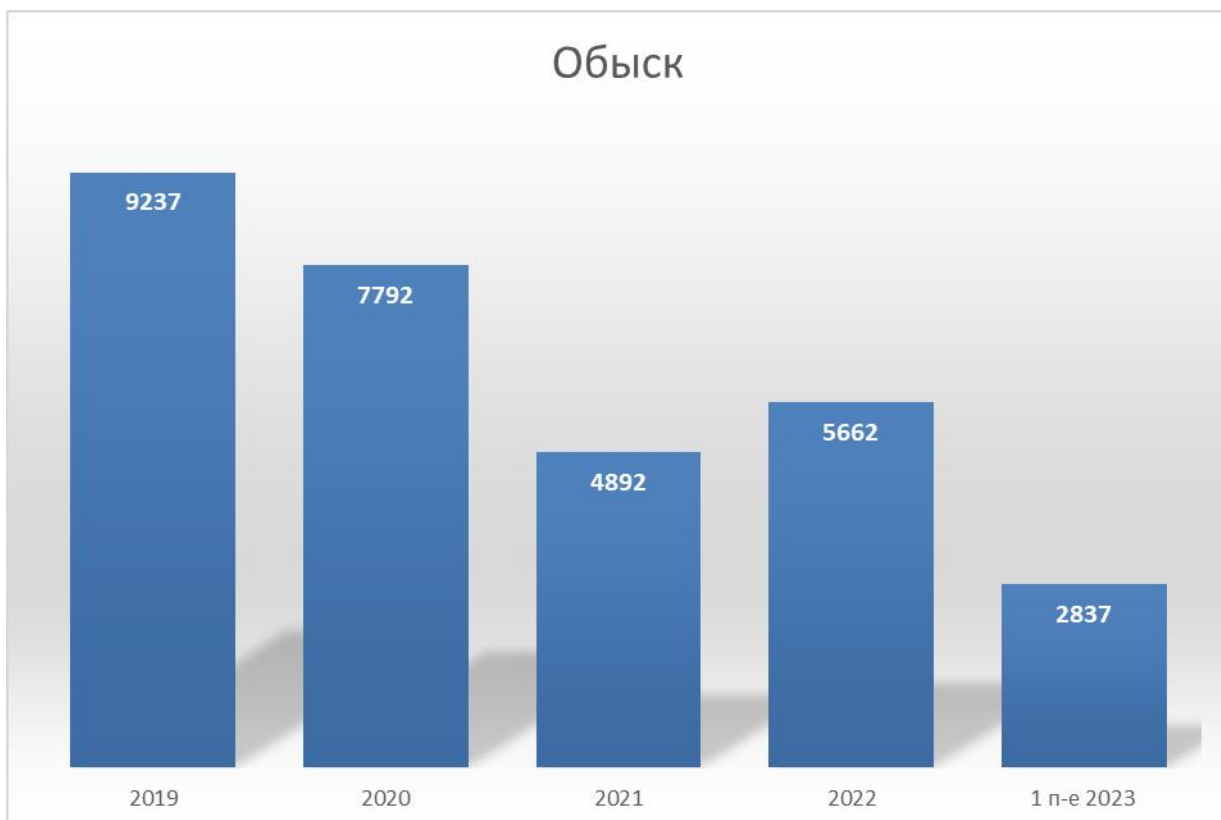

Эксгумация

Осмотр жилища

2019 - 1 п-е 2023

